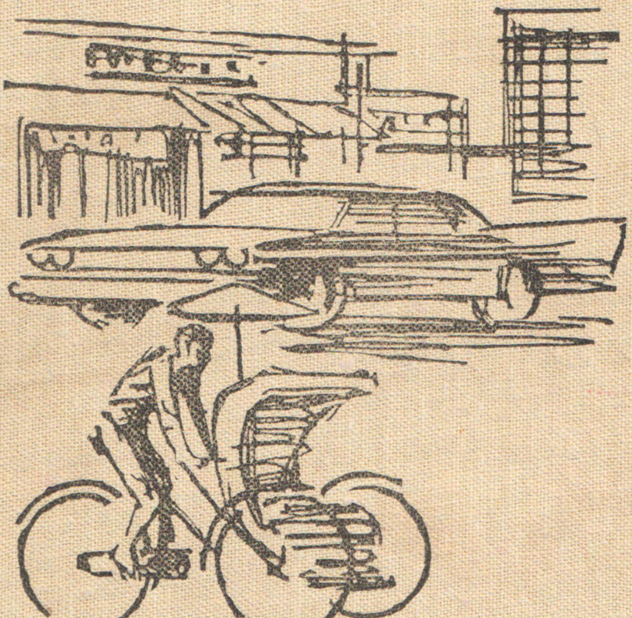
СИНГАПУРСКАЯ МОЗАИКА

РАССКАЗЫ

ВЭЙ ЮНЬ
ИНЬ ЧЖИЯН
ЛО ПИН
МАН ЮАНЬ
МЯО СЮ
СЕ КЭ
У ВЭЙЦАЙ
ЧЖАО ЖУН
ЧЖОУ ЦАНЬ
ЦЗЯНЬ ЖЭНЬ
ЮЙ МОВО
ЯНЬ ЧЭНЬ

СИНГАПУРСКАЯ МОЗАИКА

РАССКАЗЫ

Перевод с китайского

МОСКВА
«ПРОГРЕСС» 1980

Составитель и автор предисловия
Д. Воскресенский
Редактор *А. Файнгар*

Сингапурская мозаика: Сборник рассказов. *Пер. с кит.* М.: Прогресс, 1980.—320 с.

Сборник рассказов писателей Сингапура, пишущих на китайском языке, впервые знакомит советского читателя с самобытной литературой молодой страны, накопившей немалые литературные и культурные традиции. Представленные здесь прозаики пишут в реалистической манере, они воссоздают в своих рассказах колорит многонационального города-государства.

В центре внимания писателей жизнь простого трудящегося человека. Немало рассказов посвящено недавнему прошлому — японской оккупации в годы второй мировой войны. Гуманистические, демократические идеи пронизывают все рассказы сборника.

Все произведения, включенные в настоящий сборник, опубликованы на языке оригинала до 1973 г.

С $\frac{70304-342}{006(01)-80}$ 113-80 4703000000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каких-нибудь лет десять — пятнадцать назад наше представление о далеком острове Сингапур, который будто прилепился к вытянувшемуся в сторону экватора Малакскому полуострову, было романтически туманным и по меньшей мере неопределенным. Название это невольно рождало в памяти картины экзотических краев, о которых в свое время увлекательно рассказали И. А. Гончаров, К. М. Станюкович, Дж. Конрад, С. Моэм и другие писатели.

О бывшей колонии Великобритании в свое время немало писалось на Западе. На книжных полках Сингапурской национальной библиотеки и сейчас стоят длинные ряды трудов о Малайе и Сингапуре на разных европейских языках. Они содержат многочисленные сведения о природе этих мест, об обычаях и верованиях здешних народов. Научные сочинения перемежаются популярными книжками об экзотических сторонах местной жизни: малайских шаманах, индийских факирах, китайских медиумах, средневековых культах и тайных обществах. В этом порой увлекательном и интересном мире нелегко, однако, заметить жизнь людей в ее повседневности. По вполне объяснимым, разумеется политическим, причинам эти книги намеренно уводили читателя от реальных проблем действительности.

В понимании сингапурской жизни, конечно, могла бы помочь художественная литература, но сингапурскую литературу мало знают за пределами Малайзии и Сингапура. Да и то, что известно,— это главным образом местная англоязычная литература. Между тем в Сингапуре существует литература на

малайском, китайском, индийских языках, и каждая из них раскрывает неповторимый национальный мир. Каждая по-своему рисует прошлое Сингапура и его настоящее.

История Сингапура коротка. В 1979 году этот двухмиллионный город, пятнадцать лет назад ставший государством, отмечает свою сто шестидесятую годовщину. Полтора столетия назад Сингапур являл собой остров, на котором среди джунглей были разбросаны поселения рыбаков — кампонги. Примеченный дальновидным и хватким чиновником Ост-Индской компании Стамфордом Раффлзом (памятник ему и сейчас красуется в городе), остров был куплен у местного князька и приобщен к британской короне. Через несколько десятилетий он стал крупным портом и важным форпостом англичан на Дальнем Востоке. Город-порт стремительно рос и процветал. В поисках счастья сюда устремились люди из разных стран, главным образом из Индии, Китая, с Филиппин. Среди них были торговцы, искатели приключений и авантюристы. Больше всего, однако, было гонимых нуждою бедняков, которые приезжали сюда в поисках счастья, надеясь прокормить себя и свою семью. Уже в конце прошлого века на острове стоял вполне респектабельный город, в котором викторианская помпезность соседствовала с утонченным стилем колониальных бунгало и пестротой малайских, китайских и индийских кварталов. В начале XX века в Сингапуре проживало более 300 тысяч человек.

Судьба Сингапура в последние несколько десятилетий складывалась сложно и драматично. До второй мировой войны Сингапур был типичной английской колонией, в которой жизнь текла по заведенному метрополией порядку. Чинному и размеренному бытию наступил конец, когда вспыхнула

война на Тихом океане. Неожиданное падение крупнейшей на Дальнем Востоке военно-морской базы англичан показало немощь Британской империи и разрушило веру людей в незыблемость колониального господства. Японская оккупация острова обострила национально-патриотические чувства местного населения. Началась почти двадцатилетняя борьба народов Малайи за независимость, которая увенчалась победой. В 1963 году на политической карте мира появилось независимое государство Малайзия, а спустя два года (7 августа 1965 года) — Сингапур.

У Сингапура свое, неповторимое лицо. Едва ли не самая его примечательная черта — национальная пестрота, которая проявляется буквально во всем: во внешнем облике города, в нарядах людей, в их говоре, в их обычаях. С момента своего возникновения Сингапур развивался именно как многонациональный город, в котором европейцы составляли меньшинство. На духовную жизнь города, культурные и идеологические процессы оказывало огромное влияние наличие крупных национальных общин со своим укладом и культурными запросами. Каждая из них старалась выразить свой национальный характер — в разнообразных обрядах, искусстве, литературе. Эта особенность сохранилась по сей день.

Культурная база колониального Сингапура была слаба. Огромный город-порт, центр торговой и деловой активности, все духовные силы людей направлял на предпринимательство — бизнес. За многие десятки лет сформировался определенный стиль жизни, в которой больше ценилась деловая сметка, нежели творческий талант. К этому надо добавить, что старый Сингапур в значительной мере представлял собой общество эмигрантов, устремления которых сводились к тому, чтобы, разбогатев, уехать.

До войны представители разных национальных групп, как правило, поддерживали тесные контакты с родными краями и жили теми событиями, которые там происходили. Некоторые социальные и культурные процессы, скажем, в Индии или в Китае находили отголосок в Сингапуре. Не случайно, что в течение десятилетий до войны и какое-то время в послевоенный период многие явления в общественной и культурной жизни Сингапура были в значительной мере подражательными, быстротечными. Появлялись и тут же исчезали новые газеты и журналы. Издателям не хватало средств, интерес к их начинаниям со стороны местного общества был не слишком велик. Многие талантливые люди, не сумев найти применение своим творческим способностям, покидали Сингапур. В то время его нередко называли «культурной пустыней».

В последние десятилетия, однако, в жизни Сингапура многое переменилось. Прежде всего население перестало быть «эмигрантским». Общество стабилизировалось в своих национальных и этнических рамках, причем абсолютное большинство людей в настоящее время составляют те, кто родился в Сингапуре в последние двадцать — тридцать лет. Для сингапурского индийца или китайца, не говоря уже о малайце, Сингапур — родина, а не временное пристанище. Теперь сингапурцы иначе относятся к социальным и культурным явлениям, происходящим в обществе. Им кажутся чуждыми влияния или тенденции, которые, придя извне, пытаются прижиться на местной почве. Национальная ограниченность и скованность, которые проявляли себя в недалеком прошлом, все больше уступают место чувству национального достоинства, осознанию необходимости укрепления местных национальных традиций.

Современная сингапурская культура молода.

Пока еще трудно говорить о гармоничном единстве входящих в нее частей. Однако процесс сближения происходит и, несомненно, будет развиваться в будущем. Сейчас пока можно сказать о причудливом переплетении разных национальных культурных традиций. Среди национальных общностей численно выделяется китайская национальная группа (сингапурцы китайского происхождения), со своими культурными традициями, своей литературой, которая имеет даже собственное название — *«махуа вэньсюэ»*, что значит китайскоязычная литература Малайзии и Сингапура.

В самом названии заключено своеобразие этой литературы. Например, то, что она создается на китайском языке. Однако это не «чистый» китайский язык, а своеобразная его форма с многими особенностями (лексическими, синтаксическими, фонетическими). Местный быт обогатил язык разного рода диалектизмами, жаргонизмами и т. д. К особенностям литературы *махуа* относится и то, что она существует в двух странах, местные писатели воспринимают себя представителями единой литературы — Сингапура и Малайзии. В этом есть своя логика: общая история, сходные проблемы, нередко литераторы живут в Малайзии, а печатаются в Сингапуре, и наоборот.

Китайскоязычная литература Малайзии и Сингапура стала складываться около полувека назад, в то время, когда здесь уже сформировалась довольно устойчивая прослойка интеллигенции из разных этнических групп. В 20-е годы появились многочисленные газеты на китайском языке (старейшая из них, «Латбао», выходила еще в начале XX века), общественно-политические и литературно-художественные журналы, литературные приложения к газетам. В 20—30-е годы духовная жизнь ки-

тайской общины в значительной степени определялась идеологическими и культурными процессами, происходившими в Китае (Синьхайская революция, антиимпериалистическое движение 4 мая 1919 года и т. д.), которые оказали заметное воздействие на местную духовную жизнь. Китайскоязычная литература в предвоенные годы формировалась в тесной связи с прогрессивной литературой Китая. Не удивительно, например, что в литературе и культуре Сингапура и Малайзии в миниатюрной форме как бы повторялись некоторые процессы, имевшие место в китайской действительности той поры. Например, в 30-е годы в Сингапуре возникло движение «За пролетарскую литературу и искусство» и «За литературу широких масс». Многие сингапурские авторы испытали значительное влияние со стороны китайских писателей — Лу Синя, Мао Дуня, Ба Цзиня, Лао Шэ, Сюй Дишаня, Юй Дафу, тем более что некоторые из них какое-то время жили в Сингапуре. Воздействие писателей, стоявших у истоков прогрессивной реалистической литературы Китая, имело свои положительные стороны. С их помощью сингапурские писатели знакомились с мировой прогрессивной литературой, с творчеством Гоголя, Толстого, Достоевского, узнали о молодой советской литературе — о произведениях Горького, Маяковского, Серафимовича. Некоторые сингапурские авторы старшего поколения и сейчас нередко вспоминают об этом в своих очерках и статьях.

Но уже перед войной в Сингапуре и Малайзии появляется своеобразная и самостоятельная литература, в которой местная действительность выступает не как экзотический фон, но является самим существом и сердцевиной художественного творчества. У истоков этой литературы стояли писатели Сюй Сюй, Чжан Цзиньянь, Вэй Юнь (приехавшие в

эти края в 20—30-е годы), а также молодые коренные сингапурцы Мяо Сю, Чжао Жун и другие. Вспоминая этот период, крупнейший прозаик Сингапура Мяо Сю пишет: «Небольшое число авторов, проявляя инициативу, обращались к местным сюжетам, стремясь отразить в них жизнь местных китайцев и действительность колониального общества. Еще в 1927 году Чжан Цзиньянь, некто под псевдонимом «Госпожа LS», Хуа И в журнале «Хуандао»[1] решительно заявили о необходимости обращения литературы и искусства к мотивам Наньяна[2]. Наньянские мотивы вовсе не сводились лишь к описанию таких местных диковин, как пальмы и бананы...» Это были первые голоса, в которых чувствовалось несогласие с идеей подражательности и твердое убеждение в необходимости поисков самостоятельного пути.

Война приостановила или разрушила почти все культурные процессы. Однако после войны они получили еще более мощный импульс, соединившись с движением народов Малайи за национальную независимость, против колониального режима.

Местные авторы все настойчивее отстаивали самобытность литературы и искусства Сингапура и Малайзии, призывали к широкому отражению местной действительности. Появилась местная литературная критика. Начались острые дискуссии о развитии национальной культуры, которые имели принципиальное значение для дальнейших судеб сингапурской литературы и искусства. Например, в конце 40-х и в 50-х годах литературные круги Сингапура захватил спор о так называемой «эмигрантской литературе». Молодые местные писатели Мяо Сю, Чжао Жун и другие выступили с резкой критикой

---

[1] «Пустынный остров» *(кит.)*.

[2] *Букв.*: Южный океан. Китайское название Юго-Восточной Азии.

тех, кто, по словам Чжао Жуна, «держа в руках газету, устремлял взгляд за море», считая, что местная культура без внешних идеологических и культурных «инъекций» обречена на гибель. Отстаивая специфику местной китайскоязычной литературы, ее самостоятельность, молодым авторам пришлось выдержать яростные схватки с «заморскими авторитетами» (типа Ша Пина, он же китайский литератор Ху Юйчжи), которых поддерживали такие писатели, как Ся Янь и Го Можо. Двадцативосьмилетний Мяо Сю в 1948 году писал: «Глашатаи эмигрантской группы начисто отрицают, что малайские китайцы — это лишь одна из национальностей этих мест... Они догматически и механически переносят принцип интернационального содержания и национальной формы на современное литературное движение *махуа*. Такое жонглирование шаблонами и догматическое мышление ничего общего не имеет с подлинным духом марксизма-ленинизма».

Уже тогда было очевидно, что в позиции «эмигрантской группы» проявилось националистически высокомерное отношение к Сингапуру как некоей периферии Китая. В наши дни эти взгляды по отношению к этническим китайцам Юго-Восточной Азии возведены в КНР в ранг государственной политики.

Сингапурские литераторы сумели не только отстоять право молодой многонациональной культуры на самостоятельное существование, но и выработать важные принципы прогрессивного развития своей культуры. Об этом свидетельствовали выступления литераторов в 50—60-е годы в защиту реализма в литературе и искусстве, за отражение в литературе социально значимых и важных общественных проблем.

Современная литература Сингапура на китай-

ском языке разнообразна. Проза представлена многочисленными сборниками повестей и рассказов, которые выходят в рамках популярных здесь серий «Библиотека литературы и искусства новой Малайи», «Книжное хранилище Наньяна» и других. В 70-е годы было завершено многотомное издание «Антология китайскоязычной литературы». По сведениям писателя и литературного критика Чжао Жуна, уже к середине 60-х годов в Сингапуре было издано более 800 книг и сборников, появилось более сотни различных литературных журналов, причем 90 процентов изданий приходится на послевоенные годы.

Первые романы появились еще в предвоенные годы («Густой дым» и «Горячие испарения» старейшего прозаика Ли Цаньтяня). Однако главные достижения в этом жанре приходятся на послевоенное время. О сложных судьбах людей в разных районах Малайи поведал роман Вэй Юня «На мелководье» (1959). В романах «Огненные волны» Мяо Сю (1960), «Малакский пролив» Чжао Жуна (1960) изображена суровая действительность в годы войны и японской оккупации. Одним из наиболее значительных произведений последнего времени является роман Мяо Сю «На исходе ночи» (1976), в котором автор вновь вернулся к теме войны.

Проза малых форм (повести, рассказы, очерки) разнообразна по тематике, богата сюжетами, ей свойственна серьезная проблематика, волнующая общественность страны. Она колоритна и познавательна этнографически. Современную сингапурскую литературу можно назвать также и нравоописательной — она отражает местную действительность и ее неповторимый колорит, проявляющийся в повседневной жизни людей, в своеобразных нравах и обычаях здешних мест.

Один из наиболее известных сингапурских писателей — Вэй Юнь (настоящее имя Цюй Вэньчжуан, род. в 1911 г. в Гонконге) — стоял у истоков реалистической литературы Сингапура и Малайзии. Его первые произведения появились еще до войны, но полностью творческое дарование Вэй Юня раскрылось в послевоенные годы в романе «На мелководье», в тонкой психологической повести «Думы о возвращении», в многочисленных рассказах и новеллах — сборники «Старая земля» (1956), «Сумерки в Вороньей гавани» (1959), «Весенний лед» (1971),— в которых писатель тонко и проникновенно изобразил картины жизни современной Малайзии и Сингапура.

Вэй Юнь прекрасно знает Юго-Восточную Азию, которую он исколесил вдоль и поперек, прежде чем обосноваться в Малайзии, где живет и сейчас. Насыщенная событиями жизнь (а ему пришлось многое увидеть, когда он служил солдатом и матросом, рыбаком и клерком, учителем школы) отразилась в его произведениях. Здесь и далекие горные кампонги Малайи, и шумные улицы Сингапура, картинки цветущего Пенанга или небольших островов Индонезии. Его герои — малайские рыбаки и земледельцы, китайские актеры и ремесленники, индийские коммерсанты, европейские чиновники и т. д. Вэй Юнь — убежденный реалист, но его творчеству свойственны и романтические черты, которые невольно заставляют вспомнить Дж. Конрада или А. Грина. Вэй Юнь любит, например, изображать «дальние страны», которые возникают у него в романтической дымке. В сюжетах, исполненных драматических ситуаций, фигурируют, казалось бы, обыкновенные люди, но они изображаются в исключительных ситуациях. Эта особенность проявилась и в рассказах «Сумерки в Вороньей гавани»,

«Встреча на обратном пути», помещенных в нашей книге.

Изображение сингапурской жизни в ее социальной обусловленности характерно для крупнейшего прозаика Мяо Сю (настоящее имя Лу Шаоцюань, род. в 1920 г. в Сингапуре). Мяо Сю пришел в литературу еще до войны, когда работал газетным служащим (в частности, в одном из литературных приложений, редактором которого был погибший в годы оккупации видный китайский писатель Юй Дафу), и сменил с тех пор множество разных профессий, совмещая их с писательским трудом. Большой жизненный опыт и знание сингапурской действительности помогли писателю создать произведения, в которых читатель как бы воочию видит срез сингапурского общества. Мяо Сю — автор многих романов и повестей, наиболее известна его повесть «Под крышами Сингапура». За последние десятилетия Мяо Сю опубликовал несколько сборников рассказов («Шестнадцатый», «Красный туман», «Среди людей и зверей» и другие). Он выступает как автор литературно-критических статей и эссе на злободневные темы сингапурской действительности и литературы.

Главные герои рассказов Мяо Сю — простые люди, из среды которых вышел и он сам. Писателю понятны их интересы, близки заботы. Его произведения отличает достоверность, психологическая убедительность характеров. Таковы Шамэй («На отмели») или Чокнутый («После освобождения»). Писатель старается привлечь внимание к судьбам этих людей, нелегким, а подчас трагичным. Произведения Мяо Сю злободневны и актуальны. В рассказе «После освобождения», к примеру, поднимается проблема безработицы среди молодежи, которая была особенно остра в 50—60-е годы. В рассказе

«Клетка» автор затрагивает не менее злободневный вопрос положения женщины, скованной семейными и общественными предрассудками.

Острые социальные проблемы затрагиваются в творчестве известного прозаика и литературного критика Чжао Жуна (род. в 1920 г. в Сингапуре). В своих рассказах и очерках Чжао Жун раскрывается как последовательный реалист, для которого подлинным критерием настоящего творчества является правда жизни. Вот почему в публицистических статьях он нередко приводит слова Толстого и Горького, а также высказывания В. И. Ленина о важности для любого настоящего художника правдиво изображать реальную действительность в ее социальной обусловленности. Эти принципы воплотились в романе «Малакский пролив» и в многочисленных рассказах — таковы психологически верный и драматичный рассказ «Лотерея» и миниатюра «Праздник».

Своеобразие жизни Сингапура и Малайзии по-своему раскрывается в творчестве талантливого писателя Ман Юаня. Ман Юань (род. в 1941 г. в Малайзии) — автор сборника рассказов «Сверкающая весна», повести «Черный стяг». Для его писательской манеры характерен рассказ «У Седьмого моста», в котором изображается быт небольшого малайского поселения. Писателю удалось передать медлительное течение жизни и ее внешнюю безмятежность, за которой скрываются большие человеческие драмы.

Значительное распространение в Сингапуре и Малайзии (здесь не много крупных издательств, и писатели печатаются главным образом в газетах и журналах) получил жанр миниатюры. Эти зарисовки с натуры не претендуют на глубокое раскрытие человеческих характеров, цель их — запечат-

леть эпизод, подметить черточку местного быта и т. д. В небольшой миниатюре Цзянь Жэня «Секреты предков» сочно, с тонким юмором показывается довольно распространенное явление местной жизни — деятельность уличных торговцев снадобьями. Миниатюре отдал дань известный журналист, сотрудник газеты «Наньян шанбао» Се Кэ (род. в 1931 г. в Сингапуре), автор сборников «Ради нового поколения», «Город в осаде». Се Кэ пишет о жизни большого города. Один из его сборников, «Сингапурская мозаика», дал название нашей книге, здесь помещен рассказ Се Кэ «Побег».

Критическое отношение к действительности, социальному неравенству характерны для большинства произведений сингапурских писателей, многим из них свойственны сатирические тона. Это относится к творчеству прозаика и очеркиста Юй Мово (род. в 1915 г.). В рассказе «Беда» Юй Мово с нескрываемой издевкой пишет о пустой жизни сингапурских буржуа. Явная ирония слышится в рассказе Чжоу Цаня (род. в 1934 г., известен и как поэт) «Невеста», где автор изображает мелкие заботы процветающих обывателей. Сатирически остры многие рассказы Мяо Сю («Золотые ножницы», «Комнатка у лестницы»). Писатель зло высмеивает буржуазное мещанство, осуждает чванство и человеческую ограниченность.

Большой художественной выразительностью отличаются произведения Ло Пина (род. в 1919 г. в Китае), писателя и журналиста, работающего в редакции Сингапурского радио и телевидения. В его рассказах — Ло Пин автор сборников «Трагикомедия маленького человека», «Игроки» и др.— чувствуется хорошее знание местной действительности. В сатирической манере написан его рассказ «Отбросы общества».

Многие сингапурские авторы изображают действительность 40—60-х годов, то есть эпохи, когда в Малайе еще царили колониальные или полуколониальные порядки. Сломленные и искалеченные тяжелой жизнью люди гибли или опускались на дно. Трагизм человеческого бытия, безысходность жизни по-разному отразились в творчестве многих писателей. Мы ощущаем его в рассказах Вэй Юня («На закате»), Ло Пина («Отбросы общества»), Чжао Жуна («Лотерея»), У Вэйцая («Слепой») и многих других. Однако, изображая людей с искалеченной судьбой, находящихся в трагическом положении, авторы почти всегда намечают какой-то выход, оставляют своим героям надежду — они приблизились к последней черте, но не переступают ее. И это отнюдь не «счастливый конец», а исполненное гуманизма внимание писателя к жизни маленького человека.

Современная сингапурская литература привлекает своей гуманистической наполненностью и глубоким демократическим содержанием. И это вполне закономерно. Многие сингапурские писатели говорят о влиянии на их творчество Достоевского, Чехова, Горького, китайских писателей-реалистов Лу Синя, Лао Шэ, которые были для них образцами гуманистического отношения к человеку.

«Сингапурская мозаика»— первое в нашей стране издание, широко представляющее творчество сингапурских китайскоязычных писателей. Можно надеяться, что оно займет свое место в постоянно растущих культурных связях между нашими странами. Советский читатель, несомненно, с интересом познакомится со многими талантливыми произведениями, которые раскрывают перед ним лицо новой для него, молодой, по-своему интересной и своеобразной литературы.

Д. Воскресенский

Вэй Юнь

СУМЕРКИ В ВОРОНЬЕЙ ГАВАНИ

Череда гниющих стволов кокосовых пальм, казавшаяся бесконечной, все же закончилась. В холодном тусклом свете только что народившегося месяца песчаный берег казался мертвенно-белым. У самой кромки покачивались какие-то черные предметы. Старый, многоопытный рыбак Хоцзинь вздохнул с облегчением. Он понял, что добрался до гавани, над которой недавно пронеслась буря с грозой, что на воде качаются листья засохших пальм и доски, сорванные с корабля, не достроенного японской компанией Мицубиси.

Из заросших густым волосом ноздрей Хоцзиня вырвался какой-то звук, его впалые губы зашевелились. Чувствуя, что сердце бьется все чаще, он стал быстрее работать ногами. У него с молодых лет в радостные минуты — когда он выпивал в городке лишний глоток «желтого зелья» или выигрывал в кости,— начинало усиленно биться сердце и во рту, теперь уже беззубом, сама собой рождалась мелодия.

«А-а-а... И за что же ославили люди меня...»— затянул он южнофуцзяньскую народную песенку.

Молодой месяц висел над самым краем темносинего моря, над кокосовыми пальмами, и в лунном свете их верхушки напоминали человеческие головы с растрепанными волосами. Этой осенней тропической ночью казалось, что лучи луны проникают прямо в душу Хоцзиня. Он зашагал неуклюжей, под-

прыгивающей походкой, издали напоминая белую цаплю.

Вот уже который десяток лет жизнь старого рыбака медленно ползла под стук чашек с «желтым зельем», изготовленным из плохо очищенного спирта, под азартные выкрики «Четверка! Пятерка! Шестерка, моя взяла», под рокот волн Индийского океана и плеск воды о бамбуковые стенки келонгов...

Да, если Яньван[1] решит, что ты должен умереть в третью стражу, до пятой тебе не дожить.

Вот уже больше тридцати лет провел рыбак в этих чужих для него местах, клочковатые волосы на его плешивой голове давно поседели. Не раз бывал он на краю гибели и потому приучился по-философски относиться к проблемам жизни и смерти.

Всякий раз, когда собеседники ругали японских чертей, Хоцзиню становилось немного не по себе. Правда, японцы высекли его и угнали его единственный сампан, а самого заставили работать на катере, принадлежавшем «Рыболовному объединению Кавада». Но ведь, не явись сюда японцы, эта девчонка Ачжу разве стала бы жить с таким, как он? Ему вспомнилось, как десять лет назад тайванец-надсмотрщик столкнул в море отца этой чернавки только за то, что тот продал на сторону несколько цзиней хозяйской рыбы, а ее старшего брата японцы угнали строить сиамско-бирманскую железную дорогу. Кто бы мог подумать, что с тех пор жизнь у него, Хоцзиня, пойдет совсем по-другому, что ему удастся меньше чем за пять тысяч оккупационных бонов откупить девчонку и ввести ее в свой дом с соблюдением положенного ритуала...

Ему тогда перевалило за сорок, а девчонка была такая молоденькая, нежная. При одном воспомина-

---

[1] В китайской мифологии — владыка ада.

ции губы у Хоцзиня опять зашевелились, и, сам того не замечая, рыбак замурлыкал какой-то мотивчик.

Этой лунной ночью ему пришлось долго идти по неровному — то скалы, то песок — берегу гавани, перелезать через гниющие останки японских судов. Он тяжело дышал, но так же, как десять лет назад при первом появлении Ачжу в его поселке, поглаживал своей заскорузлой ладонью проплешины и еще более ввалившиеся щеки. Сейчас какая-то тяжесть угнетала его душу, но поредевшие брови, как и тогда, были обращены к залитому лунным светом небосводу.

Спасибо Небесному государю, сколько раз он выручал рыбака из беды! Позволил выбраться живым из логова разбойников в Таншане — так в странах Южных морей называют Китай; спас от штыков японских дьяволов, укрыл от тайного общества Хунмэнь, от так называемой «армии сопротивления Японии». Он опять хмыкнул мясистым носом, впалые щеки задвигались. Стоит ли дрожать за эту догорающую жизнь? Сколько десятков лет прошло с тех пор, как он приплыл в этот далекий край...

Но на этот раз ему, Хоцзиню, показалось, что жизнь стала для него дороже, чем когда бы то ни было. Он снова почесал лысеющую голову. Вечернее небо над Вороньей гаванью было таким синим, таким бескрайним; изогнутый молодой месяц чуть касался верхушек высоких дрожащих пальм. Вдруг с карканьем поднялась ворона, словно спугнутая лунным светом, и задела крылом цветы на одной из пальм; ароматные лепестки посыпались прямо на лысину Хоцзиня...

Он бросил сердитый взгляд на верхушку пальмы, сплюнул и выругался:

— Сволочь старая...

Прожив большую часть жизни в Вороньей гавани, он так и не проникся расположением к этим чертовым птицам. Каждый раз, когда он слышал карканье, его чуть не тошнило. Но тут же его мысли отвлекались в сторону. Он вспомнил, как Индийский океан вдруг потемнел и стал посылать на их баркас один за другим пенистые валы величиной с гору. Он высунулся из-под навеса и, наглотавшись горько-соленой океанской воды, сумел-таки схватить уплывавшее весло. Лил дождь, бушевал ветер, его вместе с веслом то поднимало к подножию неба, то бросало в темно-синюю водную пучину, в ушах стоял сплошной грохот. Порой небо и море сливались в непроглядную черную массу, временами же, при свете молний, становились различимы дождевые струи. В его памяти возникли фигуры рулевого Махама, двух братьев Чжоу... Кажется, их унесло в море? Следом всплыл образ этой девчонки, Ачжу, ее полнеющее тело, влажные, всегда немного грустные глаза, обветренные губы.

Хоцзиню на миг почудилось, что его иссохшая рука все еще сжимает весло, что его по-прежнему бросает то вверх к небесам, то вниз, в морскую глубь...

Пусть сам он стоит не дороже, чем какой-нибудь шелудивый пес, но сделать вдовой Ачжу, такую молодую, без отца и без матери,— за это ему не будет прощения ни в этом, ни в том мире. И он шел вперед, крепко сжав беззубые челюсти, слабосильный, высохший, как старая лиана, продутый ураганами, промытый ливнями и черными морскими валами...

Вдруг что-то словно ворвалось в задремавшее сознание старого рыбака, он широко раскрыл глаза. Когда это тропическое море успело стать таким тихим, недвижным? Вокруг было темно, лишь на тонувшем в тумане краю небосвода сверкала Венера.

Он приткнулся плешивой головой к стволу пальмы: может, и его, Хоцзиня, тоже унесет когда-нибудь в море?

По опыту долгой жизни в здешних местах Хоцзинь знал: раз там, где море сливается с небом, появился туман, значит, скоро рассвет. Сквозь утреннюю дымку стали просматриваться очертания холмов, еще одна ворона своим карканьем нарушила мертвую тишину. Дуновение бриза холодило его худое тело, он снова впал в забытье — казалось, он опять сжимает в руке весло, его опять бросает вверх и вниз...

— Ах, Ачжу, Ачжу, как же я виноват перед тобой...

Словно внезапно разбуженный, он открыл тяжелые, вспухшие веки. В чем дело? Хотя за малайским селением уже поднималось солнце, вблизи себя Хоцзинь еще ничего не видел.

— Уже трудишься, приятель?— послышалась малайская речь.

Хоцзинь выпил глоток предложенного кем-то горячего кофе, в голове у него просветлело, на душе стало спокойнее. Да ведь это Шариф, рыбак-малаец — тот самый, что любит подтрунивать над ним и трогать рукой его лысину.

— Шариф, это ты? И как меня угораздило забраться в ваши края!

В живых, раскосых глазах балагура-малайца таилась насмешка. Хоцзинь захотел было встать, но едва он выпрямил поясницу, как голова опять стала тяжелой, в глазах снова потемнело.

— Сусах-сусах, лулус чик!

Хоцзинь слышал голос своего малайского приятеля, который уговаривал его отдохнуть, но не открыл глаз. Он все еще размышлял над тем, каким образом он оказался в кампонге Шарифа. Ведь это

добрых пять миль от Вороньей гавани! Потом он вспомнил своих товарищей по несчастью, свою молодую жену...

Спустя некоторое время Шариф дал ему поесть своей малайской сылумы, и настроение у него поднялось.

Он рассказал жителям кампонга, собравшимся возле домика Шарифа, о том, как вчера он плыл на катере, как их застал шторм. Окончательно придя в себя, он спросил:

— А где Махам и все остальные?

Стоявшие вокруг деревенские ребятишки сразу притихли и помрачнели; первым раскрыл рот Шариф, глаза которого были по-прежнему веселыми:

— Приятель, на берегу нашли одного тебя.

Хоцзинь почувствовал себя неловко, горькая усмешка пробежала по его губам. Он сообразил, что авария с катером произошла милях в десяти от кампонга, в открытом море.

Вот уж сколько лет он живет в этих местах,— подумалось ему,— а впервые о нем заботятся люди другой нации. Конечно, этот Шариф любит подразнить, потрогать его лысину, но все-таки...

Под вечер, когда заходящее солнце бросало на кампонг тусклые багровые лучи, а вода в море приобрела бирюзовый оттенок, Хоцзинь возвращался в Воронью гавань на сампане Шарифа. Помня о злоключениях вчерашней штормовой ночи, он не стал ехать кратчайшим путем — в узком проходе между скалами можно было налететь на камни. В пути он то и дело возвращался мыслями к Ачжу. Как она там? Может, думает о нем, глядя на искры, вылетающие из лампы, заправленной кокосовым маслом? Он много раз наблюдал, как она неподвижно сидела перед лампой, и наконец не выдержал, стал расспрашивать. Та лишь печально улыбнулась в ответ:

— Где вам, мужчинам, догадаться! Как будто не знаете, что кормиться за счет моря — дело опасное, триста шестьдесят дней в году приходится молить бога Дабо о милости... Вот мне и кажется, если искры летят, значит, Дабо не гневается на нас, желает покоя и счастья!

У Хоцзиня внутри потеплело, впалые губы раздвинулись в улыбку, лицо Ачжу скрылось в сиянии лампы.

Сегодня девчонка, небось, сидит возле лампы и занимается гаданьем. Думать об этом было и трепетно, и радостно. Вдруг он вздрогнул — что-то пронеслось у него за спиной. В этот момент среди пальм засветился первый огонек поселка, и стало видно, что то был — тьфу!— большой черный кот Махама.

Огни только начали зажигать, поселок был еще окутан сумерками и дымом очагов; хорошо еще, что из-за колышущихся верхушек пальм проглядывали звезды. Море скрывалось во тьме, доносился лишь негромкий шум прибоя. В другое время он давно бы уже сидел в домике Махама, болтал о чем-нибудь. Но сегодня... При мысли о том, что ему удалось выйти живым из моря смерти, на сердце стало легко, но тут нога за что-то зацепилась, и Хоцзинь растянулся на земле...

Ночная мгла над Вороньей гаванью все сгущалась, но в душе его было светло. Вот сейчас он пройдет кампонг Махама, а дальше сразу же его дом. Вон и тростниковая изгородь...

— Ох, я тут смотрела на огонь лампы и думала, что ты придешь.

Смотрите, он еще не перешагнул порог, а уже слышит такой ласковый голос жены. Ободренный, он остановился около окна. Его нижняя половина была занавешена куском ткани, которая колыхалась

от дувшего с моря ветра. Никогда раньше жена не обращалась к нему с такой нежностью.

— Ачжу, у меня есть для тебя хорошая новость. С нашим баркасом номер три что-то случилось...

Хоцзинь сразу узнал этот сиплый мужской голос — он принадлежал приказчику из рыболовецкой конторы «Хайань». Огонь лампы задрожал от порыва ветра... Лысина Хоцзиня пылала так, что, казалось, вот-вот задымится; он хотел уже ворваться в дом, но послышались всхлипывания, которым вторил шум прибоя.

— Ты же всегда не выносила своего старика! А теперь мы сможем жить открыто, больше не надо будет прятаться по углам...

Дерьмо, вонючая потаскушка! Хоцзинь едва не выругался во весь голос: стерва, шлюха, я вырежу тебе внутренности, как удалой Ян Сюн[1] своей распутной жене!

Он припомнил обиду, нанесенную ему год назад. В тот раз тайваньская труппа разыгрывала возле храма Царицы моря пьесу «Убийство Пань Цяоюнь на горе Цуйпиншань». Героиня, молодая ведьма, вертелась на сцене так вызывающе, что у господина Яна — нет, у него, у господина Хоцзиня!— закипело в душе.

А приказчик из «Хайани», которого в округе именовали «Крыса», сидел у самого помоста и скалил свои желтые зубы:

— Эй, плешивая черепаха! Хо, черепаха, слы-

---

[1] Один из персонажей классического романа «Речные заводи» (XIV в.); узнав о том, что его жена, Пань Цяоюнь, изменяет ему с даосским монахом, он с помощью своего друга заманивает жену и помогавшую ей служанку в горы и жестоко расправляется с ними. Этот эпизод составляет также содержание упоминаемой ниже пьесы Шэнь Цзыцзиня (1583—1665) «Убийство Пань Цяоюнь на горе Цуйпиншань».

шишь меня? (Здесь все называли Хоцзиня черепахой). Ты, небось, воображаешь себя господином Яном? А по-моему, ты больше похож на коротышку У-старшего[1], ха-ха-ха!

Среди зрителей послышались смешки, а «Крыса» повернулся в его сторону, еще шире раскрыв свой желтозубый рот... Хоцзинь выругался, его обожженное южным солнцем лицо стало еще более багровым. Ладно же, «господин» когда-нибудь рассчитается с тобой, собака! В тот день было пасмурно, но Хоцзиня то и дело бросало в жар. Он поспешил в храм, где женщины жгли курительные палочки, а за спиной его слышались смешки.

И вот теперь старая обида вновь загорелась в его душе. Сволочи! Шлюха вонючая, потаскун... Либо вы, либо я, так вас и разэдак! Потом можно будет убежать в Индонезию. Одну жизнь за две не жалко!

Тьма сгущалась вокруг, все мрачнее становилось и на сердце у Хоцзиня. Хотя в небесной синеве светили неяркие звезды и молодой месяц, Хоцзиню казалось, что все кругом затянуто серой пеленой. Он вспомнил, что в сампане Шарифа остался малайский кинжал. Прекрасно, через год в этот день люди будут поминать двух убитых прелюбодеев.

Приняв решение, он быстрыми шагами направился к причалу — сжигавший его огонь, казалось, вернул ему молодость.

Звезды, молодой месяц, шевелящиеся верхушки пальм, колеблемый ветром огонь лампы...

Снова послышались всхлипывания. Хоцзинь, как привидение, уже успел незаметно подойти к дому и

---

[1] Другой персонаж того же романа, жалкий рогоносец, за которого мстит его младший брат, богатырь У Сун. «Черепаха» — в Китае прозвище обманутого мужа.

недвижно стоял перед окном. Всегда так было, стоило ему услышать бабий плач, как бушевавший в нем огонь угасал, сердце размягчалось.

— У... у... «Черепаха» был, чего уж говорить, и старый, и некрасивый, да ведь он спас всю нашу семью. Отец тогда погиб, мать все время болела, а он приютил меня... Сердце у него, старого черта, доброе. И вот такой конец... Да и трупа ведь не нашли!

Сдавленные рыдания, треск цикад в верхушках пальм, шум моря... Он сам не почувствовал, как рука выпустила кинжал, который упал на сухие листья кокоса. Встревоженные вороны, прятавшиеся среди пальм, закаркали и стали делать круги под тусклыми лучами месяца.

— Ой, кто-то идет! — послышался встревоженный женский голос. — Слышишь, как вороны расшумелись?

Лампа сразу же погасла.

Ладно, чего уж теперь делать! Ачжу еще молодая... Душа его страдала, как будто ее бросили в кипящее масло, но он думал о теплом теле Ачжу, о своей жизни, усыхающей, как старая лиана. Неужели он и дальше будет делать людям зло? Ведь он уже загубил ее лучшие годы...

В лучах луны лысина Хоцзиня выделялась особенно четко. Тяжело дыша, он шел обратно к сампану, и по его впалым щекам катились две горячие слезы.

Вороны сделали несколько кругов и вернулись на прежние места.

Происшедшее навсегда осталось загадкой. Утром Ачжу обнаружила возле входа в дом кинжал Шарифа. Но Шариф, этот добрый к людям рыбак, так и не нашел ни своего сампана, ни старого китайца, часто смешившего обитателей его кампонга.

А за Вороньей гаванью в бесконечную даль уходил сероватый песчаный берег.

ВСТРЕЧА НА ОБРАТНОМ ПУТИ

— Эй, Цаньцзы! Нынче вечером ставим «Восемь бессмертных», тебе придется играть святого Люй Дунбиня. Роль нелегкая, придется постараться!

Барабанщик Юань, давний приятель его покойного отца, назвал Ван Цаня именем, каким его звали в далеком детстве. На впалых щеках уже немолодого мужчины выступил яркий румянец. Невольно нахлынули воспоминания.

Он случайно приехал сюда на попутном торговом пароходике из «внутренних районов» страны и застрял в этих краях. Старый актер Юань, с которым он здесь повстречался, предложил работу в плавучем ресторане для заезжих туристов. Ван Цань согласился. Обрядившись в ветхий театральный костюм — обычное платье здешних артистов,— он позировал в этом странном одеянии перед заморскими гостями: рыжими европейцами или черноволосыми японцами, которые очень любили делать здесь снимки на память. Это занятие помогало как-то существовать. Он даже успел к нему привыкнуть и сейчас редко думал о возвращении на родину.

— Неужели боишься? Вот дуралей! Заморские черти ничего не смыслят в старых пьесах!.. Главное, не забудь разевать рот, и все будет хорошо!

По приезде Ван Цаня на этот маленький островок, барабанщик Юань привел его в свою сбитую из досок хижину на берегу моря и сразу же начал объяснять Ван Цаню его новые обязанности в туристском ресторане. «Ты должен появляться перед гостями в костюме древнего героя — вот и все!»— сказал

он. По мнению старого актера, такие живые картинки возбуждали интерес туристов к здешним местам и как бы притягивали их: им казалось, что они видят частицу жизни большой и далекой страны. Местные актеры в ярком гриме, наряженные в пышные старые костюмы, словно воскрешали перед зрителями сценки из жизни старого Китая.

— Я почти с самого детства не исполнял арий! Да и голоса у меня нет...— Ван Цань густо покраснел, а губы дрогнули в жалкой улыбке.— Вряд ли я смогу петь в этой гуандунской пьесе.— Слегка прищурившись, он смотрел на Барабанщика с ожиданием и тревогой.— К тому же я через несколько дней уеду. Ведь я у вас и так больше двух недель, а подходящей работы до сих пор так и не нашел!

Барабанщик Юань прыснул от смеха. Из черной дыры совершенно беззубого рта брызнула слюна, несколько капелек попало на лицо собеседника. Старик вытащил из кармана грязную тряпицу, заменявшую ему носовой платок, и принялся вытирать слезящиеся глаза. Ван Цань знал эту привычку. Стоило старику засмеяться, как из его подслеповатых глаз сразу же начинали катиться слезы. Так было всегда, сколько его помнил Ван Цань.

Ван остался безучастным к этому неожиданному взрыву веселья. Он сидел недвижимо на плетеном стуле, поглощенный своей думой.

В хижину тихо, почти незаметно, вошла тщедушная женщина. Она остановилась возле старого актера, не обратив на Вана никакого внимания.

Барабанщик, отдышавшись от смеха, взглянул на гостью, и его лицо, изрезанное глубокими морщинами, сразу стало серьезным.

— А вот и наше сокровище... наша героиня!— Из-под тяжелых век скатилось еще несколько слезинок.

— Вечно ты насмешничаешь, дядюшка Юань!

От этого пронзительного голоса Ван Цань вздрогнул. Он поднял голову и внимательно посмотрел на женщину. Пепельно-серое, овальное лицо напоминало лик умирающей. Бледные, бескровные губы полуоткрыты, в щели рта желтеют два некрасивых зуба... Заметив на себе пристальный взгляд незнакомого мужчины, женщина слабо улыбнулась.

— Дядюшка!— Она повернулась к актеру.— Это и есть тот самый господин Ван, о котором ты мне рассказывал? Как хорошо, что он теперь с нами. Может быть, он поможет нам... С тех пор как заболел Ацзун, у нас не осталось ни одного приличного актера. Помнишь, позавчера один японский турист захотел, чтобы ему обязательно показали пьеску «Шутка с фениксом в селенье дракона», а у нас как на грех нет ни одного актера, кто мог бы сыграть императора. Пришлось просить коротышку Ацая, нашего повара. Обрядили его императором, а у него халат, расшитый драконами, волочится по полу... Смех и грех! Хорошо еще, что туристы спешили и быстро ушли... Этот парень Ацай до сих пор не может прийти в себя от страха. Его теперь даже палкой не загонишь на сцену.

«До чего же она страшна!— подумал Ван, разглядывая эту уже немолодую женщину с мертвенно-бледным продолговатым лицом, некрасивость которого подчеркивали два крупных резца, торчавшие изо рта.— Но какие удивительные у нее глаза!» Из влажной их глубины исходила мягкая доброта. Такой взгляд, исполненный теплого участия к людям, Ван Цаню приходилось здесь видеть впервые.

Он кивнул головой, выражая женщине свою благодарность, и подумал, что старый скиталец Барабанщик остался таким же, как и прежде: ни с кем

никогда не церемонится. Вот и сейчас он их даже не познакомил друг с другом.

— Вот взгляни на нашу Ачжэнь,— сказал Барабанщик, указывая рукой на женщину.— Десять лет назад, когда работала на фабрике, она сошлась с подрядчиком, а он, сволочь, ее бросил. Бедняжка была в полном отчаянии. Решив покончить все счеты с жизнью и этим проклятым обществом, она хлебнула какой-то отравы. К счастью, все обошлось... Потом мы ее, само собой, поругали, и она вроде бы поняла... Скажи, почему мы такие идиоты — иногда не дорожим своей жизнью и не хотим увидеть завтрашнего солнца?..

Барабанщик разглагольствовал, вспоминая давнюю печальную историю. Губы женщины дрогнули и разошлись, обнажив некрасивые желтые зубы. Ее лицо заметно порозовело. Сейчас она уже не смотрела на Ван Цаня. Ее взгляд, в котором таились доброта и грусть, был устремлен на морщинистое лицо старого актера. Ван Цань чувствовал, что она вспоминает прошлое без всякого удовольствия. Он видел это по ее глазам, в которых пряталась боль. Но в них он прочитал и другое. Этот бродяга-старик, говорили они, спас меня. Он вытащил меня из мертвого болота!

— Дядюшка! Всем ты хорош, да только болтаешь много лишнего! Господин Ван — новый человек. Вместо того чтобы нас познакомить, несешь вздор. Гостю все это неинтересно.

Мужчины рассмеялись.

Неожиданно старый Барабанщик замолчал, вспоминая что-то важное, о чем надо было сказать.

— Ах, да!— вспомнил он.— Познакомьтесь, пожалуйста! Это Ачжэнь!.. Поначалу она играла маленькие роли и выступала в поношенных платьях. Тогда она не пела, а только раскрывала накрашен-

ный рот. А нынче она у нас, можно сказать, главная артистка — играет героинь! Теперь все знают нашу Ачжэнь!

Женщина, тихо засмеявшись, взглянула на Ван Цаня. Он почувствовал, что его сердце вдруг почему-то забилось. Неужели он понравился этой некрасивой и уже немолодой женщине? Ван Цань что-то пробормотал.

И уставился в цементный пол. Через некоторое время, набравшись храбрости, он поднял голову и серьезно посмотрел на Юаня, который стоял перед ним с сигаретой в зубах. Недавнее оживление, казалось, покинуло старого актера. Опустив низко голову, он сосредоточенно курил.

— Когда дядюшка предложил мне играть на сцене, я думала примерно так же, как, наверно, думает сейчас господин Ван, но скоро поняла, что в этом подлом обществе на сцену лезут все, кому не лень, лишь намажутся какой-нибудь краской — белой, черной, красной. Если ты способен стоять на негнущихся, будто ходули, ногах, значит, ты уже актер и можешь лезть на подмостки!.. Но стоит тебе только с них сойти, и тебя уже никто не замечает, игру твою никто не помнит. А мы принимаем часто все всерьез, отчего и становимся жертвами других...

Ее слова словно хлыстом ударили Ван Цаня. Физической боли он не почувствовал, но ощущение от удара осталось и долго не проходило.

День был на исходе. Косые лучи заходящего, но еще горячего южного солнца, освещали плавучий ресторан у берега бухты. Море вокруг него, казалось, горело багровым пламенем.

В сбитой из досок от старых ящиков и листов оцинкованного железа хижине, стоявшей на бесконечно длинной отмели, Ван Цань, Ачжэнь и другие

актеры приводили в порядок театральную одежду, украшенную полосками разноцветной пленки. Ван Цань работал увлеченно и с интересом, хотя пустая жизнь, которую он вел в последнее время, вызывала у него в душе раздражение. Впрочем, чем она была хуже прежней, когда, однажды вознесенный на пьедестал славы, он вдруг сорвался и упал вниз и все люди отвернулись от него? И вот сейчас он превратился в бродячего актера, который, напялив на себя пышное одеяние древнего героя, вынужден выступать перед заезжими гостями. Невольно в памяти всплыли слова Ачжэнь, которые она произнесла в тот день, когда он вступил в труппу Барабанщика: стоит ли принимать все всерьез... Да, может быть, она была и права.

В этот день в гавань вошел комфортабельный океанский лайнер, совершавший круиз вокруг света. Он выбросил из своего чрева громадную толпу пожилых американских туристов и других пассажиров, направлявшихся в страны Юго-Восточной Азии. Вспомнив о пароходе, Ачжэнь, быстро поужинав, бросилась в хижину старого Барабанщика, в которой жил сейчас Ван Цань. В последнее время она часто оказывала ему знаки внимания. Вот и сегодня она решила помочь ему приготовить белый халат, в котором Ван должен был играть роль Люй Бу в пьесе «Беседка Феникса»[1]. Халат был старый, сильно потертый, однако обвешанный ленточками из сверкающей пленки, он переливался и блестел будто новый.

— Ван Цань! В этом атласе вы будете походить на героя из древности! — сказала Ачжэнь со смехом.

---

[1] Старая китайская пьеса, в которой говорится о полководце Люй Бу из царства Восточная Хань эпохи Троецарствия (III в. н. э.).

Ван Цань улыбнулся.

Когда она щеточкой стряхивала пыль со сверкающей мишуры, несколько блесток оторвалось. Ачжэнь побежала к себе подогреть клей и, быстро вернувшись, принялась подправлять испорченные места...

Ван Цань стоял у дверей хижины, наблюдая за Барабанщиком, который, пошатываясь, брел домой, напевая хриплым голосом арию из старой пьесы.

«Как видно, старик уже празднует!» — подумал Ван.

В прошлом месяце из-за тайфуна, внезапно обрушившегося на эти места, туристов на острове было мало, поэтому заработки труппы, которая жила за счет приезжих, заметно сократились. Больше всего от этого, пожалуй, страдал хозяин — Барабанщик Юань, которому из-за безденежья уже давно не удавалось купить бутылочку бамбуковой настойки. Но сегодня он возвращался веселый: в порт зашел океанский лайнер, значит, на плавучей посудине они дадут два представления. Старик, наверное, занял у хозяина ресторана немного денег, после чего отправился в маленькую харчевню, которую держит торговец из Гонконга. Хлебнул бамбуковой, поэтому не слишком твердо держится на ногах.

— Эй, видно, ты уже зарядился? — улыбнулся Ван, взглянув на старого актера. Он раскладывал на кровати белый театральный халат.

— Верно! Немного хлебнул! — Старик с победоносным видом выпятил тощую грудь. — В руках у меня сейчас появилась силища, а значит, в барабан я буду лупить, как надо!

Ван Цань осторожно сдвинул в сторону халат, чтобы освободить на кровати место для Барабанщика. В ярком свете лампы блеснули полоски пленки,

украшавшей одежду. Ван Цань повернулся к старику и посмотрел на его морщинистое лицо, сужающееся книзу треугольником. Старый актер, как и лежавший возле него белый халат, напоминал ему древних героев, которые давно отжили свой век. У каждого когда-то были славные и счастливые дни, но они безвозвратно ушли в прошлое. А сейчас Барабанщик влачит жалкое существование. Унылая жизнь, которую он вынужден вести день за днем... Ван Цань вздохнул. А он сам? Разве его жизнь лучше той, которую ведет старый бродяга-актер? Нисколько! Она такая же тупая и тусклая!

Задумавшись, Ван смотрел на ветхий халат древнего героя.

Барабанщик Юань, приняв порцию живительной влаги, находился в наилучшем расположении духа. Сейчас он был при деньгах, поэтому позволил себе выпить, как это делал всегда. Стоило ему пропустить чарку, и казалось, что мысли сразу же начинают вертеться в голове как-то удивительно быстро. Он подошел к задумавшемуся Ван Цаню и, взглянув на сверкавший блестками халат, проговорил:

— Хозяин позволил дать на своей посудине два представления, но предупредил, что мы должны обязательно сыграть «Беседку Феникса» с героями Люй Бу и Дяочань. Он сказал, что иностранцам нравятся старые пьесы.

— Ачжэнь мне уже говорила...

Старик со вниманием посмотрел на халат.

— А раньше ты играл Люй Бу?— В его голосе слышался какой-то особый смысл.

Ван Цань молча покачал головой. Вопрос старика, как видно, пришелся ему не по душе. Но он подумал: а, собственно, какая разница, кого ему играть — императора, полководца, праведника или жалкого бродягу? Все роли одинаково бессловесны.

Мертвые роли. Да, Барабанщик Юань действительно хлебнул лишнего, если мелет сейчас всякую чушь.

Старый актер болтал без умолку. Произнося очередную тираду, он вдруг нагнулся и вытащил из-под кровати потрепанный кожаный чемодан, покрытый толстым слоем пыли. Тщательно вытерев пыль тряпкой, старик приоткрыл крышку. Он делал это осторожно, словно опасался, что от малейшего неверного движения что-нибудь сломается.

В сухих руках Барабанщика появился небольшой, покрытый позолотой шлем. Старик смотрел на него с благоговением. Достав из кармана грязный платок, он легонько вытер поверхность шлема от пыли и подул на позолоту, поскреб какие-то пятнышки, которые он к большому своему сожалению обнаружил. Со дна чемодана актер извлек два пятнистых фазаньих пера, которые он укрепил по бокам головного убора.

– Этот шлем носит актер, который исполняет роль Люй Бу,— сказал он торжественно.— Надень его на голову, и ты станешь живым героем из древности — младшим Люй Бу.

Старик бережно водрузил шлем на голову Вана и стал завязывать ленты под подбородком, но не рассчитал усилия, и ленты оборвались. Ван Цань с горечью наблюдал за действиями старика, который, очевидно, так дорожил вещью, что боялся лишний раз на нее дохнуть. Но время неумолимо, и ленты истлели, восстановить их нет никакой возможности. Ван Цаню стало жаль Барабанщика.

Он еще храбрился, этот старый скиталец, но только тогда, когда ему удавалось выпить. Алкоголь придавал ему силы, быстрее гнал кровь в его жилах.

Почему человек должен так терзаться и страдать в этом мире? Неужели ради куска хлеба?

Поглощенный своими мыслями, Ван Цань не

слушал Барабанщика и, казалось, не замечал его действий... А разве не полна противоречий его собственная жизнь, которую он вел в последние полгода, — такая же пустая и бессмысленная. Она нисколько не отличалась от бродяжнического бытия актеров, таких, как Барабанщик Юань.

Ван Цань горько усмехнулся.

Прошло довольно много времени, прежде чем Ачжэнь приклеила блестки к старому атласному халату. Стало темнеть. На этом маленьком острове сумерки спускаются как-то особенно быстро, почти мгновенно.

— Ой! Уже скоро восемь! — воскликнула Ачжэнь. — Нам пора в ресторан. В десять начнется представление!

Ван Цань вспомнил слова старого Барабанщика, сказанные им незадолго перед тем, как они покинули хижину:

— Судя по всему, нынче вечером к нам приедет много туристов, не только этих чертей американцев, но и местных толстосумов из Наньяна. Все они любят полакомиться морской снедью и наверняка наведаются в наш залив... Вам с Ачжэнь надо привести в порядок костюмы и все другое, а потом пойти на плавучую посудину. Если у гостей будет хорошее настроение, они сфотографируются с тобой. И тогда тебе перепадет лишний доллар. Все может быть!

Когда Ван Цань и Ачжэнь с узлами, в которых лежали театральные костюмы и реквизит, подошли к пристани, оказалось, что почти все катера с туристами ушли в открытое море. У пирса стояло лишь одно маленькое суденышко с американцами, которое должно было вот-вот отправиться к плавучему ресторану. Ачжэнь, заметив в лодке знакомую девушку, помахала ей рукой и схватила Ван Цаня за

плечо. Они прыгнули в суденышко и прошли на корму. Лодка двинулась вперед...

Ачжэнь внимательно смотрела на лиловато-красные огоньки, дрожавшие на поверхности моря. Прислушиваясь к переливчатому плеску воды, доносившемуся от весел, она о чем-то думала. Счастливые грезы о будущем?..

В отличие от нее Ван Цань чувствовал в душе непонятную тревогу. Его грудь вздымалась и опускалась в такт движениям морских волн, которые накатывались на берег и тут же убегали прочь. Его задумчивый взгляд был устремлен на море, словно он хотел пронизать поверхность воды, усеянной дрожащими разноцветными бликами, и уйти в черную глубь. Ван Цань чувствовал себя сейчас слепцом — таким же, как Барабанщик Юань или Ачжэнь. Вот так же, как и они, он мечется во мраке ночи, бессмысленно шаря вокруг растопыренными руками.

Морские волны мерно ударяли о борт суденышка. Ван Цань, наклонив голову, прислушивался к звукам. Ему казалось, что он находится на поле боя, где только что происходило жестокое сражение, в котором он потерпел поражение. Он вынужден бежать, а позади слышатся выстрелы преследователей. Эти звуки раздаются отовсюду, не прекращаясь ни на мгновенье.

— Лао-Ван[1], послушайте эти звуки: шум волн, удары весел... Они будто сливаются вместе... какие они спокойные, величавые. Настоящая симфония!.. Скажите, вы когда-нибудь пели в хоре? У меня есть двоюродная сестра, которая в свое время несколько лет училась в ваших краях. Вернувшись домой, она теперь по всякому случаю распевает разные песни...

---

[1] Лао — почтительное обращение.

Вопрос женщины вывел Вана из задумчивости. Он взглянул на нее и слабо улыбнулся.

— Петь я люблю. Но стоит только мне открыть рот, как все почему-то начинают смеяться... Поэтому я предпочитаю не петь на людях.

Лодка накренилась, и брызги волн хлестнули Вана по ногам. Внезапный толчок его не испугал. Он много плавал на торговых судах и умел сохранять равновесие на палубе. Он уже привык к качке. Наклонив туловище, он расставил пошире ноги. Его рука легла на плечо стоявшей рядом с ним Ачжэнь. Оба они старались приноровиться к покачиванью суденышка.

Ван Цань глядел на воду. Многоцветные огни от неоновых фонарей на плавучем ресторане прыгали в волнах, распадаясь на множество мелких сверкающих пятнышек. Иностранные гости поднялись со скамей. Мужчины, соблюдая почтительность, помогли дамам подняться на палубу плавучего ресторана. Ван Цань, поддерживая Ачжэнь, взял у нее узел с театральной одеждой. Они прошли по небольшому коридору, мимо ресторанного зала, направляясь на корму, где была костюмерная, в которой актеры переодевались, готовясь к выступлению.

Возле окна ресторана Ван Цань неожиданно почувствовал страшную тяжесть в голове. На него вдруг надвинулось большое черное облако. Он невольно замедлил шаги и почти остановился, почувствовал толчок в плечо. Ачжэнь задела его узлом с реквизитом. Он с трудом сделал несколько шагов вперед. В костюмерной он тяжело опустился на стул.

Когда он проходил мимо окна, перед его глазами мелькнула чья-то массивная голова. Блестящий затылок, казалось, был окружен сияющим нимбом. Мужчина сидел вполоборота, почти спиной к нему,

разговаривая со своим собеседником, по всей видимости, с одним из тех местных жителей, кто уже давно обосновался в этих тропических краях. Какая знакомая фигура! Ван стал припоминать, кто бы это мог быть, и наконец вспомнил. Ну конечно, это же Чжан Ифэй! Его бывший приятель, который потом стал его злейшим врагом. Как странно! Тот Чжан Ифэй был довольно худосочным субъектом, а этот обладатель сияющего затылка — настоящий толстяк. В своем европейском костюме он напоминал обряженного в платье медведя. Неужели он так растолстел?

Из воспоминаний, которые нахлынули на него, его вывел удар по плечу. Он увидел костлявую руку Барабанщика, который незаметно подошел к нему сзади.

— Эй! Ты еще не оделся? Время не ждет!

Старик выпустил изо рта дым дешевой сигареты. Такая уж у него привычка: когда волнуется, курит одну сигарету за другой.

Услышав голос старого актера, Ачжэнь кончила подрисовывать брови и придвинула к Ван Цаню узел, который лежал подле нее.

— Ай! Сама накрасилась, а о вас совсем забыла! Вот ваш костюм!

В этот вечер на плавучей посудине царило большое оживление. В ресторане, до отказа набитом гостями, была страшная духота. Почтенные шэньши[1], пренебрегая правилами хорошего тона, сняли свои пиджаки и повесили их на спинки стульев. Приблизившись к актерскому помосту, они щелкали затворами камер, то и дело освещая огнем фотовспышек Ван Цаня и Ачжэнь, одетых в костюмы героев «Беседки Феникса», сверкавшие мишурным блеском.

---

[1] *Здесь*: господа.

Ван Цань вдруг заметил, что пожилой толстяк в белоснежной рубашке и цветастом галстуке, поднявшись со стула, направился к помосту. Проверив диафрагму, толстяк приставил фотоаппарат к потному блестевшему лбу и навел объектив, собираясь нажать на спуск. Сердце Ван Цань застучало в груди. Он резко повернул голову и закусил зубами облезлые фазаньи перья, так, чтобы они закрыли часть его лица. Он не хотел, чтобы человек в пестром галстуке фотографировал его. Именно этот Чжан ровно десять лет назад погубил его, заставив уехать на чужбину. Сейчас Ван хорошо узнал лоснящееся лицо, мелькавшее перед театральным помостом. И это исковерканное, будто отгрызанное ухо. Как он мог забыть этого человека? Впрочем, человека ли?

Взгляд актера метнулся в конец зала, откуда пришел мужчина. За столиком Чжана, стул которого сейчас пустовал, он увидел даму в модном вечернем платье. Неужели Линь Мэй? Да, это она — его бывшая жена! Она была все так же обворожительно хороша, а когда смеялась, на ее щеках, как и прежде, появлялись пленительные ямочки. Женщина была увлечена разговором с человеком, явно жителем здешних мест.

И снова черное облако надвинулось на Ван Цаня. На какой-то миг он забыл, что он герой-актер, которому положено играть свою роль. Он не заметил устремленных на него широко раскрытых глаз Ачжэнь, иначе в ее взгляде он смог бы прочитать укор. Ведь сегодня он играл свою роль без всякого воодушевления. Увидев Линь Мэй, актер, казалось, забыл о существовании Чжан Ифэя. А ведь в свое время, в те далекие ученические годы, этот человек действительно предал его. В страшной спешке Ван Цань был вынужден сесть на торговый пароход, который

направлялся в Гонконг. Он даже не успел выправить себе документ о возвращении назад — в Малайзию. Так он впервые очутился здесь, на этом маленьком острове, откуда начались долгие годы его странствий.

Да, десять долгих лет...

За эти годы ему довелось играть разные роли на сцене жизни. Играя бессчетное число одноактных водевилей, он порой оказывался у самого края сверкающей рампы, потом отодвигался в глубь сцены и вновь выдвигался вперед.

В этот раз, когда он впервые увидел маленький остров, Ван испытывал к Чжан Ифэю острую ненависть за то, что тот продал его, выдав его тайны властям. После этого даже во сне Ван мечтал, что когда-нибудь наступит час расплаты и он, пусть даже на краю земли, встретившись с негодяем, сведет с ним счеты.

Сейчас старая обида вновь вспыхнула в его груди. На какое-то мгновенье в его глазах загорелся огонь, но тут же потух, и вновь ему показалось, что на него надвигается черный туман. Рука машинально коснулась лица, худых ввалившихся щек... Нет, он уже не тот, что был прежде. Десять лет странствий почти до неузнаваемости изменили его, и этот вознесшийся подонок вряд ли сейчас его узнает. Он, наверное, думает, что Ван Цань погиб где-нибудь в лесах северной Малайи. Сердцебиение мало-помалу стихло, а черный туман стал рассеиваться. В его сознании мелькнула мысль, что Линь Мэй сейчас живет с Чжан Ифэем. Ну конечно, как он до этого не додумался раньше! И тут ему сразу стало все ясно. Он снова вспомнил те далекие годы, когда он и Линь Мэй во время своей учебы занимались бурной студенческой деятельностью. Тогда Чжан играл второстепенные и третьестепенные роли. Правда, уже в ту пору под разными предлогами он

неоднократно подкатывался к Линь Мэй, задавал ей какие-то вопросы, просил объяснить тот или иной сложный материал, но она не воспринимала его всерьез. В ту пору она не вела с ним никаких задушевных разговоров.

И вот сейчас Ван Цань наконец понял, что Чжан попросту гнусно оклеветал его, пытаясь получить в свои руки Линь Мэй. В битве чувств и страстей, как в настоящем сражении, толстяк поставил своего соперника в безвыходное положение и одержал победу. Ван Цаню почему-то стало жаль победителя, но одновременно вспыхнул гнев к женщине, которая обманула его и надругалась над его любовью. Ему вспомнился вечер перед расставаньем. Они сидели на морской дамбе, объятой пугающим безмолвием. В ту ночь они просидели почти до рассвета. Девушка, которая обычно проявляла твердость характера, тогда нерешительно говорила:

— Цань! Ты уезжай пока один, а я хочу съездить к маме. Потом, быть может, я приеду к тебе.

Десять лет эта фраза постоянно вертелась в его мозгу, но только сейчас он понял ее настоящий смысл. Туманно намекнув ему о будущей встрече, она смолчала о том, что уже перешла в чужой стан — к Чжан Ифэю.

Ван Цань стиснул зубы и взглянул прямо перед собой. Лоснящееся лицо уже исчезло. Сияющий затылок толстяка, кончившего фотографировать актеров, покачивался возле стола, за которым сидела компания.

Ван Цань заметил, что женщина, раскрыв портмоне, вытащила пачку сигарет и протянула их мужчине, который сунул сигарету в угол рта и закурил. Линь Мэй, по всей видимости, успела хорошо выучить свою роль знатной дамы. Ее голова то и дело склонялась в сторону соседа — местного старожила,

ее губы непрестанно двигались, и на них то и дело появлялась обворожительная улыбка. Толстяк оглушительно хохотал, выпуская изо рта клубы густого дыма. Никто из них ни разу не посмотрел на сцену.

В этот вечер Ачжэнь играла роль Дяочань. Помня наставления хозяина труппы, она исполняла свою роль с удвоенной энергией, высоко взмахивая перед публикой широкими рукавами белого атласного халата. Но посетители, сделав несколько снимков, быстро ушли к своим столам. Раздалось несколько жидких хлопков, которые она едва расслышала. Она стояла огорченная и усталая. Ее влажное от пота лицо исказилось от гримасы боли и гнева. Долгим взглядом она обвела зал, а потом посмотрела на Ван Цаня, стоявшего подле нее в одеянии героя Люй Бу. Она заметила, что его лоб усеян маленькими бусинками пота, которые он, очевидно, намеренно не вытирал платком из опасения размазать грим. Он то и дело морщился, будто его терзала какая-то боль. Ачжэнь заметила, что он двигается по сцене не как обычно, а странно покачиваясь из стороны в сторону, будто вот-вот упадет. Может быть, он заболел?

— Тебе плохо?— спросила она шепотом. В ее голосе слышалась тревога.

На его лице появилась горькая улыбка. Он покачал головой. Его взгляд, исполненный скрытой боли, был устремлен в зал...

Да, Линь Мэй была все так же обворожительна, как и десять лет назад, как и прежде, она любила демонстрировать свои ямочки на щеках. Сейчас она была увлечена разговором с собеседником. На сцену она так ни разу и не взглянула.

Гнев, только что переполнявший Ван Цаня, вдруг

исчез. Но сердце защемило от боли. Он подумал, что в те давние молодые годы он походил на старательного охотника, выслеживающего в дебрях маленькую лисичку с пышным хвостом и красивым оскалом белых зубов. Но он не только выслеживал драгоценного зверька, он и берег его, совсем не думая, что в конце концов от него пострадает. Да, он был юным героем, мечтавшим обладать диковинным существом величиной со щенка, с пушистым хвостом и влажными доверчивыми глазами. Какое-то время он бок о бок жил с этим оборотнем, пока тот не показал свое истинное обличье. В один прекрасный день лисичка больно укусила его и исчезла в лесу вместе с существом из ее стаи.

Сон, приснившийся душной тропической ночью!

Охотник Ван Цань еще не забыл нанесенной ему обиды. Однако сейчас его угнетала другая мысль. Из-за своей прошлой ошибки он превратился в блуждающий призрак, лишенный плоти. Никто его не замечает, даже эта лисичка не обращает на него никакого внимания.

Ван Цань сложил костюм и реквизит в узел. Как было у них всегда заведено, после представления они вместе с Барабанщиком и Ачжэнь шли в харчевню отметить удачное выступление, а после пирушки возвращались в свою хижину. Так было всегда, но в этот вечер...

Когда Ачжэнь, разгримировавшись и сложив платье, вышла из костюмерной, она неожиданно увидела возле входа одного Барабанщика, сидевшего на корточках и связывающего свои вещи.

— Дядюшка, а где же Ван Цань?

Старый актер, очевидно, слишком перестарался, играя на своем барабане, и сейчас сидел совершенно обессиленный, низко опустив голову и рассматривая на земле вещи.

— Ушел он... вот уже полчаса, как ушел,— проговорил старик, не поднимая головы.

На лицо Ачжэнь набежало облачко грусти. Из груди вырвался тихий вздох. Она уже поняла, что странное поведение Ван Цаня нынешним вечером, очевидно, вызвано какой-то серьезной причиной. Через некоторое время они вместе с Барабанщиком и еще несколькими актерами сидели за столиком под открытым небом. Им подали мясо с лапшой. Ачжэнь механически ковыряла палочками еду, но никакого вкуса пищи не чувствовала. Ее взгляд блуждал по сторонам.

Ужин подходил к концу. Старый Юань, смачно чавкая, выхлебал оставшийся в миске суп и поднялся, чтобы рассчитаться. Его внимание привлекла почти не тронутая тарелка, стоявшая перед женщиной.

— Ты почему не доела?— спросил он.

— Я уже сыта...— Ачжэнь положила на стол палочки и, отставив от себя тарелку, встала из-за стола.

Глаза старого Барабанщика внимательно следили за ней из-под тяжелых век, совсем лишенных ресниц.

«В последнее время она почти не отходила от Ван Цаня...— думал он.— Наверное, загрустила оттого, что он ушел».

Ачжэнь с Барабанщиком шли берегом моря по отмели, которая казалась почти бескрайней. Ни единого огонька вокруг, ни звука человеческого голоса. Их окружали темнота и безмолвие, которые нарушались лишь мерными вздохами морских волн. Иногда на отмели появлялся слабый отблеск луны, и тогда Ачжэнь различала белую пену прибоя, который, набегая на берег, с шуршаньем пожирал песок. Она думала о Ван Цане. Что с ним? Может

быть, он внезапно почувствовал себя плохо, поэтому ушел?..

Они подошли к возвышенности, у склона которой показались очертания хижины, освещенной луной. Но старые глаза Барабанщика не видели ее, впрочем, он не смотрел в ту сторону. Его взгляд был устремлен под ноги. Он тщательно выбирал дорогу, чтобы не упасть.

При виде хижины, погруженной в темноту, сердце Ачжэнь тревожно забилось. Значит, Ван Цань не пришел и сюда... Поглощенная своими мыслями, она перестала следить за дорогой и споткнулась о камень.

— Эй, что с тобой?— спросил Барабанщик.

— Ничего, просто споткнулась.

Старый актер вдруг вспомнил, что на этой пустынной отмели одна женщина совсем недавно бросилась в море. Он почувствовал участившееся биение сердца. Подняв голову, он взглянул на молодую луну, которая в этот момент медленно вползла в темное облако. Старик вздохнул.

— Говорят, что здесь на берегу...— Он внезапно замолчал и повернулся к своей спутнице —...В этом месте надо идти поосторожней!— проговорил он.

Они обогнули небольшую рощу низких деревьев, и Ачжэнь оказалась перед своим жилищем. Старый актер тяжелой походкой усталого человека направился дальше, туда, где за высокой скалой стояла его дощатая хижина...

Прошло менее получаса. Из лохмотьев туч показался искалеченный лик луны. Ее лучи, медленно скользнув по кровле домика, в котором жила Ачжэнь, поползли к жилищу старого актера. В нем сейчас мерцал свет керосиновой лампы.

Барабанщик был в хижине один. Через раскрытую дверь Ачжэнь увидела, что он сидит в кресле

закинув ногу на ногу и курит сигарету. Ван Цань, вероятно, еще не вернулся. Пламя керосиновой лампы дрогнуло от дуновения ночного ветра, и его отблески упали на женщину. Барабанщик прочитал в ее глазах вопрос.

— Ушел он... и даже унес свою выстиранную одёжу,— проговорил безразличным голосом старый бродяга актер, бросив в сторону окурок.— Эх, Ачжэнь... Такой уж у него характер. Решит что-нибудь — и баста! Никто его не удержит! Он и в детстве был такой.

В сердце женщины что-то оборвалось, а голова пошла кругом. Внезапный порыв ветра, ворвавшегося в распахнутую дверь, привел ее в чувство. Она снова вспомнила вечернее представление и Ван Цаня, который стоял перед ней, расстроенный и убитый. Она молча вышла из хижины и побрела обратно, ступая по пятнам луны.

— Будь осторожней на отмели!— раздался ей вслед добрый голос старого актера.

НА ЗАКАТЕ

1

Цвет неба начал густеть с одного края; казалось, оно клонится на сторону, как крыша беседки, у которой сломалась одна из опор.

Настроение у рыночных торговцев, как и небо, тоже мрачнело. Одни разбирали непроданные овощи, то и дело поглядывая вдаль, на горизонт. Другие прятали в холодильник оставшуюся свежую рыбу, не обращая внимания на редких покупателей; на душе у них было тяжело, холодильник словно давил весом непроданного товара.

В правой части базара выделялся мясной ряд,

там раньше всех кончали торговлю, так что к двум-трем часам дня на прилавках было пусто. Зато торговцы птицей сидели в заднем ряду возле клеток с курами, сбившись в кучу, как дрожащие хохлатки. Вздыхая про себя, они не сводили глаз с темнеющего неба. Один из них, Алинь, с багровым носом, нетерпеливо тряхнул головой, как будто хотел избавиться от какой-то тяжести:

— Видать, ураган нас не минует. Доживут ли до завтрашнего дня те двое? Ну, которые около уборной...

Торговцы птицей только вздохнули и промолчали: их ряд находился недалеко от общественной уборной и им давно уже надоела разыгрывавшаяся возле нее трагедия. Только молодой косой парень, который недавно получил лицензию и еще не привык к базарным нравам, не выдержал, копившееся раздражение вырвалось, словно лава из вулкана:

— Ну и везет же мне! Торгую всего каких-то полгода, и вот уже четвертый около этой проклятой уборной... Все твердят о мире и процветании, а тут как будто японские времена вернулись!

От этих выкриков настроение у всех еще больше испортилось. Те, кто постарше, хорошо помнили, как было при японцах. Трупы и умирающих людей бросали, как дохлых собак, на пустырях где-нибудь за Жемчужным холмом, а у дверей ветхих деревянных домиков в старой части города валялись распухшие тела, стоял смрад.

Да и у молодежи, не видевшей Сингапура тех лет, но слышавшей печальные рассказы, на душе не стало веселее.

Косой парень разошелся, брызгал слюной. Старый торговец курами Чжун по прозвищу Гнилая башка, стоявший за соседним лотком, бросил на него

недовольный взгляд. Косой сразу взял себя в руки — он немного побаивался Гнилой башки, который жил рядом с ним. Чжун помог ему получить лицензию и потому частенько поучал юношу: «Эх ты, молокосос! Много ли денег заработаешь спустя рукава? Тебе бы только время протянуть...»

Поняв, что своим взглядом Чжун хотел заставить его замолчать, косой парень проглотил оставшуюся половину своей речи. Он смущенно взглянул на опустившееся еще ниже небо и еле слышно вздохнул:

— Да, пожалуй, ночью будет буря.

Давление продолжало падать. Со стороны уборной донесся слабый дребезжащий кашель, за которым последовали прерывистые стоны.

2

— Лаоцзю, послушай, раз тебя не хотят брать в больницу, возвращался бы ты к нам в ночлежку, а? Здесь такой холод! Днем еще ничего, а ночью не вытерпишь!

Содержатель опиекурильни Чэнь Лаовэнь сохранил еще остатки совести, хотя добрую половину жизни кормился за счет незаконных делишек. Его лицо, лоснившееся от жирной копоти трубок, блестело в темноте.

— Лаоцзю, в нашей ночлежке тесно и людно, в больнице, само собой, было бы почище, да и хворь твоя за два-три дня не пройдет. Кто же мог знать, что они такие бессердечные? Бросили тебя здесь, рядом с сортиром... Нет, мы не может терпеть, чтобы наш, можно сказать, брат ночевал прямо на улице.

Прокуренное горло Чэнь Лаовэня издавало хриплые звуки. Лаоцзю — этот обтянутый кожей скелет, который уже не мог как следует вдохнуть воз-

дух или кашлянуть — после долгой паузы чуть-чуть приподнял тяжелые, в тысячу цзиней веки, посмотрел на стоявший рядом с уборной фонарный столб, потом слегка повернул голову и уставился на хозяина опиекурильни. Только после этого он сказал со вздохом:

— Брат Лаовэнь, твоей доброты я, Лаоцзю, вовек не забуду.

С трудом договорив эту фразу, он снова закашлялся, его высохшие руки судорожно вцепились в грудь, ходившую ходуном. Он стонал, глаза закатывались, в них уже не было ни мыслей ни чувств. Видя, что он уже долго не протянет, Чэнь Лаовэнь поспешно приподнял его голову и положил на возвышение возле стены.

— Брат Лаоцзю, что с тобой?..

Та сторона неба, которую закрывало здание уборной, все больше темнела, где-то вдали засверкали зарницы.

Вот и ночь, подумалось каждому. И действительно, все ворота рынка давно уже были закрыты, ряды опустели. Черная завеса укрыла все вокруг, и лишь под крышей общественной уборной тускло горела электрическая лампочка, роняя свет на лица Чэнь Лаовэня и умирающего Лаоцзю. С огромным усилием подняв веки, он произносил две-три фразы, и веки опускались сами собой. После долгого молчания он снова приоткрыл глаза:

— Лаовэнь, который час?.. Может, мне лучше умереть здесь...

В горле у Чэнь Лаовэня встал комок, из покрасневших глаз готовы были политься слезы:

— Еще не очень поздно. Смотри, скоро буря начнется. Лучше я крикну велорикшу, отвезу тебя к нам.

На его лоснившемся лице было виноватое выраже-

ние. Он как будто корил себя за то, что утром отвез в лечебницу доживать последние дни старого соотечественника, прожившего в его притоне больше полугода... Конечно, в его ночлежке места было меньше, чем людей, и с этим ничего нельзя было поделать, да и сам Лаоцзю то и дело просил:

— Отвез бы ты меня в лечебницу, а? Сколько лет болею, разве теперь поправлюсь... Только грязь у тебя развожу!

Действительно, Лаоцзю заплевал густой слюной весь пол вокруг лежанки. Новые клиенты давно уже перестали заходить в курильню, что немало беспокоило Чэнь Лаовэня. Да и жена с приближением Нового года все чаще шептала ему на ухо:

— Он кто, родственник тебе, что ли? Праздник на носу, а тут будет валяться эта сушеная рыба...

3

Дня за два до Нового года Чэнь Лаовэнь не выдержал этого постоянного нашептывания и уменьшения клиентуры; душевная боль, казалось, начала переходить в физическую.

Мог ли не заметить этого Лаоцзю — он, проживший в чужих краях не один десяток лет, испытавший не один шторм в Тихом океане? Сколько раз хотелось ему незаметно покинуть ночлежку и переселиться куда-нибудь поближе к Сунси — речушке, протекавшей на окраине этого горного городка и в его воспоминаниях всегда рисовавшейся стремительной и шумной. Он хорошо помнил, как, бывало, на морском берегу находили тела утопленников... Но у него недоставало сил даже добраться до порога, да и хозяин притона не отпускал его, каждый раз делая при этом плаксивое лицо:

— Лаоцзю, пусть я беден так, что дальше некуда, все равно я не могу пустить тебя, пока ты не подкормишься, не поднаберешься силенок, чтобы хоть ногами мог двигать. Мы оба скитаемся столько лет, неужели же я брошу старого приятеля? Да мне потом кусок в горло не пойдет!

После таких слов Лаоцзю оставалось лишь вздохнуть и забыть о своих намерениях.

И вот перед Новым годом Лаоцзю с усилием приподнялся на лежанке, постарался сделать беззаботное лицо и со смешком сказал:

— Брат Лаовэнь, скоро праздник, твоя жена будет жарить на масле разные сладости, а я этот запах с трудом переношу... Может, мне пока поехать в лечебницу, а уж после праздника...

Лаоцзю не нужно было доканчивать фразы — Лаовэнь сразу понял, к чему тот клонит; он и сам не чаял, когда этот полумертвец покинет его дом, да боялся, что дружки осудят: мол, отправил старого приятеля на верную гибель. Поэтому он опять заныл:

— Да как же так? Как же так?

Но жена, которая толкла рис возле очага, давно уже навострила уши; едва услышав слова Лаоцзю, она сразу же подала голос:

— Что говорить, Лаоцзю прав! Как начнем на масле жарить, такая пойдет вонища — где ему вынести, только хуже расхворается. В лечебнице, конечно, все не по-нашему устроено, зато чисто и дышать легко...

Лаовэнь пытался взглядами заставить замолчать свою болтливую супругу, ставившую его в неловкое положение. Но та даже не смотрела в его сторону, слова лились из нее, как вода из прорванного шланга:

— Кликнем коляску, отвезем Лаоцзю в лечеб-

ницу. Он там поживет дней десять, а после праздника мы его обратно доставим. И пусть Новый год принесет всем избавление от бед и напастей!

Женщина говорила без передышки, все возвышая голос, как будто произносила заклинания. Красная краска, которую не могла скрыть даже жирная копоть, залила обезьянью физиономию Лаовэня до самых кончиков ушей. Он бубнил что-то неразборчивое. На лице Лаоцзю появилась горькая усмешка. Не в силах ответить, он закрыл свои утратившие выражение глаза. Вскоре в его горле опять забулькала мокрота, грудь заходила ходуном.

4

Вдруг по черепу Лаоцзю, лежавшего в полусне, словно ударили молотом. Он приоткрыл невидящие глаза и опять закашлялся. Сидевший рядом на скамейке Лаовэнь стал легонько похлопывать его по спине:

— Лаоцзю, что с тобой, брат? Плохо?

Лаоцзю еле заметно покачал головой, при этом его высохшие губы растянулись в подобие улыбки и в углах рта залегли две глубокие морщины. Вдали, у входа в хирургическое отделение он увидел толстяка в запачканной маслом спецодежде — очевидно, какого-нибудь механика. Тот стоял в воинственной позе, уперев одну руку в бок, а в другой высоко подняв аптекарский пузырек с фиолетовой жидкостью.

— Сказали: помажься этой цветной водичкой, все сразу и заживет. Как бы не так! Сижу здесь чуть не три часа, врача в глаза не видел, а про уколы и говорить нечего!

Маленький толстяк, тяжело дыша, продолжал шуметь, но санитар хирургического кабинета в

колпаке из красной марли смерил его холодным взглядом и отрезал:

— Хочешь уколы, хочешь врача — иди в частную больницу.

Такой ответ еще больше раззадорил толстяка, и даже полумертвому Лаоцзю стало не по себе. Но тут он вспомнил, как двадцать с лишним лет назад, садясь на корабль в Сан-Франциско, он увидел иностранных врачей с их диковинными инструментами. И хотя с тех пор многое в его жизни переменилось, думать об этом все равно было неприятно. Он погрузился в смутные воспоминания, веки снова бессильно опустились. И все же он понимал, что происходит вокруг. Раз Чэнь Лаовэнь стал тяжело дышать, значит, его опять потянуло к трубке. Тело его непрестанно покачивалось, из носа капало, он ни минуты не мог посидеть спокойно, как будто у него не зад, а косточка от оливки. Видеть это Лаоцзю было тяжело, он кашлянул и тихо сказал приятелю:

— Иди домой, Лаовэнь. Я один подожду...

Лаовэнь уже не мог больше терпеть; он ухватился за слова Лаоцзю, чтобы поспешить домой и сделать несколько затяжек.

— Ведь сегодня пятница, врач должен идти в операционную,— пробормотал он.— Ты бы прислонился к стене, подождал меня, я скоро вернусь...

Не дожидаясь ответа, он остановил первую проезжавшую мимо коляску и исчез.

Лаоцзю понимал, что приятеля неудержимо потянуло к трубке; не в силах двинуться, он только тяжело дышал и кивал головой, сам же раздумывал о своем будущем. Как бы то ни было, хорошо, что он уехал и перестал пачкать дом Чэнь Лаовэня. Успокоившись, он откинулся назад и оперся головой о стену, чтобы немного передохнуть. Скоро ему и

вправду стало легче, еле различавшиеся предметы приобрели более отчетливые очертания. Он увидел, что коротышка в замасленной спецодежде бранится с санитаром индусом:

— Что, эта лечебница — ваше частное владение? Разве ее не содержат налогоплательщики нашего города?

Индус, у которого даже шея побагровела, ответил на плохо усвоенном гуандунском наречии:

— Шуметь около больницы — наверно, плохой человек!.. Вот придет мада[1], будешь получать как следует!

Стоявшие в очереди к врачу расхохотались. Мужчина средних лет с медицинской карточкой в руках, до того сидевший поодаль на газоне, подошел к механику, с которым, по всей видимости, был знаком. Он тронул его за локоть, смазанный фиолетовой жидкостью:

— Чего зря шуметь, шел бы домой. Обычно говорят: «При жизни не ходи к чиновникам, после смерти не попадай в ад». А надо бы добавлять: «Во время болезни не ходи к врачам».

Многие из числа дожидавшихся талончика к доктору обернулись к говорившему. Тот продолжал:

— Разве не так? Я уже который день животом маюсь; раз пришел попозже — двери закрыли, даже талончика не успел получить. Сегодня явился в самую рань, так бородатый толстяк в регистратуре поставил на моей карточке какую-то закорючку и велел идти в аптеку за лекарством. А врача я так и не видел! Бородатый даже не спросил, какая у меня боль — горячая или холодная. Много проку от такого лечения! Лучше уж купить старинных пилюль «Ванлаоцзи»...

---

[1] Полицейский *(малайск.)*.

Пока все смотрели, как этот мужчина швыряет в канаву свою медицинскую карточку, толстяк в замасленной одежде исчез.

5

Прошло еще какое-то время, и замутненное сознание Лаоцзю вновь немного прояснилось. Он увидел, что у закрытых дверей приемного покоя стало совсем пусто. Лишь дежурные ассистенты и сестры в коротких белых халатах время от времени пробегали по балюстраде, бросая на Лаоцзю равнодушные взгляды. Это равнодушие не вызывало никакой реакции в его готовившейся к смерти душе; по-видимому, ему самому уже все стало безразлично. Казалось, к нему подступала черная непрозрачная вода. Но одно помнилось отчетливо: багровое, со следами копоти лицо Лаовэня, который носился то к бухгалтеру, то в кабинет врача, убеждал, уговаривал... Он чувствовал себя очень неловко, но оставаться в доме Лаовэня сейчас, когда у него не было сил даже приподняться, когда дело шло к концу, было бы еще хуже. Может быть, его и не выгнали бы под праздник, но надо же самому совесть иметь!

Пока он думал об этом, закрыв глаза, в ушах вдруг раздался знакомый сипящий говор. Он с трудом поднял отяжелевшие веки. Смотри-ка, кто это там, у входа в кабинет главного бухгалтера, не его ли старый хозяин? Очертания предметов расплывались в его глазах, да и стоял тот человек к нему спиной, но разве он мог не узнать тучную фигуру хозяина, на которого работал шесть лет? За ним виднелась обезьянья мордочка бухгалтера, на которого смотрел, наморщив лоб, Лаовэнь; бухгалтер пытался улыбаться, но вид у него был смущенный.

— Могу ли я не расстараться, если господин хо-

чет поместить своего старого кули в больницу? Но ведь врач все время качает головой, говорит, что нет коек... При чем здесь я?

Эти многоречивые отговорки все более раздражали Лаовэня, прятавшегося за спиной богача. Он прервал бухгалтера:

— Ну, покажите же свою доброту, помогите нам! Праздник уж наступает, у меня в доме тесно, а этот бедолага долго не протянет.

Бухгалтер бросил на него презрительный взгляд, повернулся и улыбнулся богачу:

— Вы бы присели, у меня не все дела закончены, извините!

Пройдоха исчез. Лаоцзю, в сознании которого эта сцена отпечаталась очень четко, испытал боль при мысли о том, что и перед смертью ему приходится доставлять хлопоты таким людям, как Лаовэнь и его бывший хозяин. Разволновавшись, он даже перестал кашлять, только вращал глазами. Его высохшее, как бамбуковый шест, тело сползло по стене.

— ...Эй, Лаоцзю, что с тобой, брат?

Только после нескольких обращений Чэнь Лаовэня умирающий словно вернулся из облачной дали и смутно разглядел, что перед ним стоит бывший хозяин. Лаовэнь обеими руками подхватил его.

— Лаоцзю, с тобой ничего не случилось? Бухгалтер обещал еще раз поговорить с врачом. Ты не беспокойся, тебя примут. Не могут же они оставить тебя ночевать на улице!

Теперь закопченное лицо Лаовэня не было таким озабоченным, он явно хотел успокоить приятеля.

— Ты приляг как следует. Раз уж сам хозяин за тебя замолвил слово, значит... А я скоро еще раз приду.

С этими словами Чэнь Лаовэнь вслед за старым

хозяином исчез в лучах предзакатного солнца. Лаоцзю, тяжело дыша, кивал ему вслед.

6

Северо-западный ветер принес короткий, но сильный дождь, и после этого в голове у Лаоцзю совсем прояснилось. В тусклом свете фонаря он смутно разглядел что-то темное, копошащееся в углу неподалеку. Но какого черта было ему бояться теперь? Он откашлялся и опять закрыл глаза.

Сквозь шум капель, стекавших с крыши уборной, он расслышал донесшийся из того угла стон. А когда стало еще тише, он разобрал и слова:

— Земляк, тебя тоже сегодня выгнали?

Совсем недавно Лаоцзю не мог сказать подряд двух фраз — начинал задыхаться. Теперь же он почувствовал прилив сил — словно огонь, который разгорается перед тем, как потухнуть. Выслушав рассказ лежавшего неподалеку больного о том, что его лишили медицинской карточки и выбросили на улицу, он сказал:

— А меня даже внутрь не пустили, и сам хозяин не помог. Раз уж тебя, брат, прогнали, не посчитавшись, что ты двигаться не можешь и что в больнице лежал столько лет, мне нечего обижаться. Только я...

Утомленный длинной речью, Лаоцзю раскашлялся, выплюнул сгусток крови, но затем вновь приободрился. Он пододвинул к паралитику принесенную Лаовэнем чашку с рисом:

— Земляк, с твоей болезнью можно глотать еду, а я уж не могу...

Зонтом, который тоже принес Лаовэнь, он прикрыл ноги от падавших с крыши капель.

В слабом свете фонаря было видно, как лежавший чуть-чуть приподнялся и начал жадно глотать давно остывший рис. Зрелище утоляемого голода доставило Лаоцзю удовлетворение, он почувствовал себя добродетелем и даже стал меньше кашлять. Наевшись, сосед сделал вид, будто внимательно слушает рассказы Лаоцзю о прошлом.

Он вспоминал о том, как три десятка лет назад его переправили «кривым рулем», то есть нелегально, в Сан-Франциско. Лаоцзю так увлеченно повествовал об этом, что сосед непрестанно кивал головой.

— Земляк, уж коли ты попал в Сан-Франциско, зачем тебя понесло сюда, в Южные моря?

Лаоцзю вздохнул, откашлялся, сплюнул и опять почувствовал себя лучше:

— Эх, если бы не эта чертова болезнь, не лежал бы я сегодня около сортира! Да вот...

Тень печали покрыла его мертвенно-бледное лицо, но он все-таки нашел силы рассказать о своем житье-бытье в Сан-Франциско, о том, как земляки собрали ему деньги на обратную дорогу.

— Думал, что будут лежать мои кости в китайской земле, да пришли японские дьяволы, вот и пришлось тащиться в эти места, продавать себя...

Мокрота заклокотала в горле Лаоцзю. Капли дождя падали все чаще, фонарь возле уборной светил все слабее. Лаоцзю то терял сознание, то пробуждался и продолжал урывками рассказывать о своей жизни, в то время как его парализованный соотечественник давно уже храпел.

7

После ночного ливня небо казалось особенно спокойным.

Наступил канун Нового года. Еще мерцали звезды, а на базаре уже зажигали свечи, чтобы пораньше начать торговлю. Продавцы в мясном ряду, невыспавшиеся, но подгоняемые мыслями о «красном кошельке»— новогодней щедрости покупателей, кричали громче обычного:

— Хозяйка, вот четыре фунта окорока, вот мясо с косточкой!

— Приятель, под праздник нечего привередничать! Как рассветет, всю свинину расхватают, и жирную, и постную!

Рядом верещали, стараясь не отставать от мясников, продавцы овощей:

— Купи побольше капусты — в доме весь год будет густо!

— Хозяин, возьми китайского чеснока, в Новом году будет жизнь легка!

Этим утром на рынке была толчея, и створки железных ворот, в которых обычно гулял ветер, жалобно визжали под напором входящих и выходящих.

Немало людей заходило и в уборную. Около ее стены по-прежнему виднелось два темных бугра. Один из них, наполовину прикрытый дырявым зонтом, стороннему взгляду представлялся просто кучей тряпья. Другой чуть шевелился, и можно было догадаться, что это человек или бродячая собака. Но никто не смотрел в эту сторону — все спешили за покупками к новогоднему столу.

Вопреки обыкновению, в этот день к девяти утра базар уже обезлюдел. Чэнь Лаовэнь, протирая тыльной стороной руки слипшиеся глаза, подошел к уборной, шлепая деревянными сандалями. Раздался сиплый, прокуренный голос:

— Лаоцзю... брат...

Прикрытый зонтом бугор никак не реагировал на

его оклики, не было слышно даже привычного кашля. Зато зашевелился другой бугор; иссохшая рука паралитика откинула рваное одеяло, и из-под него выглянуло опухшее темное лицо. Окинув Лаовэня взглядом, больной промолвил тихим голосом:

— По-моему, твой приятель давно уже отошел... Часа в три, еще не начинало светать, он вдруг тяжело задышал, а потом замолк. Я его окликнул, он не отозвался...

Лицо Лаовэня еще больше пожелтело, он нагнулся и заглянул под зонт. Не в силах справиться с дрожью в руках, он отбросил принесенную им чашечку кофе и огляделся по сторонам. Вокруг было спокойно, немногие остававшиеся на базаре люди не обращали на него внимания. И Чэнь Лаовэнь по-воровски скрылся за углом.

Лишь после полудня кто-то дал знать в полицейское управление, и к уборной подкатила машина с красным крестом. Тут закончились мытарства Лаоцзю — он нашел приют за стенами больницы.

А когда лучи заходящего солнца коснулись места, где он лежал, там не оказалось и паралитика: какой-то милосердный земляк отвез его на велорикше в порт и пристроил там при Храме первооснователя.

Из больницы пришли санитары-индусы и обрызгали дезинфекцией все вокруг уборной, а потом струей из шланга смыли следы кровавых плевков Лаоцзю.

Вот и еще один закат погас...

Инь Чжиян

ДОКТОР ЛИНЬ

День у доктора Линя начался как обычно: держа в руке ящичек с лекарствами, он вошел в здание тюрьмы.

В тюрьме тоже все было как обычно: густой мрак без единого луча солнца, длинный, как туннель, коридор с затхлым воздухом. Со всех сторон, приглушенные толстыми стенами, будто издалека, доносились слабые протяжные вздохи и стоны.

За долгих три года доктор Линь привык и к стонам и к воздуху, он входил в тюрьму совершенно спокойно, словно и не видел минуту назад залитых светом улиц и свободных людей, которые торопились по своим делам.

Время — страшная штука. День за днем, капля за каплей оно подтачивало его нервы. Когда три года назад он впервые пришел в японскую тюрьму на осмотр больных, ему показалось, будто его самого заперли в камере. Каждый больной являл собой поистине ужасающую картину. Доктор Линь содрогнулся, сердце его учащенно забилось, он готов был кричать вместе с теми несчастными. В ту пору ему искренне хотелось утешить их, подбодрить, но он не находил нужных слов и только молча покачивал головой, осторожно обмывал раны и не жалел бинтов и мазей. Бывало даже, что, уже закончив перевязку и собрав ящичек, он шел к двери и там долго и неподвижно стоял, смотрел на больного.

Много мук и страданий довелось Линю увидеть, и в конце концов трагичное для него стало обыден-

ным; медикаментов давали все меньше, и к обязанностям своим доктор Линь заметно охладел: придет, бывало, с полупустым ящичком да так и уходит, даже не открыв его. Мягкий и приветливый по природе своей, доктор Линь огрубел. Ему теперь ничего не стоило накричать на больного, если тот просил лекарство, жалобы вызывали в нем ярость, он брал свой ящичек и, брезгливо морща нос, спешил к двери.

Сегодня доктор Линь, казалось, чем-то был озабочен и делал все через силу: он обошел палату, не проронив ни звука, не доставал ни таблеток, ни мазей, не осмотрел ни одного их трехсот больных.

Уже у выхода, пройдя через вторую решетчатую дверь, он увидел в коридоре коменданта тюрьмы — своего японского начальника.

— Черт!— вырвалось у доктора Линя, и он потянулся рукой к волосам, будто хотел их пригладить.

За эти годы он на собственной шкуре испытал, что значит служить под началом японца: работаешь быстро — он с притворным добросердечием обвинит тебя в нерадивости либо на бойком и неразборчивом малайском начнет осыпать самыми грязными ругательствами; работаешь медленно — опять плохо: дождется тебя у ворот и, только ты начнешь отвешивать ему поклоны, выхватит, ни слова не говоря, из рук ящичек, переворошит весь, гадай потом, что к чему. Иной раз вообще ничего не скажет, только рукой махнет — проходи, а то вдруг на удивление сладким голосом начнет разъяснять, что, мол, работа транспорта во время войны затруднена, подвоз товаров недостаточен, сколько еще так продлится, неизвестно, и расходовать медикаменты следует экономнее. Однажды был случай — он подал на доктора директору больницы рапорт. Тот вызвал Линя к себе и, выслушав, велел аккуратно и добросовестно выпол-

нять все указания. Береженого бог бережет, от лишнего поклона голова не отвалится. Но как мучительно было Линю после стольких лет работы в больнице, когда уже и положения какого-то достиг, и уважением пользуется, играть роль покорного, нерассуждающего болванчика! Но подать в отставку все равно что сунуть голову в петлю, а потому приходилось, смирившись, терпеть оскорбления.

Погруженный в свои мысли, доктор Линь не заметил, как очутился рядом с японцем.

— Того, из пятьсот сорок восьмой заключенного, пожалуйста, полечите как следует,— сказал комендант и протянул пакет с самой лучшей, японского производства, мазью.

Впервые за время работы в больнице доктор Линь увидел такое вежливое обращение со стороны коменданта и даже онемел от удивления. Он стоял, вытаращив глаза, пока комендант не махнул рукой, и лишь тогда словно очнулся.

Он не знал, как зовут заключенного из 548-й камеры, но знаком с ним, можно сказать, был неплохо, ибо за те четыре-пять месяцев, что тот находился в тюремной больнице, не раз его посещал и делал ему перевязки. Было и еще одно обстоятельство, привлекшее внимание доктора к этому человеку: ходили слухи, будто он из партизан, сражающихся с японцами. Да и наказание, которому его подвергли, отличалось особой суровостью: по три-четыре дня ему не давали ни крупинки риса, ни глотка воды, и здоровый молодой парень теперь едва стоял на ногах, ходил, держась рукой за стенку; но и этого тюремным властям было мало — изголодавшемуся заключенному трижды-четырежды в день вливали через рот несколько литров воды, после чего у него появились сильные рези в желудке и он совсем не мог есть.

Как ни допрашивали партизана японцы, выве-

дать им ничего не удалось, и они, озверев, забывали о «культурных» методах воздействия и пускали в ход плетку, палку, даже чайник и чашки, отводя таким образом душу.

Доктор Линь на цыпочках подошел к постели молодого человека. Тот очнулся, но тут же снова закрыл глаза и отвернулся к стене.

Доктор Линь не рассердился, как обычно, а продолжал неподвижно стоять, пристально глядя на юношу.

Единственная его одежда, набедренная повязка, так истрепалась, что сквозь нее можно было видеть тело, покрытое многочисленными кровоподтеками. На спине и на бедрах ярко выделялись светло-коричневые рубцы, пальцы рук сильно распухли. Кожа во многих местах лопнула, кровь запеклась, почернела, раны гноились. Волосы на затылке слиплись от крови, к уху из уголка губ тянулась кровавая полоска.

Юноша не мог долго оставаться в одном положении и то и дело поворачивался, хотя это причиняло ему невыносимую боль. Вот и сейчас, поддерживая себя обеими руками за бока, прикусив губу и еле сдерживая стон, он медленно повернулся.

Доктор Линь чуть не вскрикнул: то, что он увидал, было уже не лицом человека из мира живых, а ликом духа из подземного царства! И не так страшна была кровь, капающая из носа и изо рта — к этому он привык,— как цвет лица: о щеках, залитых кровью, уже нельзя было сказать, синие они, бордовые или черные.

К горлу доктора Линя подступил комок, и ему захотелось поскорее бежать от этого кошмара: он торопливо раскрыл коробочку и, не подумав даже, что раны следовало бы прежде промыть, зачерпнул пальцем немного мази и начал их смазывать.

Но тут вдруг юноша, который, казалось, в любую минуту мог умереть, быстро вскочил на ноги, словно здоровый, и толкнул доктора в грудь; от неожиданности тот отпрянул назад.

— Нет, доктор! Не надо.

Доктор Линь и испугался, и растерялся.

— Приказ коменданта,— быстро проговорил он.— Это хорошее средство, я сам...— Он запнулся.

— Нет, доктор, я знаю,— спокойно, словно забыв про боль, произнес юноша, с трудом шевеля губами.— Прошу вас, доктор, сберегите это лекарство для других. А я... мне уже вынесли приговор, завтра казнят. Зачем меня лечить?— Юноша говорил все возбужденнее, все быстрее, лицо его потемнело еще больше.

— Казнят...— Доктор Линь словно очнулся от глубокого сна; оказывается, это лекарство из Токио всего лишь ханжеское утешение перед казнью. Вдруг этот юноша, без страха жертвующий собой, превратился в глазах доктора в героя, великана. Он, доктор Линь, всю жизнь не желавший и слышать ни о каких войнах, сегодня впервые соприкоснулся с величием и благородством партизана; он хотел как-то выразить свои чувства — признание, уважение — но... не знал, как это сделать.

— Нет, сударь,— сказал он дрогнувшим голосом, к горлу опять подступил комок, на глаза навернулись слезы. Он отвернулся и продолжил:— Давайте-ка я вас все-таки полечу.

— Не надо, доктор!— наотрез отказался юноша и мягко взял Линя за руку.— Вы ведь знаете, лекарств сейчас мало, они дорогие; лучше сберегите их, доктор, помогите тем, кто так же страдает.— Глаза его лихорадочно блестели.— Послушайте, доктор, что я скажу: власть японских дьяволов ненадолго; другие еще выйдут из тюрьмы и будут жить, а я...

Завтра меня поведут на казнь. Доктор! — Он взывал к Линю, как к родному, близкому человеку.— Я отмучился, теперь все позади, одна ночь осталась. А это уже не в счет... одна ночь...

Возбуждение юноши достигло предела, и он в изнеможении рухнул на пол. Раздался глухой стук, эхом прокатившийся по всей тюрьме.

А доктор Линь словно лишился рассудка — он даже и не пытался поднять больного, помочь ему, привести в чувство; все, что говорил юноша, вылетело из его головы. Он только зачерпывал пальцами мазь, ничего не видя за застилавшей глаза пеленой, и мазал... мазал... мазал...

Ло Пин

ОТБРОСЫ ОБЩЕСТВА

1

Погруженная во тьму опиекурильня казалась мрачным, заброшенным кладбищем; пять обшарпанных лежанок для посетителей, словно могилы, тянулись в одну линию, напоминая иероглиф «и» — «единица». «Глотающие облака и извергающие туманы» посетители сидели на лежанках, наклонив головы друг к другу, скорчившись и скрестив ноги. Слабый желтоватый огонек трубок напоминал светлячков, освещавших компанию бесприютных душ, которые отдыхали на могилах...

Согнувшийся на лежанке Дун Чжунфу сделал последнюю затяжку, прикрыл глаза, давая опиумному дыму раствориться в крови, и лишь после этого из самого его нутра — из «самой красной глуби», средоточия жизни — последовал продолжительный выдох. Он почувствовал, как кости во всем теле размякли, дух прояснился и чувства воспарили. Небрежно протянув трубку чистильщику обуви по прозвищу Прокуренная Башка, он зевнул, распрямил уставшую поясницу и крикнул повелительно: «Апэн, чашку чаю!»

Прислуживавшая посетителям шлюха Апэн была уже не первой молодости. Раньше она числилась в «веселом квартале» девицей самой высшей категории, но после того, как на теле у нее «зацвели лотосы», она скатилась на дно и стала «цветком курильни», обслуживая кого придется. Трубку она набивала

очень ловко, взгляд имела гордый, мнила о себе невесть что. Таким субъектам, как чистильщик Прокуренная Башка и Фабрикант-без-фабрики или карманник Вонючка Дин, во сне не снилось, чтобы она их обслужила. Даже Литератора Дун Чжунфу, который прежде на родине служил при штабе, а ныне, «скитаясь в чужих краях», промышлял на улице гаданием и писанием прошений, она вовсе не замечала. Заслышав призыв Дун Чжунфу, эта потаскуха только презрительно хмыкнула, но даже глазом не повела.

— Тебе велено чаю налить — ты что, не слышишь?— опять заорал Дун Чжунфу.

— Захотел пить — наливай сам, у хозяйки нет времени!— ничуть не смягчилась Апэн.

— Рвань! Что ты из себя, вонючка, строишь?

— Не нравится — ступай домой, пусть тебе там жена прислуживает!

— Чтоб у тебя, шлюхи, глаза на лоб вылезли! Ты что, думаешь, что у почтенного клиента нет денег?

— Неужели же есть?!

— Да я с тобой не стал бы и...

— Ну, ну, полегче. С тобой — разве только во сне!

— Прямо как собака на людей кидается!

— Вот и наливай себе сам... начальник штаба Дун!

Кольнув его напоследок еще и таким образом, потаскуха Апэн вильнула задом и проследовала на другую половину дома, в кухню.

Хотя Дун Чжунфу и был чрезвычайно рассержен, но стоило Апэн произнести эти слова, «начальник штаба Дун», как все в нем снова взыграло. Ведь в этой курильне самого низкого пошиба только он был «высокопоставленной особой». Конечно, когда валяешься в курильне на лежанке, не приходится думать

об общественном положении, однако же все посетители весьма уважали его за образованность и очень любили послушать что-нибудь о «соперничавших княжествах при Восточной династии Чжоу» или о том, как в былое время в родных краях он сам вместе с полковником Чэнем сотрясал Поднебесную славными подвигами. Поэтому все величали его штабс-офицер Дун. Случалось даже, что в хорошем настроении и эта язва, потаскушка Апэн, сама набивала ему трубочку, тихохонько слушая повествование о преданной жене Мэн Цзяннюй, от скорбного плача которой обрушилась Великая китайская стена.

Пробурчав сквозь зубы:

— Поистине только женщин и подлый люд трудно воспитать,— он лениво поднялся, выпил чашку чаю, прополоскал рот и снова улегся не лежанку, чтобы поболтать с Прокуренной Башкой.

Прокуренная Башка весь был поглощен приготовлением трубки. Правой рукой он осторожно поддел маленькой палочкой кусочек опиума, намочил его в воде и поднес к огню, чтобы тот, согревшись, превратился в крошечный круглый шарик, и лишь после этого, запихнув в трубку, снова нагрел на огне, приминая большим пальцем. В конце концов он палочкой проделал в шарике маленькое отверстие и после этого затянулся всем нутром. Чубук он отпустил лишь тогда, когда опиум совершенно испарился; отрешенный и удовлетворенный, он тихонько выпустил дым и неторопливо обратился к Дун Чжунфу:

— В наши годы, если найдется на затяжку, чтобы скоротать денек, чувствуешь себя счастливее небожителей! Так стоит ли такому человеку, как вы, штабс-офицер Дун, обращать внимание на всякую рвань?!

Сочувственные слова Прокуренной Башки опять распахнули сундук красноречия штабс-офицера Ду-

на и заставили его погрузиться в упоительные воспоминания о блистательном прошлом. Вновь нескончаемым потоком полилась много раз уже рассказанная славная история:

— Пословица гласит: «Когда пал тигр, Пин Яна обманула собака!» Только в скитаниях на чужбине мне, штабс-офицеру Дуну, приходится сносить такие оскорбления! Чашку чаю — и то изволь сам наливать! А вспомнишь былое время, когда служил при штабе, дома «облачной земли» высшего сорта самое меньшее с десяток банок; стоило лечь на лежанку — и тут же один готовил трубку, другой разминал суставы, третий делал общий массаж... Все важнейшие дела Поднебесной решались у курильной лежанки штабс-офицера Дуна. А теперь? Тьфу!

Недовольно ворча, Дун Чжунфу бросил взгляд в сторону кухни, сплюнул и злобно выругался:

— Ух, тварь! Эта потаскуха Апэн, кроме Шила, никого не замечает!— Воспоминание о Шиле, владельце курильни, еще больше разожгло его злость. Отпустив в кредит опиум четвертого сорта, Шило не только посчитал за него как за первоклассный товар — пришлось еще оставить ему в залог свой единственный европейский костюм из белого импортного материала!— Шило тоже тварь порядочная!— заодно ругнул Дун и хозяина.

Прокуренная Башка только вздохнул, выражая свое сочувствие, и продолжал набивать трубку.

Дун Чжунфу снова погрузился в воспоминания о прошлом...

— Помню, когда мы с полковником Чэнем сотрясали Поднебесную, попали мы в окружение северной армии Сунь Чуаньфана. И ведь это я, штабс-офицер Дун, придумал тогда хитрость: поднял шум на востоке, чтобы атаковать на западе, и дал возможность полковнику прорвать двойное окружение, спастись

от верной смерти. С тех пор мы с полковником стали как названые братья в блаженной стране — и радость, и горе делили пополам. Надо мной был только один человек, а подо мной — десятки тысяч. Кто бы тогда в родном уезде на сотню ли[1] окрест осмелился не выказать мне, штабс-офицеру Дуну, уважения?!

— Если вспомнить, что было двадцать лет назад, так и я, Прокуренная Башка, ворочал большими капиталами...

— Раз уж зашел разговор о капиталах, то я, штабс-офицер Дун, тратил столько, что хватило бы открыть курильню самого высшего класса с сотней комнат. Думал ли я, что потом мне не хватит даже на мою страстишку и Шило не отпустит мне двух порций подряд...— Не окончив своей тирады, Дун от волнения закашлялся.

Между тем Прокуренная Башка, прикрыв глаза от удовольствия, целиком отдавался курению. Он «глотал облака и извергал туманы», и это зрелище заставляло Дуна все время смачивать свое алчущее горло чаем.

— Ну, как нынче шли дела у вас, мой Седьмой старший брат, неплохо?! — наконец не выдержал Дун.

— Больше десяти пар почистил сегодня,— самодовольно ответил тот.

— Можно и лишнюю трубочку выкурить, а?!

— Конечно, больше заработаешь— больше и выкуришь, только завтрашние доходы лучше подсчитывать завтра, день на день не приходится! — с этими словами Прокуренная Башка приготовил себе следующую трубку.

Терпение Дун Чжунфу постепенно иссякало. Пошевелив мозгами и желая направить мысли Про-

---

[1] Ли — мера длины, около 0,5 км.

куренной Башки по другому руслу, он решил использовать отвлекающий маневр.

— А знаешь, моя статья о матери, которая сожительствовала с сыновьями, получилась — пальчики оближешь, газеты ее прямо из рук рвут!

— Неужели, когда мать живет с сыновьями, на этом тоже можно заработать?!

— Ну, видишь ли, другие за каждую тысячу иероглифов получают только по семь юаней, а ведь я, Дун Чжунфу,— писатель, человек образованный, каждое движение моей мощной кисти стоит вдвое больше, да еще наличными платят.

— Наверно, много денег огребешь?

— Да, вот завтра во второй половине дня сам директор агентства назначил мне встречу: он мне деньги, я ему рукопись; самое малое — пять «бумаг».

— Хорошо же вам, писателям, живется!— вздохнул Прокуренная Башка.

— Завтра я, ваш младший брат, угощаю, прошу моего Седьмого старшего брата отведать несколько трубочек первоклассной «облачной земли»!..

Прокуренная Башка даже осклабился от удовольствия. Теперь, уже уверенный в успехе, Дун Джунфу тотчас направил свое судно по ветру:

— ...А уж нынче вечером пусть мой Седьмой старший брат позволит мне одной порцией удовлетворить свою страстишку. Взаймы, конечно, после сосчитаемся, хе-хе!

И не успел Прокуренная Башка приготовить ответ, как лежавший наготове катышек опиума уже исчез между двух пальцев соседа. Башке это страшно не понравилось, но при мысли о том, что взял его штабс-офицер Дун, такой культурный человек занял у какого-то чистильщика, у него просто язык не повернулся отказать. Тем более взаймы, а завтра даст покурить первосортной «облачной земли»! Ответив

соседу полным согласием, он даже поспешил дать ему огня.

В это мгновение Дун Чжунфу почувствовал себя так, словно вернулись лучшие времена.

— В прошлые годы наша нерушимая дружба с полковником Чэнем вся сводилась к одному иероглифу — «справедливость»,— с подъемом возгласил он.— Мог ли я предполагать, что сегодня и вы, мой Седьмой старший брат, пожелаете выручить человека из беды, прийти ему на помощь в опасности, справедливостью своею сравняетесь с заоблачным Небом! Мне, штабс-офицеру Дуну, довелось заручиться вашей неизменной дружбой — да ведь это счастье, которого хватило бы на три жизни!

Речь Дун Чжунфу, обуреваемого чувством благодарности, лилась не переставая. Он в витиеватых книжных выражениях превозносил до небес дружбу и чувство справедливости Прокуренной Башки, заставляя сердце того колотиться от радости и гордости...

2

К полуночи курильня постепенно утихла, но Дун Чжунфу и Прокуренная Башка все еще блаженствовали, прикрыв глаза. Казавшиеся в тусклом свете фонаря парочкой мертвецов на покрытом дурманящим туманом кладбище, они со своими пепельно-бледными лицами, широко распахнутыми пастями, скрюченные в три погибели, могли бы напугать кого угодно. Шлюха Апэн на дальней лежанке готовила трубку для хозяина, Шила, и глухим, скорбным голосом, полным безысходной тоски, напевала «Плач во время пятой стражи».

— Целый день этот «Плач в пятую стражу»,

шлюха проклятая! — ругнулся, распрямляя затекшую спину, Шило, у которого кончилось всякое терпение, но Апэн продолжала гнусавить свою песенку как ни в чем не бывало.

Отбросив дверную занавеску, в комнату, прихрамывая, вошел карманник Вонючка Дин. В обычное время на пороге курильни он вел себя боязливо и нерешительно, стараясь проскользнуть незамеченным, но сегодня вид у него был заносчивый. В полночь — время третьей стражи — на нем красовались темные очки, наручные часы охватывали запястье, в нагрудном кармашке некогда белой, а теперь грязно-желтой гавайской рубашки торчала авторучка.

— Апэн, а ну-ка несколько порций той самой первоклассной «облачной земли»! — крикнул он на ходу.

— Только за наличные! — бесстрастно откликнулась Апэн.

— Стал бы почтенный клиент требовать первоклассной «облачной земли», если бы у него не было наличных! Чего хочешь: золота, серебра? — все найдем.

Громкий и самоуверенный тон Вонючки Дина заставил Дун Чжунфу катышком соскользнуть с лежанки; окинув Дина оценивающим взглядом с головы до ног, Дун сморщил лицо в приветливой улыбке:

— А, Вонючка Дин! — Впрочем, сообразив, что сегодня, наверное, не следует обращаться к тому столь непочтительно, он тотчас же поправился: — Мой старший брат Дин, наверное, попал прямо в яблочко! Совершенно преобразился человек, хе-хе!

— Вот-вот! Идет — ног под собой не чует, наверное, ухватил-таки! — не замедлил вставить Прокуренная Башка.

— Ухватил или не ухватил почтенный клиент —

тебе-то, задница, какое дело?— зарычал Вонючка Дин и, засучивая рукава, повернулся в их сторону.

Дун Чжунфу поспешил вступиться за Башку:

— Мой Седьмой старший брат ничем вас не обидел. Вы ведь товарищи по трубке и выпивке, друзья в беде — стоит ли моему старшему брату Дину выходить из себя?

Прокуренной Башке оставалось только незаметно выскользнуть за дверь.

В это время послышался окрик Шила:

— Давай сюда, Вонючка Дин!— И тот, ковыляя, направился к лежанке хозяина. Свой испытующий взгляд Шило искоса бросил на него только после долгой затяжки.

— Сегодня работал?

— Вчера вечером...

— Где?

— Перед входом в театр «Дахуа» и в «Универсуме» обчистил двоих.

— Что взял?

Вонючка Дин вынул из кармана цепочку и, протягивая ее Шилу, осведомился:

— Как думает мой Большой старший брат, сколько она должна стоить?

Шило небрежно передал цепочку Апэн:

— Отнеси взвесить и принеси несколько порций опиума.— Вонючка Дин уселся перед его лежанкой.

У таких «удалых молодцов» Шило всегда скупал краденое по сходной цене, не упускал он и случая приторговать контрабандным опиумом. Под рукой у хозяина курильни было несколько работавших на него «братишек»— они защищали карманных воров, если те попадались «на деле». Стоило явиться уголовной полиции, как ее тут же умасливали, поэтому такие, как Вонючка Дин, смотрели на него как на Большого старшего брата.

— Еще есть что-нибудь?— помедлив, снова спросил Шило.

— Есть авторучка и часы, только я сам хотел поносить...

— В заднице будешь носить, дерьмо!

— Ну что вы, так...

— Смотри, если что случится — я и пальцем не пошевельну!

— Хе-хе! Завтра еще что-нибудь принесу моему старшему брату!

— А о чем тебя вчера вечером спрашивали парни из уголовной полиции? Оплошал?

— Чтоб они, сволочи, жрали дерьмо и счастья не знали! Вчера вечером, когда люди бонзы Цина обделали дельце в Дунлине, они гнались за ними по пятам, сколько братьев похватали...

— Их главный сказал, что это ваших рук дело...

— Еще бы! Уж они меня и били, и пинали, а потом сфотографировали и взяли отпечатки пальцев...

— Признался?

— Еще чего! Правда, люди Ацина не захотели за меня вступиться, но ведь мы всегда были заодно, до смерти бы забили — не продал бы!

— Как же ты выпутался?

— Когда люди бонзы Цина были на деле, я как раз перед входом в игорный дом ел похлебку — те засвидетельствовали, вот меня и выпустили.

— Везет тебе, собака.

— Хе-хе...

Со второго этажа, виляя бедрами, спустилась Апэн. Задержавшись у последней ступеньки, она знаками показала Шилу, сколько потянула цепочка, и, подойдя, вручила Вонючке Дину три порции опиума.

— Цепочка стоит пятьдесят юаней,— бесстрастно сообщил Шило.

— Слушай, Большой старший брат! Да ведь в ней же ляна[1] два!— В голосе Дина звучала обида.

— Хоть десять! Не забывай, как она тебе досталась!

— Конечно, конечно, старший брат!

— Может, посчитать и должок за прошлые дни?— вставила Апэн.

— Угу,— выразил согласие Шило.

— Хотелось бы попросить Большого старшего брата ссудить двадцатку, а то завтра мне кое-что понадобится...— вставил Вонючка Дин, но Шило уже всецело был поглощен своей трубкой, «глотая облака и извергая туманы». Только после долгой паузы он опустил мундштук и вытащил из кармана «красненькую» с тигром.

— Довольно пока и десяти, завтра еще погасишь старые долги...— буркнул он.

Так с великим риском добывший золотую цепочку Вонючка Дин получил в обмен на нее три порции опиума и десять юаней наличными, а после учета старых долгов за Большим старшим братом, пожалуй, не будет числиться уже ни гроша... Конечно, Дину было немного обидно, но ведь его «предприятие» капитала не требовало, и к тому же частенько приходилось беспокоить Большого старшего брата просьбами... Оставалось с благодарностью принять эту десятку, повернуться и, притулившись на другой лежанке, начать «глотать облака и извергать туманы»— наслаждаться «облачной землей» высшего сорта, полученной за свой трофей.

При виде нынешнего торжества Вонючки Дина сердцем Дун Чжунфу овладели безумные мечты. Расположившись на соседней лежанке, он стал прикидывать, как бы перехватить у того взаймы

[1] Мера веса, равная 0,4 кг.

порцию или стрельнуть пару монет, чтобы завтра утром его сожительница могла купить овощей.

— Ты, мой старший брат, нынче претерпел незаслуженные обиды?— обратился он к Дину с видом живейшего участия.

— Ерунда! Пострадал от людей!— бесстрастно ответствовал Дин.

— Какой же ты, право, удалец! Если бы в прошлые годы, когда мы с полковником Чэнем сотрясали реки и горы, нам бы помогал такой молодец, как ты, не был бы я сегодня «ссыльным князем на пограничной заставе»...

— К чему опять вспоминать прошлое? Я вот не был в окопах, а ранение получил...

— Нет, все-таки даже здесь, в чужом краю, ты ведешь себя молодцом!

— По мне бы два раза в день хоть гнилой рис — а на остальное плевать!

— Скажи, очень опасное это твое «дело», старший брат Дин?

— Ерунда! Если повезет, можно выкурить пару лишних трубок, а случись осечка — самое большое засадят под замок. За срезанные часы к смертной казни не присудят!

Слегка обалдевший от опиума, Вонючка Дин находился в чрезвычайно приподнятом настроении и с жаром принялся расписывать Дун Чжунфу, как он делал свое «дело» в «Универсуме» и в театре «Дахуа». Иногда понять его было совершенно невозможно, иногда рассказ становился захватывающим, и Дун Чжунфу соответственно выражал свое беспредельное восхищение. Но в тот момент, когда Вонючка Дин достиг в своих разглагольствованиях предела самодовольства, Дун Чжунфу, сохраняя выражение добросовестного слушателя, самым естественным образом завладел трубкой и с важным видом затянул-

ся. От избытка чувств позабывший обо всем на свете, Вонючка Дин, казалось, даже не заметил, что Дун Чжунфу курит его первосортную «облачную землю». Однако почтенный Дун тоже не стал слишком зарываться: он тотчас приготовил для Вонючки Дина другую трубку, чтобы и его великодушный собрат — карманник мог получить удовольствие. Поистине, как говорится, у бедняка гордость не велика: почтенный Дун уже совсем позабыл, что он писатель, «знающий литературу и разбирающийся в церемониях». А Вонючке Дину никто не оказывал никогда такого внимания, и потому он чувствовал себя как на крыльях. Только когда оба они накурились вдоволь и Вонючка Дин пошел обратно к игорному дому съесть чашку сладкой и прозрачной похлебки из лотосовых зерен, почтенный Дун, ступая нетвердо, но с большим достоинством, отправился восвояси.

3

Однажды вечером в полутемную курильню снова набились ее причудливые завсегдатаи: Прокуренная Башка, Вонючка Дин, Дун Чжунфу... Самая задняя, более или менее приличная, лежанка по заведенному правилу оставалась в распоряжении хозяина курильни Шила, который мог принять там гостя. В обычное время завсегдатаи болтали и смеялись в полное свое удовольствие, но сегодня стояла мертвая тишина; струйки сизого дыма, превращаясь в дурманящее тоскливое облако, скрывали лицо завсегдатаев — и все потому, что шеф-повар из богатого ресторана по прозвищу Свиная Башка сцепился с Шилом.

Обычно, когда Свиная Башка удостаивал своим посещением курильню, он платил наличными и толь-

ко изредка курил в кредит; если же случалось ему быть в стесненных обстоятельствах, то не проходило и двух дней, как он в погашение долга притаскивал курицу или свиные потроха; его вполне можно было считать исправным клиентом. Нынче он оказался не при деньгах и был вполне уверен, что Шило отпустит ему в долг несколько порций; мог ли он подумать, что тот вдруг упрется, требуя наличные, да еще объявит, что каждая порция дорожает на шестьдесят процентов!

В свое оправдание Шило сказал о том, что несколько дней тому назад в Паханге была конфискована партия «товара», известия приходят неутешительные, подвоз опиума сократился и потому, мол, цену необходимо повысить. Но Свиной Башке не цена была важна — его поразило, что Шило поступает не по-дружески: невзирая на его доброе имя, отказывается выручить его в трудную минуту. Обругав Шило, он вышел в крайнем раздражении, а все завсегдатаи при этом ощутили нечто вроде тоски лисы по съеденному зайцу... Внезапное повышение цен неизбежно увеличивало их расходы, а невозможность взять в кредит сулила поистине жалкое будущее. Особенно это касалось «штабс-офицера Дуна», сердцем которого завладела жгучая тревога. Такому, как он, коромысло с грузом было не по плечу, руками работать он не мог, до чистки обуви не снизошел бы; он не обладал и особыми талантами Вонючки Дина, делавшего свое «дело» без всякого капитала — посредством ловкости рук и зоркого глаза. Невозможность подзанять била по Дуну больше всех, поэтому ему необходимо было сейчас же, сидя в тишине на лежанке, найти выход. Дун погрузился в молчание. Прокуренной Башке и его собратьям тоже нечего было сказать, в курильне сама собой воцарилась мертвая тишина — даже шлюха Апэн больше

не выводила своим осипшим голосом «Плач во время пятой стражи».

В тот самый момент, когда курильня была погружена в это гробовое молчание, ее порог, откинув дверную занавеску, перешагнул еще один странноватый джентльмен средних лет. Задержавшись у входа, он взглядом коршуна окинул лежанки, вытянутые в одну линию наподобие иероглифа «единица». Одно его появление уже вызвало ощущение тревоги и страха. Прокуренная Башка, Вонючка Дин, Дун Чжунфу — все, как один, не сговариваясь, положили трубки и сползли с лежанок на пол. С бьющимися сердцами, внутренне похолодев, они искоса поглядывали друг на друга, совершенно уверенные, что за этим человеком сейчас ворвется целый отряд агентов полиции, чтобы арестовать завсегдатаев и вообще «замести» всю курильню. К их удивлению, после короткого осмотра человек этот вполне дружелюбно произнес: «Все в порядке!» — и широкими шагами, не спеша, словно генерал на смотру, проследовал мимо вытянувшихся в линию завсегдатаев. Первым спохватился карманник Вонючка Дин:

— Как поживаете, господин У Бяо?

— Господин У Бяо! — самым почтительным образом подхватил Прокуренная Башка.

— О, командир разведотряда! — Таким возгласом выразил на свой лад переполнявшее его сердце почтение Дун Чжунфу.

Лишь теперь до возлежавшего на задней лежанке Шила дошло, что сам У Бяо, ревизор из таможни, оказал ему честь своим посещением.

— Старший брат Бяо, каким ветром вас занесло? — кокетливым тоном произнесла шлюха Апэн, тотчас же встав и уступив ему место.

— Только ради тебя, маленькая фея! — развязно ответил таможенный ревизор, пощупал ей грудь и

под притворное возмущение Апэн опустился на лежанку напротив Шила — при этом напряжение, воцарившееся в курильне, совершенно рассеялось.

Хозяин и таможенник курили и обменивались друг с другом какими-то важными секретами. Абяо держался очень строго, Шило же слушал с полным вниманием, лишь изредка раздавался возглас: «Вот-так влипли!..», или вопрос: «Нет, ты скажи, разве так можно?», или гулкий удар в собственную грудь, сопровождаемый словами: «Тухлым яйцом буду!» Однако после того как Абяо шепнул что-то хозяину на ухо, основные переговоры, похоже, приблизились к заключительному этапу.

— Сумма слишком велика, мне не потянуть! — отрицательно мотал головой Шило.

— Сумма очень мала — люди просто не захотят рисковать своей репутацией! — тут же парировал Абяо.

— Убытки от той партии товара, что мы потеряли в Паханге, очень тяжелы!

— Ну, что ж, бережнее будешь обращаться с новой партией!

— Мне бы только покрыть новой партией товара свои убытки!

— Смотри, мой Большой старший брат: не уйдет мелкая рыбешка, не придет и крупная! — вразумлял Абяо.

— Нет, боюсь, даже расходы не удастся окупить! — упорствовал Шило.

— Времена тяжелые, смотри сам! — В голосе Абяо прозвучала угроза.

— Нельзя ли хоть немного уменьшить сумму?

— Я, У Бяо, договариваюсь по справедливости, друга выручаю, а не торгуюсь с тобой, мой Большой старший брат! — как будто несколько смягчился Абяо.

— Да ведь и я, Шило, не из тех, кто каждую мелочь считает; просто эти дни я в стесненных обстоятельствах — вот и приходится с тобой все обговаривать.

— Всего каких-то несчастных три тысячи, а мне еще придется везде давать на лапу — нет, право, ты не хочешь меня понять!

Шило, не ответив, погрузился в молчание, но тут уже вмешалась Апэн, которая готовила трубку у его ног:

— Сколько стоит — столько и выкладывай, мой Большой старший брат, только бы опять не случилось промашки — чтобы эта партия дошла благополучно.— Она услужливо подала чубук гостю и, стрельнув глазами, докончила:— К тому же наш страший брат У Бяо — свой человек, он сумеет все устроить как надо, чего тебе раньше времени беспокоиться? Сорвется — вот тогда и плачь!

— Пусть бы даже я, инспектор У Бяо, не по справедливости договаривался, но подвести я тебя ни за что не подведу!

— Ладно,— сказал, затянувшись, Шило,— пусть будет по-твоему!

— Завтра вечером жди вестей!

— Смотри: слово — закон!

— А где и когда получать товар?

— Все скажу завтра вечером!

Итак, сделка была благополучно заключена.

Апэн, набивая трубку, довольно замурлыкала песенку: «Прячь зонтик с приходом доброй весны». Когда Абяо выкурил свою трубочку, разговор перешел на новые темы.

— Что слышно новенького последнее время?— первым задал вопрос Шило.

— А, плохие времена...

— Что-нибудь опять надвигается?

— Конечно, сказать трудно, но говорят, что власти приняли решение — искоренить опиекурильни все до единой, а завсегдатаев сослать на гору Цичжаншань...

Слух у Дун Чжунфу был довольно острый.

— Неужто правда?!— невольно вырвалось у него, едва до его ушей долетела эта тревожная новость. Дун, повернувшись, соскочил с лежанки, полный самых дурных предчувствий, приблизился к беседующим, чтобы не пропустить остальное.

— Почему же неправда?— откликнулся Абяо.

— Но ведь должен быть в конце концов выход?— продолжал Шило.

— Говорят, какой-то специальный представитель комиссии Объединенных Наций по борьбе с наркотиками приедет с ревизией, на этот раз ничего не скроешь!

— Объединенная нация — это какая же нация?— Апэн никак не могла сообразить.

— Да уж не английская!— Шило тоже не слишком в этом разбирался.

— Объединенная нация — это, наверное, с кем-то объединившаяся нация...— не понял и Дун Чжунфу.

— Объединенные Нации — это ООН. В общем, приезжает эмиссар ООН, и на этот раз придется ему все показать!— решительно подытожил Абяо.

— Что за мир! Толкуют о какой-то демократии, а нельзя даже выкурить трубочку — как будто снова наступили времена тиранов Цзе и Чжоу!— блеснул своей эрудицией рассерженный Дун Чжунфу. Апэн ничего не поняла ни про времена Цзе и Чжоу, ни про демократию, но она прекрасно знала, что больше всего Дун Чжунфу опасался, как бы его не забрали люди английской королевы. Ведь он считал себя литератором и страшно боялся, что «литературе» бу-

дет нанесено оскорбление. Поэтому она с вкрадчивым ехидством спросила:

— Да вы-то что волнуетесь, штабс-офицер Дун? Что бы ни случилось, бесплатные кофейные опивки на горе Цичжаншань всегда найдутся!

— Кофейные опивки — это ерунда, а вот без такой трубочки я подохну!

— А разве плохо бросить все это и начать новую жизнь?— лицемерно спросил Шило.

— Знаете, я, штабс-офицер Дун, давно уже держусь такого взгляда: чины и богатство для меня — летучие облака, но отказать себе в затяжке никогда не смогу!

— Так что же делать?

— В нашу демократическую эпоху у «человека гор» всегда найдется выход.

— Бежать?!— первым спросил Абяо.

— Великий муж никогда не спасается бегством!— ударил себя в грудь Дун.

— Умереть?— ввернула Апэн.

— Что ты, женщина, понимаешь?!

— Оказать сопротивление полиции?— опять задал вопрос Абяо.

— Не нарушай закона, дабы не испытать его на себе!

— Да что же у тебя за хитрый план? Я хочу слышать наконец!— не выдержал достаточно заинтригованный Шило.

Дун Чжунфу сначала промочил себе горло чашечкой заваренного на чайной трухе чая, которая стояла возле, небрежно зажег спичку «Три пятерки», жадно затянулся и лишь после этого самодовольно заявил:

— Мы можем спасти всех курильщиков Сингапура!

— Как спасти?— заволновались все трое.

— Надо обратиться к властям с просьбой, чтобы те разрешили нам курить!

— Что-то больно хитер этот твой план...— засомневался Абяо, ничего не поняв. Апэн прыснула.

— Видите ли, я, штабс-офицер Дун,— бывший военный советник, так что разных задумок у меня немало... Не хотите — нечего и говорить, но если действовать по моей диспозиции, успех я вам гарантирую,— сказав так, Дун Чжунфу вздохнул с притворным безразличием.

— Спасти? А как? Ну-ка объясни!— До Шила начало понемножку доходить, что все это имеет прямое отношение к его торговле.

Дун Чжунфу сначала отхлебнул чаю и лишь тогда произнес с нарочитой таинственностью:

— Я тут рассчитал все до тонкостей, как в шахматах, до десятого хода. Вот только... только...— Он запнулся и никак не мог выговорить.

— Скорее же, не дразни нас!— заволновался Абяо.

— ...только я сейчас немного не в себе, так и тянет к трубке, позвольте мне сначала покурить!

— Ах ты, дерьмо!..— выругалась Апэн.

— Если предложишь дело, обещаю подарить тебе три порции «облачной земли» самого высшего сорта!— посулил Шило.

— Старший брат, позвольте мне сначала хоть несколько раз затянуться!

— И не мечтай!

— Ну, прошу вас!

— Не давай! Тухлое яйцо он будет, если не расскажет!

— Ну ладно, пусть тебя эта трубочка раззадорит!— С этими словами Абяо уступил место Дун Чжунфу, который походил на голодную душу, жаждавшую жертвоприношения. Но лишь только

он вытянул единым духом всю предложенную ему порцию, как настроение его переменилось и он начал:

— Сейчас во всех державах Поднебесной запрещено курить опиум, а уж особенно строго с этим у нас. Раз нарушил — сажают, второй раз нарушил — расстреливают безо всяких разговоров...

— Да это мы все знаем!

— Но ведь здесь столько толкуют о демократии, что власти должны рассмотреть разумные доводы...

— А какие у тебя разумные доводы?

— Да будет вам известно, что все страдающие пагубным пристрастием к опиуму приобрели его в результате болезни. Во всем мире опиум признан прекрасным средством, лучше всего исцеляющим болезни сердца, но, когда его долго употребляют, появляется вредная привычка. Если его сразу запретить, не только ничего не выйдет, но наверняка старая болезнь опять вернется, а это для больных смерти подобно. Поэтому следует обратиться к властям с просьбой войти в положение страдальцев и сделать для них исключение.

— Довод неплохой. А дальше?

Дун Чжунфу опустил веки, подумал минуту и снова продолжал как по-писаному:

— Кроме того, люди, утруждающие свой дух и мысль, без курева лишаются вдохновения; люди, утруждающие свое тело, без курева лишаются сил — вред для общества прямо-таки неизмеримый.

— А ты, штабс-офицер Дун, что утруждаешь? — язвительно ввернула Апэн, ей очень нравилось его злить.

— Я, штабс-офицер Дун, утруждаю свой дух, а труженики духа...— Он только собрался было развить знаменитое высказывание философа Мэнцзы,

как неожиданно шлюха без всякой помощи сама нашла ответ:

— По-моему, ты, штабс-капитан Дун, больше всего утруждаешь свой язык — целыми днями только и знаешь, что гадаешь людям да пишешь предсказания!

— Я, штабс-офицер Дун, пишу и языком, и руками, всю душу выкладываю, стараясь найти веские доводы, утруждаю и дух, и руки, и сердце, и язык, а мне даже докурить не дают!— возмутился Дун Чжунфу.— Одним словом, пусть даже от опиума сто несчастий, но есть польза — для больных; поэтому жестокие законы не должны безжалостно карать безвинных курильщиков...— подвел он итог.

— А вдруг начальство тебя не послушает?— вмешался Шило.

— До чего же ты простодушен, мой Большой старший брат! Мы же делаем упреждающий удар! Сейчас вот только поползли слухи, что хотят всех замести,— а мы уже первыми выступили в поход. Подадим петиции, будем ходить в разные там Торговые палаты, магистраты, к партийным боссам и важным чиновникам — а еще лучше на аудиенцию к самой королевской чете! Даже если рыжеволосые не согласятся, все равно они не посмеют нас просто так зацапать — ведь мы выражаем волю народа!

— Ловко ты все придумал!— Шило даже осклабился от удовольствия.

— Над петицией, конечно, надо будет потрудиться тебе, почтенный старший брат!— подхватил Абяо.

— Конечно, конечно...

— Берись-ка ты сразу за кисть!— Шилу уже не терпелось.

— Да вот я нынче к ночи только закончил срочную работу в стиле параллельной прозы — под стать

и самому великому Сыма Сянжу с его «Укором охотнику», но только....

— Не волнуйся, штабс-офицер Дун, сейчас дам тебе утолить твою страстишку!— Шило прекрасно понимал, что означает это постоянное «но только».

— В таком случае твой младший брат не пожалеет сил для служения родине, выполнит свой долг до конца!

— А кого пошлем делегатами?— задал новый вопрос Абяо.

— Действительно, кто из нас может пойти делегатом? Все мы в полиции на учете!— Этого Дун Чжунфу как-то не предусмотрел.— Конечно же, вы, наш Большой старший брат!— выпалил он.

— Я?!

— Угу.

— Да ты что, дохлятина, смеешься надо мной?!

Уже накурившиеся сверх меры Вонючка Дин и Прокуренная Башка молча прислушивались к этому спору из своего угла. И тут в мозгу Дун Чжунфу блеснула идея.

— Чтоб я подох! Нет, правда, чтоб я подох!— воскликнул он, стукнув себя по лбу.— Здесь же в нашей компании столько талантов, к чему еще утруждать нашего Большого старшего брата! Это на меня, штабс-офицера Дуна, просто какое-то помрачение нашло. Взгляните на Вонючку Дина и Прокуренную Башку — ну чем они не делегаты?!

— Люди они надежные, преданные, а в дела не посвящены... Что ж, оба годятся!— с величественным видом, словно он древний министр Гуань Чжун, который рекомендует государю Си Пэна, утвердил инспектор кандидатуру Вонючки Дина и его товарища.

Вонючка Дин был совершенно потрясен оказанным ему доверием. Прокуренная Башка, правда, не-

сколько опасался, что его отправят на гору Цичжаншань, но после того, как Дун Чжунфу подробно растолковал ему обязанности делегата и самоуверенно вызвался опубликовать во всех газетах интервью, подняв шум в защиту «наших китайских эмигрантов», а Шило обещал возместить ему убытки за пятьдесят пар непочищенной обуви, Прокуренная Башка ответил полным согласием. Однако же он попросил также Шило всегда и во всем его защищать, попрежнему ссужать опиум в долг и не торопить с оплатой. После этого все сразу повеселели и отправились выполнять приказы своего Большого старшего брата Шила: Дун Чжунфу — на ночь глядя составлять проект петиции, а Вонючка Дин — подбивать своих «братишек» пройтись по курильным и собрать подписи завсегдатаев. Грандиозная акция курильщиков опиума того и гляди должна была развернуться во всю ширь.

4

Всего за какой-нибудь день весть о том, что курильщики опиума начинают грандиозную петиционную кампанию, уже распространилась по всем притонам. Судили и рядили по-всякому. Одни считали, что, поскольку курение опиума — дело противозаконное, ничего хорошего такой большой шум не сулит, другие же полагали, что поскольку без курева обойтись все равно никак невозможно, так уж лучше рискнуть и сразиться с «королевским домом», чем скрываться ото всех, как крысам в сточной канаве. Тем более — кто знает? — может быть, как в годы японской оккупации города, отменят запрет и станут выдавать опиум по карточкам; так разве не стоит потрудиться, чтобы одним разом обеспечить себя на всю жизнь? Кое-кто, вспоминая «былые времена»,

добирался в своих рассуждениях до самых устоев государственности: в подтверждение того, что курильщикам надо бороться за свои права, приводили множество случаев, когда запрет на опиум снимали. Пусть даже борьба не принесет славы — лишь бы добиться цели; плевать на любой позор, только бы можно было выкурить трубочку, не дрожа от страха...

Пока среди курильщиков шли эти пересуды, Шило и Дун Чжунфу постепенно сделались объектом самого почтительного поклонения. Шило-то вообще числился у наркоманов самым видным и влиятельным человеком, и, конечно же, против его руководства петиционной кампанией никто не возражал. Относительно же того, кто все-таки такой этот Дун Чжунфу, мнения расходились. Посетители курилен передавали друг другу всякий вздор. Кто-то сравнивал его с великим полководцем древности Чжугэ Ляном; кто-то утверждал, что у себя на родине он был большим человеком, делавшим погоду во всем государстве, а сюда, на юг, бежал под чужим именем; утверждали даже, что это Божественный учитель, преемник даосского святого, Небесного учителя Чжана; когда приблизился предопределенный для курильщиков день освобождения, он специально явился в Силат[1] указать им спасительный путь. От этих россказней слава Дун Чжунфу выросла безмерно и авторитет поднялся на недосягаемую высоту. Он сделался великим человеком, способным повернуть для курильщиков колесо судьбы, человеком, один-единственный благосклонный взгляд которого приносит удачу каждому бедолаге.

Правда, в курильне Шила к нему относились не совсем так. Когда каждый день вместе с человеком

---

[1] Старинное название Сингапура.

«глотаешь облака и извергаешь туманы», то знаешь, чего он стоит,— и здесь завсегдатаи судили о нем более точно. Они ограничивались внимательным наблюдением за дверью: чем раньше появится Дун Чжунфу, тем скорее начнется петиционная кампания, только и всего. Но Вонючка Дин и Прокуренная Башка были преисполнены чрезвычайного энтузиазма и самодовольства — подумать только, вчера вечером они участвовали в решающих событиях и назначены делегатами! С пеной у рта разглагольствовали они о том, как минувшим днем обсуждали великое предприятие, и до небес превозносили проницательность Дун Чжунфу, который предложил их кандидатуры,— вот уж действительно: мудрый глаз всегда отличит героя. Они просили почтенных господ всецело положиться на их представительство.

— Одним словом, делаем вывод: нынче, в век демократии, королевская семья не имеет никакого права пренебречь нашей петицией!— провозглашали Вонючка Дин и Прокуренная Башка, понабравшись у Дун Чжунфу витиеватых выражений. Однако приходилось ждать прихода самого Дун Чжунфу: пока было совершенно неясно, что именно следует предпринять и когда.

Время сочилось минута за минутой, с самых сумерек курильщики не спускали глаз с двери, но и после десяти часов Дун Чжунфу все еще не удостоил их своим милостивым посещением. Больше всего это волновало Вонючку Дина и Прокуренную Башку — пусть неофициально, но ведь их же назначили делегатами!

Только в полночь Дун Чжунфу, чуть не наступая на пятки Шилу, торжественно вступил под своды курильни. И в то время, как Шило прямиком проследовал к себе наверх, Дун Чжунфу, встреченный почтительными и заискивающими приветствиями при-

сутствующих, опустился на избранную им лежанку. Прокуренная Башка и все прочие, жаждущие послушать новости, оставив трубки, обступили его плотным кольцом.

В это мгновение к Дун Чжунфу вновь вернулось то незабываемое ощущение прошлых лет, когда он вместе с полковником Чэнем сотрясал Поднебесную. «Все великие дела Поднебесной должны решаться у моей лежанки!» — слышалось ему. Он снова ощущал себя чрезвычайно важной персоной, выше которой — лишь один человек, а ниже — десятки тысяч. Старший брат Шило сравнялся в его глазах с полковником Чэнем прошлых лет, и отныне все должны будут действовать согласно выработанной им, Дуном, диспозиции. Он строго и значительно обвел взглядом окружающих и с сознанием важности дела произнес:

— Все идет по моему плану: мы только что со Старшим братом Шилом пригласили несколько нужных людей пообедать с нами и обсудить дела.

— А когда же нужно будет действовать нам, делегатам?— спросил, сгорая от нетерпения, Прокуренная Башка.

— В ближайшие два-три дня,— кашлянув, ответил Дун Чжунфу и с нескрываемым раздражением крикнул: — Апэн, чаю сюда!

Поскольку Апэн наверху обслуживала Шило, чай поспешил подать Вонючка Дин, тут же почтительно ввернувший:

— А что, прошение штабс-офицера Дуна уже готово?

— Что значит «прошение»! Это называется петицией или же «Желтой книгой»,— едва взглянув на него, наставительно произнес Дун.

— Желтой книгой?— удивился бестолковый Вонючка Дин.

— Вот именно! У нас, китайцев, желтая кожа,

поэтому наши петиции называются «Желтыми книгами», а у рыжеволосых — кожа белая, поэтому-то их дела излагают в...

— Белых книгах!— подхватила с последней ступеньки язва Апэн, спустившаяся сверху.— Какой же вы сегодня важный, штабс-офицер Дун!

Дун Чжунфу и впрямь важничал в этот день чрезвычайно. Он распахнул сундук своего красноречия, и оно, словно река Хуанхэ, прорвавшая все плотины, не знало удержу. Сколько было разговоров о том, как искусно и цветисто в стиле параллельной прозы составил он свою «Желтую книгу», где каждая строчка была достойна восхищения — поистине, казалось, сам великий поэт Сыма Сянжу снова явился в мир! Жаль было, конечно, что такие, как Прокуренная Башка, Вонючка Дин и Апэн, восхищались его выдающимся талантом и переполняющей его эрудицией, ничего в этом не понимая. Но перед кем еще смог бы он так красоваться и пускать пыль в глаза? Ему повезло, что в курильне нашлись такие ценители, иначе бы его исключительным способностям просто негде было бы раскрыться. Мир велик, но лишь один он, Дун Чжунфу, «обладая талантом, не находит себе применения»!

Сверху спустился и возлег на лежанку Шило, уже освежившийся и переодевшийся в белейший короткий халат из ткани крученого шелка; пока притихшая Апэн готовила ему трубку, он смежил веки и, дабы очистить свой дух, предался заветным мечтам. Прошло немало времени, прежде чем он, уже изрядно насладившись куревом, нарушил молчание — Вонючке Дину, Прокуренной Башке и прочим было велено приблизиться и выслушать указания. Вначале его похвалы удостоился Дун Чжунфу, чей план хорош, а петиция составлена искусно; затем он пояснил, что вся эта петиционная кампания

задумана исключительно ради блага господ клиентов. Все хозяева опиекурилен одобряют ее и просят его начинать немедленно. Если потребуется сунуть кому-нибудь в королевских учреждениях, муниципальным советникам или партийным боссам, то сложатся все, но сейчас первый взнос исходит исключительно от него, Шила. С этими словами он вынул из кармана «красненькую» с тигром и, протянув ее Вонючке Дину и Прокуренной Башке, распорядился, чтобы они оба, поскольку они делегаты, тотчас же начали сбор подписей среди клиентов опиекурилен. По его расчетам, за какие-нибудь двое-трое суток под петицией подпишется самое малое триста человек. А если это дело выгорит, он, Шило, сможет открыто заниматься своим промыслом и капиталы хлынут к нему рекой. И как знать — не станет ли тогда Шило через пару лет королем опиума, одним из отцов китайской общины? Это было пределом его мечтаний, и ради этого он не пожалеет сил.

Когда Дун Чжунфу еще раз с самого начала перечитал уже переписанную набело кисточкой петицию, ему показалось, что любой иероглиф в ней — драгоценный перл, а каждая фраза бьет прямо в цель, звучит с необычайной силой и трогает слушателя до слез. Чрезвычайно довольный собой, он вручил Вонючке Дину величайшее творение, истощившее все его силы и достойное кисти лучших мастеров древности. Без конца напоминая, чтобы петицию ни в коем случае не потеряли, чтобы в подписях не было помарок и чтобы неграмотные ставили крест или прикладывали палец, он, позаботившись таким образом обо всем, наконец отпустил их для начала в ближайшие курильни.

Бесценный и неоспоримый вклад Дун Чжунфу в общее дело возвысил его в глазах Шила необыкновенно. Впрочем, сам Дун тоже умел найти к серд-

цу Шила верный путь и, зная натуру своего Старшего брата, похвалялся без всякого стеснения. Теперь Шило смотрел на него другими глазами. В этот вечер хозяин не только пригласил Дуна выкурить несколько трубочек «облачной земли» высшего сорта, широким жестом тому были преподнесены еще и десять долларов — так сказать, «детишкам на конфеты». Впрочем, это только говорилось: на самом деле это был заем Дуну на курево на два-три дня и деньги все равно должны были вернуться в карман Шила.

Что же до этой гордячки, шлюхи Апэн, то, конечно, и она не была уже к нему так холодна, как прежде. Однако, за исключением трубочки, предупредительно поданной во время его бесед с Шилом, других особых знаков внимания к нему она не выказывала.

В тот вечер он толковал с Шилом, пока не явился таможенный ревизор Абяо, и только тогда, попрощавшись с обоими, он ленивой походкой направился прочь от курильни к игорному дому, чтобы попытать там ночного счастья.

Дорогой он думал о том, что этот день можно считать самым великим и счастливым днем с тех пор, как он «стал скитальцем в чужих краях»: ведь мало того, что он вместе со Старшим братом пил в лучшем ресторане коньяк «Три звездочки», ел ласточкины гнезда, плавники акулы и пробовал хороший чай,— у него есть еще красненькая купюра «с тигром» и он вкусил все счастье человеческой жизни.

Но наибольшее удовлетворение он испытывал, вспоминая, что составил эту петицию курильщиков, «подобной которой не сыщется ни в прошлом, ни в будущем». Он шел, не чувствуя под собой ног от восторга; казалось, все в этом мире отныне принадлежит ему!

5

Кто бы мог предположить, что за одну какую-то ночь все решительно переменится!

На следующий день Вонючка Дин, имея при себе наиважнейший документ, должен был отправиться в курильни Малого склона[1], чтобы начать там сбор подписей. Верно говорят: «горбатого могила исправит». Всю дорогу он только и высматривал, где бы попутно обтяпать свое дельце. Наконец в битком набитом автобусе восемнадцатого маршрута он обнаружил несколько достойных объектов для своего искусства. Самым подходящим ему показался некий чрезвычайно близорукий господин средних лет в очках, который сидел и сосредоточенно листал вечернюю газету. В карманчике его гавайской рубашки торчала авторучка, на которую и нацелился Вонючка Дин. Прежде всего он оглядел пассажиров, чтобы убедиться, нет ли среди них сыщиков или полисменов, и работать спокойно. Однако опыт подсказывал ему, что делать дело в автобусе рискованнее всего: стоит лишь допустить оплошность — и уже не улизнешь. Подумав, он отказался от мысли действовать немедля и решил ждать благоприятной возможности. Когда, не доезжая «Нового мира», господин средних лет стал проталкиваться к выходу, Дин последовал за ним и в сутолоке, когда входящие и выходящие теснили один другого, неуловимым молниеносным движением «принял» ручку из кармана господина средних лет. Мог ли он предположить, что не успеет еще засунуть ручку в свой карман, как входящий в автобус сыщик-тамил, поймав его с поличным, защелкнет на нем наручники и препроводит в участок?!

[1] Район Сингапура, расположенный к северу от реки Сингапур-ривер.

В полицейском участке, после обыска и допроса, Вонючка Дин из ничем не примечательного карманного воришки неожиданно вырос до размеров крупного преступника, подозреваемого в совершении сразу нескольких преступлений. Во-первых, вместе с двумя его прошлыми судимостями сразу всплыли авторучка и часы, которыми он на днях поживился у входа в «Универсум» и у театра «Дахуа». Потерпевшие жаловались, что их ограбили, а поскольку свидетельские показания и вещественные доказательства сходились, на него сразу пало подозрение в совершении грабежей. Во-вторых, обнаруженный при нем экземпляр петиции курильщиков опиума встревожил «рыжеволосых» не на шутку. Полицейские власти отнюдь не усмотрели в петиции обычных действий наркоманов, направленных всего лишь на то, чтобы курить опиум открыто, а, воспользовавшись уликой, связали это дело с беспрестанно возникавшими процессами о контрабанде наркотиков. Ну, а Вонючка Дин, который больше всего боялся, чтобы его не закатали в тюрьму за кражу цепочки и чтобы не втянуть в это дело Старшего брата Шило, думал лишь, как бы отпереться от этой золотой цепи весом в два ляна, проданной им Старшему брату. А петиция курильщиков? Что ж, он уже кое-чего поднабрался у Дун Чжунфу и был твердо уверен, что дело их действительно правое и благородное. Раз уж он делегат, то должен держаться молодцом, постоять за себя. О том, как Старший брат Шило и прочие готовили петицию, он рассказал все начистоту. Речь его лилась без умолку, даже про таможенного ревизора Абяо и прочее Дин выболтал все без утайки, совершенно не подозревая, что наводит полицию еще на одно дело...

В тот же вечер по всему острову начались облавы. Многочисленные отряды полиции посещали куриль-

ни одну за другой и по списку забирали всех завсегдатаев. Стоило лишь полицейским заявиться в курильню Шила, как Прокуренная Башка и его сотоварищи со страху наложили полные штаны; покорно склонив головы, они позволили себя арестовать — но не таков был Дун Чжунфу. Сохраняя абсолютное спокойствие, он приблизился к сыщику-китайцу и задал ему вопрос:

— Позвольте узнать, по какому все-таки делу вы, господа, сюда явились?

— Ловим опиумного главаря!

Какая-то мысль мелькнула в мозгу Дун Чжунфу.

— Курение опиума поистине заслуживает смерти, да-да!— внезапно приняв вид благородный и достойный, тотчас вежливо откликнулся он.— Но я, ваш младший брат, завернул сюда просто по пути, навестить приятеля. Курить опиум не в моих привычках. Хе-хе, позвольте мне идти, начальник!

— Говоришь, зашел в курильню навестить приятеля?— не очень-то поверил ему сыщик-китаец.

— Покарай меня небо и разрази земля, если я вас обманываю!— решился Дун Чжунфу на страшную клятву.— Для вашего младшего брата всю жизнь не было ничего отвратительнее этого опиума!

— К кому ты пришел?

— К господину Шило.

— А он?

— Мне сказали, что еще после обеда он уехал в Синьшань по делам и до сих пор не вернулся!

Стоило лишь этим словам вырваться из уст Дун Чжунфу, как стоявшая у входа на лестницу и равнодушно наблюдавшая за происходившим шлюха Апэн вздрогнула и метнула в него злой взгляд.

— С кем Шило уехал в Синьшань?— задал новый вопрос сыщик.

— Это, это... вашему младшему брату не известно.

— Почему же это тебе не известно?— холодно поинтересовался сыщик.— А ну, отвечай, живо!— С этими словами он приставил к груди Дуна револьвер.

Дун понял, что дело идет о жизни и смерти и теперь уже не до шуток: он был так напуган, что ответ, помимо его воли, сам слетел с задрожавших губ:

— Мне сказали, что, наверное, он ушел вместе с таможенным ревизором Абяо!

Сыщик доложил об этом рыжеволосому начальнику — они о чем-то зашептались. Тут же один из полицейских, получив какой-то приказ, покинул курильню: для Шила и его сообщников дело принимало дурной оборот. Шлюха Апэн. знавшая, что люди Шила принимают в Синьшани партию контрабандного товара, скрежеща зубами, с ненавистью смотрела на Дун Чжунфу, но уже ничем не могла им помочь.

— Твое имя?— снова обернувшись к Дуну, приступил к допросу сыщик-китаец.

— Фамилия вашего младшего брата... Кун!

— Кун?!

— Да, да, как у Конфуция! Проживаю в Малакке. Недавно я по торговым делам приехал в Сингапур и решил уже заодно немножно посидеть со своими земляком, Шилом. Мог ли я подумать...

Мог ли подумать Дун Чжунфу, старавшийся лживыми речами напустить как можно больше тумана, что шлюха Апэн, которой невтерпеж станет смотреть на его подлое виляние, вдруг выпалит:

— Да полно прикидываться-то, штабс-офицер Дун! Ведь за курение опиума голову с плеч не снимают!

— Штабс-офицер Дун?

Сыщик-китаец уже знал по показаниям Вонючки Дина, что проект петиции курильщиков составлял какой-то «писатель» Дун, но и не предполагал, что это тот самый!

— Он самый и есть знаменитый «советник» Дун Чжунфу из нашей курильни!— выкладывала все как есть потаскуха Апэн, в гневе не обращавшая внимания на грозные предупреждающие гримасы Дуна.— Всякие там петиции курильщиков — это его чертовы выдумки!

— Ваш младший брат только выполнял поручение, старался для других!— через некоторое время наконец нашелся Дун.— Неужели составлять для людей петиции — преступление?!

— Преступление или нет — разберемся в участке!— отвечал сыщик-китаец, приступая к нему с наручниками. Физиономия у Дун Чжунфу вытянулась.

— Прошу вас, почтенный Старший брат, проявите сострадание, обойдемся без этих капканов!— попробовал было канючить Дун, чувствуя, что для литератора это будет величайшим позором.

— Не положено.

— Ваш младший брат — литератор, приобщившийся к благоуханию книг. Если он и допустил ошибку, прошу вас, отнеситесь к нему милосердно!

Однако наручники на него все-таки надели, сколько он ни ныл. Наполненная дурманящим дымом курильня являла в этот миг печальное зрелище. Арестованные завсегдатаи покидали ее молчаливой вереницей, не проронив ни слова, и лишь потаскуха Апэн, видавшая всякие виды, которую забрали вместе со всеми, обругала его напоследок «паршивым интеллигентом»— откуда она только этому научилась?

* * *

Пока что эти люди — отбросы большого города — оттеснены на окраины, однако не исчезли до конца. И поскольку мы — просвещенное общество демократических свобод, подонки все еще пользуются снисхождением!

Ман Юань

У Седьмого моста

1

День этот прошел необыкновенно бурно, особенно в поселке, прилепившемся у подножия горы: он содрогался от боя кожаных барабанов, который несся к самому небу; казалось, это вопит какой-то несчастный, который чудом спасся от неминуемой гибели и сейчас умоляет вернуться свою уже отлетевшую было душу...

Большие праздники и прежде не обходились без флагов и фонарей, без поздравлений, без праздничных хлопот, но при этом сердца людей оставались такими же вялыми и поникшими, как и флаги, висевшие перед воротами их домов.

Ныне же сердца их распахнулись для веселья и бурной радости.

Еще за неделю на площади позади почты было установлено несколько шатров из парусины, административные здания подкрашены и побелены, на пересечении главных улиц одна за другой, точно дворцы из сказок, взметнулись ввысь пышные декоративные арки — весь поселок с нетерпением ждал праздника. И казалось, не раздайся этот всесокрушающий грохот барабанов, люди сами стали бы колотить в них.

Состязания по игре на барабанах начались за два дня до торжества: барабанщики из окрестных кампонгов старались изо всех сил, палочки с огромными, свитыми из резиновых полос набалдашниками

непрерывно взлетали и опускались, подчиняясь велению рук, а пот, лившийся изо всех пор, как из решета, струился по масляно-черным спинам и лицам. Уставал один барабанщик, как его тотчас сменял другой, и гром стоял с утра до вечера и с вечера до утра, знаменуя собой наступление долгожданного праздника.

Двое суток поселок жил наполненный громоподобным боем, а когда выдавалась минута отдыха, люди мгновенно ощущали непривычную тишину, кровь в жилах закипала и мчалась с бешеной быстротой; они встревоженно озирались, закрывали глаза, погрузившись в раздумье, а потом чуть насмешливо улыбались...

И так под оглушающий аккомпанемент барабанов день этот наступил.

Рано утром, еще до рассвета, Жу Сян накинул выцветший стеганый халат и вышел за ворота. По земле стлался густой белесый туман, далекие горы, дома и деревья на улице то выступали из белой дымки, то опять исчезали, а с крыши и карниза одна за другой скатывались прозрачные, блестящие капли. Жу Сян стоял, подняв голову, и смотрел на висевшие у ворот яркие разноцветные полосы гофрированной бумаги и красочные фонарики — он сам их развешивал вчера вечером,— на которых, словно в оболочке из белого стекла, все отчетливее проступали аккуратно выведенные, изысканные по стилю парные надписи[1].

Раскинувшаяся против дома Жу Сяна базарная площадь, которая тоже к этому дню принарядилась и приукрасилась, походила, окутанная туманом, на сказочный хрустальный дворец.

[1] Строки стихов или изречения, обычно выражающие добрые пожелания, с одинаковым числом иероглифов в каждой строке.

Было безветренно, но морозно.

Жу Сян прошелся по торговому ряду, поплотнее запахнул на груди старый халат, вдохнул полной грудью и почувствовал, как по телу разливается приятное тепло.

Приближался рассвет, и бой барабанов становился все громче. В другое время такой шум наверняка разбудил бы спавших безмятежным сном жителей, которые уж конечно решили бы, что это снова высаживаются японцы. Но сегодня этот шум рождал светлые надежды.

Именно об этом и думал сейчас Жу Сян, идя по площади. Может быть, мечтал он, этот барабанный бой унесет с собой навсегда тяжелые, горькие дни.

В торговом ряду, словно в зеркале, отражалась жизнь этого маленького поселка: когда людям жилось легко, он бурлил. Когда тяжко — впадал в уныние, замирал.

Жу Сян хорошо помнил, как лет десять назад цены на каучук поднимались как на дрожжах и от зари до зари в базарном ряду не смолкал шум, а по вечерам загорались газовые фонари и шла бойкая торговля малайскими пирожными и печеньем. В ту пору в глухом, безлюдном месте, у подножия горы, и появился новый поселок: деревянные дома с черепичными крышами выстроились огромным квадратом, посреди квадрата — базарная площадь, огороженная шестью столбами. Жители назвали поселок Новым городом, Старый же город с его низенькими лачугами, которые ветшали и разрушались, покинутые хозяевами, приходил в запустение.

Тогда-то и сам Жу Сян, полный надежд, перебрался из Старого города в Новый с таким чувством, словно сбросил латаную-перелатаную одежду. Поселок в ту пору походил на яркий, заботливо выращенный цветник, и мелочная лавка Жу Сяна каждый

месяц отряжала в кампонги по нескольку повозок с товарами... Но дни те промелькнули — и нет их, базарная площадь год от года чахла: лишь изредка остановятся возле лавки посудачить два-три малайца в коротких саронгах[1], да пройдет по улице одинокий прохожий; Жу Сян то и дело садился у прилавка и тяжко вздыхал.

Сразу за его лавкой шли крытые ряды, которые, образуя круг, огибали всю площадь. По рядам с воем гулял ветер, а хозяева лавок при встрече грустно улыбались и, будто сговорившись, качали головами.

— Ох-хо-хо... Продавцов больше, чем покупателей!

...Торговцы вразнос совсем исчезли; на лотках, сдвинутых в один ряд, лежали, коротая в тоске свои дни, те, у кого не было ни дел, ни занятий. Поселок словно вымер, лишь на два-три дня в неделю, когда бывал базар, он оживал, а потом снова впадал в уныние.

Жу Сян смотрит невидящим взглядом на окутанную туманом площадь и с горечью вспоминает тяжелые времена. Будущее, увы, скрыто от него непроницаемой мглой. Жу Сян стискивает зубы: ради семьи, ради детей он должен жить, должен бороться, день за днем, день за днем...

Вдруг взгляд его упал на яркие листы бумаги и разноцветные фонарики, и в душе вспыхнула надежда — словно кто-то бросил ему на дно пропасти спасительную веревку. От горьких воспоминаний и мрачных видений Жу Сян возвратился к действительности — бой барабанов развеял все его грустные мысли. Он часто-часто заморгал глазами с морщинистыми веками, землистые губы его слегка дрог-

---

[1] Малайская национальная одежда.

нули и растянулись в улыбке, обнажив два ряда желто-коричневых зубов.

Туман мало-помалу рассеивался, и вместе с ним уходили уныние и обреченность.

Жу Сян сбросил халат, несколько раз глубоко вздохнул, кряхтя, снова надел халат, несколько раз потянулся и стал не спеша пересекать площадь.

Вдали, будто тень на экране, замаячил чей-то силуэт.

На перекрестке дорог показался Чэнь Чунь. Он шел, опустив голову, и не поднял ее, даже когда проходил через высокую, чуть ли не до самого неба арку с начертанными на ней по обеим сторонам красными иероглифами. Никаких чувств эти иероглифы в нем не вызвали, кроме чувства собственного ничтожества,— шутка ли? Каждый иероглиф больше его головы — и Чэнь Чунь, входя в Новый город, невольно втянул голову в плечи.

На его загоревшем до черноты бесстрастном лице с бесчисленными морщинками в уголках губ лежала печать невзгод и душевных мук. Он был еще не стар, но ниспадавшие на лоб волосы уже посеребрила седина; шорты и тонкая шерстяная рубашка прикрывали худое тело, на ногах, как обычно, деревянные сандалии.

Сегодня их скрип показался Жу Сяну особенно жалобным. Тридцать лет эти люди знали друг друга. В Старом городе Чэнь Чунь жил в достатке, переехав же в Новый — разорился. Он держал мануфактурную лавку, но, когда людям есть нечего, им не до мануфактуры. Все, что он с таким трудом накопил, растащили кредиторы. И теперь Чэнь Чунь был зол на весь свет.

Разорившись, он занялся мелочной торговлей и превратился из весельчака в хмурого, брюзгливого нелюдима. Весь день он, мрачный, бродил по посел-

ку,а когда становилось невмоготу, заходил в кафе выпить пива. Потом, весь красный, выходил шатаясь на улицу, забредал в первую попавшуюся лавку, валился на стул и, тараща глаза, бормотал:

— Скажите, ну скажите же, уважаемые, есть у неба глаза или нет?

— Ох, да что там говорить, все сейчас так живут: прошел день, и ладно. Сам посмотри,— пытался утешить его хозяин.

— Ха-ха-ха!.. Нет, нет глаз у неба!

Посидев немного, Чэнь Чунь поднимался и, бормоча что-то и пошатываясь, уходил.

Говорили, будто он тронулся умом и теперь каждое утро ходит в Старый город, где ему так счастливо жилось...

Чэнь Чунь шел, вперив взгляд в землю, отрешенный, ничего не видя вокруг себя. Он даже не заметил приближавшегося к нему Жу Сяна.

— Эй, старина,— тихонько окликнул его Жу Сян. Чэнь Чунь остановился, медленно поднял голову.— Что-то ты рано сегодня, на праздник посмотреть хочешь?

— А-а, какой там праздник!.. Смолкнут барабаны — и все кончится.

— Не скажи,— возразил Жу Сян.— Раньше мы были кули, а сейчас хозяева. Времена меняются.— Жу Сян горячо верил в новое государство и лишь об одном мечтал: чтобы жизнь стала лучше.

— Нет, все кончено,— произнес Чэнь Чунь,— неужто ты еще на что-то надеешься? Так уж, видно, нам на роду писано, счастья не видать... Сам посуди!.. Ха-ха-ха! Захотел дурак счастья!..

— Не дело ты говоришь,— продолжал Жу Сян.— Грех жаловаться. Ведь мы теперь сами хозяева!

Чэнь Чунь опустил голову и двинулся дальше,

считая, что ему просто не подобает вести разговоры с теми, кто не потерял веру в жизнь.

Небо на востоке посветлело, огненно-красное солнце под грохот барабанов вскарабкалось на верхушки деревьев и с доброй улыбкой глянуло на новорожденного.

Шум в торговом ряду все усиливался. По улице бегали стайками дети. Все было им интересно. Они радовались возможности повеселиться, а по какому поводу — все равно.

Вдруг барабаны умолкли, и в наступившей тишине слышны были лишь их замирающие звуки. И тут же поселок вновь огласился довольным детским смехом, и из репродукторов, установленных позади почты, полилась музыка.

До начала торжественной церемонии оставались считанные минуты. Жу Сян вывел все свое семейство от мала до велика на площадь; никогда еще, даже под Новый год, не испытывал он такого подъема, радость его была такой же искренней и бурной, как у игрока, который на последней ставке сорвал главный куш.

На площади уже собралась огромная толпа. Поджав под себя ноги, люди сидели на мокрой от утренней росы траве.

На воздвигнутой неподалеку трибуне торжественно восседали представители местной знати, духовенства и государственные служащие, облаченные в новенькие, с иголочки, малайские национальные одежды или европейские костюмы. По обеим сторонам стоял почетный караул, а оркестранты, с ног до головы в белом, расположились перед микрофоном.

И вот праздничная церемония началась; трава под горячими лучами солнца высохла; люди пришли в движение, по спинам заструился пот, но, несмотря

на жару, все внимательно слушали длинные речи, произносившиеся с трибуны под полотняным навесом, и хотя мало что понимали, но благодаря бодрости и решимости ораторов все больше проникались верой в будущее.

С трибуны то и дело взмывали ввысь связки разноцветных воздушных шаров; на фоне голубого неба они казались мазками краски на холсте и привлекали к себе всеобщее внимание. Подняв головы, люди следили за тем, как шары исчезают в облаках...

После церемонии Жу Сян возвратился к себе в лавку, там его дожидался Чэнь Чунь. Он сидел за прилавком и очищал арахис.

— Ты, я вижу, решил, что богатство на тебя с неба свалится!— мрачно сказал Чэнь Чунь, едва завидев Жу Сяна.— И с чего это ты взял? Не знаю! Ждешь счастливых деньков, в дерьме золото хочешь найти?

— Да ты... ты...— Жу Сян от досады не находил слов, лишь махал руками.— Нельзя терять надежды. Еще раз тебе говорю: времена меняются.

— Каучук совсем упал в цене, какая же надежда?! Нет, в этом мире, у кого есть деньги, у того их еще больше будет, у кого их нет, тому всю жизнь из нужды не вылезти. Подумать только, новой жизни захотелось! Смотри, старую не потеряй!— Чэнь Чунь перешел на крик.

Жу Сян налил себе чаю, отпил глоток, сел и обвел взглядом консервные банки в шкафу. Чэнь Чунь же надел свои сандалии и, не попрощавшись, очень довольный собой вышел и направился в кафе, которое было в этом же доме, за стеной. Жу Сян вышел следом за ним.

— Эй, пить надо меньше, ведь у тебя семья,— пытался усовестить приятеля Жу Сян, заметив, что

тот достал из холодильника бутылку пива и собирается ее откупорить.

— Зря надеешься,— твердил Чэнь Чунь.— Все кончено. Видишь, как я поседел?— Он провел рукой по волосам, лицо его потемнело, глаза налились кровью.— Пей, пока пьется, а то уложат в гроб...

Жу Сян хорошо понимал Чэнь Чуня. Он и сам не раз пытался утопить горе в вине.

Судьба их была похожа на судьбы множества таких же несчастных, оказавшихся на дне жизни. Но Чэнь Чунь вечно жаловался и причитал, каждый день ожидая посланца из подземного царства, и потому не щадил здоровья. Жу Сян же крепко держался за спасительную веревку и не желал думать о том, кто ее бросил ему на дно пропасти. Надежда помогала ему жить...

Вечером, когда на длинных шестах зажглись газовые фонари, на площади собралось много народу. Были здесь и сборщики каучука из кампонгов. Пришли и молодые, и старики — всем хотелось поглядеть на веселье. Жу Сян с детьми тоже прогуливался по площади. Так же, как и детям, ему все было интересно.

Вот театр теней. Жу Сян протиснулся сквозь толпу: оказывается, артисты из Таиланда. Затаив дыхание, дети во все глаза смотрели на фигурки с длинными, кривыми пальцами. Чуть подальше китайские парни танцевали с девушками-малайками... Словом, было здесь на что посмотреть.

Редкие звезды в холодном небе лукаво подмигивали людям и, казалось, завидовали их веселью. Но вот двенадцать ударов гонга возвестили о наступлении полуночи. Людской поток подхватил Жу Сяна и вынес с площади. Когда он свернул в переулок, навстречу ему из темноты вынырнула сгорбленная фигура. Жу Сян посветил фонариком и увидел мрачное,

злое лицо, в нос ему ударил резкий запах пива.

— Дружище, куда так поздно? Еще хочешь выпить?

— Кончено... барабаны умолкли... все... кончено... кончено...

Чэнь Чунь, словно не замечая Жу Сяна, нетвердой походкой прошел мимо.

Жу Сян устал за день и быстро уснул. Во сне он видел, как кружатся в пушистых облаках разноцветные шары...

2

С наступлением декабря на необозримых просторах Южно-Китайского моря приходит конец тишине и покою; стремительные муссоны раскручивают в бурном море гигантские вихри...

Ревут и стонут злобные ветры, разбрасывают, будто солому, рыбацкие лодчонки у берегов, а над маленьким поселком у подножия горы уже затаились, дожидаясь своего часа, непредсказуемые несчастья и беды.

Свирепые ураганы точно сорвались с цепи: одну за другой сметают крестьянские хижины, обламывают цепляющиеся за небо арековые пальмы — и катятся, летят во все стороны кокосы, несутся по ветру пальмовые листья. А люди... люди смотрят на черное небо и сокрушенно вздыхают:

— Пришла пора дождей!

Дождь не прекращается ни на минуту, то льет как из ведра, то моросит, и так с утра до вечера, день за днем.

Однако прохожих на улицах становится все больше: они идут медленно, с зонтами в руках, в деревянных сандалиях; время от времени кто-нибудь вы-

носит на рынок корзины с мохнатыми хунмаоданями[1] и плотными краснобокими гранатами, которые под дождем выглядят еще свежее, еще аппетитнее.

За Старым городом раскинулось бескрайнее рисовое поле: покачиваются под ветром зеленые стебли, точно волны в безбрежном море; крестьяне — кто бродит без дела по улицам, кто идет к мосту ловить рыбу.

Рабочие каучуковых плантаций сидят в своих хижинах, смотрят, как сквозь крышу льется вода, и молят небо ниспослать им хоть один-два ясных денька, чтобы они могли отправиться за каучуковым соком...

Жу Сян сидит у входа в лавку и, лениво помахивая щеткой, отгоняет мух.

Пора дождей — пора его мучений: в лавку редко кто заглянет, и, хочешь не хочешь, приходится торговать в кредит. У крестьян и в обычное время нет постоянных доходов, а уж в пору дождей и подавно: они вынуждены экономить на самом необходимом.

Вся торговля в поселке как бы определяется каучуковой лавкой: в пору дождей там редко взвесят за день пятнадцать-двадцать цзиней[2] каучука. Жу Сян смотрит на эту лавку, не отрывая глаз, но минуты бегут, и надежды его тают.

Уже давным-давно торговля его пришла в упадок: мелкие лавочники теперь не закупают товары крупными партиями, а если что купят, так тоже в кредит, и выплата растягивается на годы. Жу Сян выдвинул ящик денежного сейфа, где лежали не то две, не то три монетки — все, что у него было. Этим с долгами не расплатишься.

---

[1] Тропический фрукт (рамбутан) с ворсистой кожурой и сладкой, ароматной сердцевиной.

[2] Мера веса, около 0,5 кг.

Сколько раз приезжал к нему на машине сборщик налогов и бесцеремонно совал в руку счета. Единственное, что оставалось Жу Сяну,— это снова и снова просить отсрочки. Долг надо погасить во что бы то ни стало, иначе он не сможет закупить товары на будущий год. Ему задолжали лавочники из кампонгов, но с них не соберешь и восьмидесяти процентов. Вообще, надежда одна: на покупателей.

Он должен как-то выкрутиться: где-то занять, что-то продать — возместить хотя бы часть долга. Он ведь старый клиент, ему поверят, и он сможет отдавать долг по частям, как бы то ни было, а уже легче...

У неба, по-видимому, что-то случилось с глазами: дождь льет не переставая, по улицам Старого города несутся потоки мутной воды, заливают шоссе.

Мальчишки радуются, улучив минуту, когда их никто не видит, выскакивают прямо под дождь, плещутся в огромных лужах или ловят на полях кузнечиков и бегут удить рыбу. Весело крича, набирают полные кокосовые фляги пиявок, бросают их коровам на спину и смотрят, как пиявки, разбухая, сосут из ранок кровь...

Одной рукой Жу Сян с легкостью перебрасывает кругляшки на счетах, а другой — листает большую приходно-расходную книгу: прошел год, надо записать непроданный товар. Хотя и так ясно, что убыток велик. Жу Сян морщит лоб, пытаясь найти выход из положения: надо что-то придумать, иначе он не продержится.

В шкафу пусто, товаров почти нет. Семья живет на то, что удается выручить от текущей продажи. Новые товары купить не на что, да если бы и было на что, кому их продать? Пожалуй, надежда все равно что затерявшийся в облаках воздушный шар...

Жу Сян опускается на корточки, достает из-под

прилавка бутылку «Старого грушевого», наливает рюмку и, зажмурившись, залпом выпивает.

Вдруг в лавку влетел через черный ход Чэнь Чунь. Увидел у прилавка Жу Сяна и потащил его в комнату; Жу Сян изумленно смотрел на него.

— Слушай, Сян, дай долларов сорок-пятьдесят. Синь Тай Чжань приехал, требует долг!— Чэнь Чунь выскочил из комнаты и, махнув рукой в сторону базарной площади, где стояла машина, громко крикнул:— Ведь не отстанет, пока свое не получит! Ради всего святого, Сян, выручи меня еще раз!

Чэнь Чунь достал из кармана маленький кошелек и достал золотую цепочку. Жу Сян со вздохом поглядел на нее: сколько раз Чэнь Чунь предлагал эту цепочку в залог, но Жу Сян залога не брал, так давал деньги Чэнь Чуню.

— Сян, придумай что-нибудь! Возьми цепочку... Если он не получит...

Покрасневшими, полными слез глазами Чэнь Чунь словно зачарованный смотрел на вышедшего за ворота Жу Сяна, потом забежал вперед и всунул цепочку ему в руки.

— Если не отдам ему долг, он заберет товар, боже милостивый, столько лет знаем друг друга... Он ждет на базаре...

— Эх, дружище,— сжимая в руке цепочку, проговорил Жу Сян.— У меня только и осталось, что несколько монет, а хозяин лавки «Хун Цзи» тоже приехал за долгом, вот я и отсиживаюсь дома... Это ж конец года! В каучуковой лавке тоже не займешь.

— Что же делать, а? Что делать?

— Ладно. Схожу еще в кафе.

Чэнь Чунь вернулся в дом, но то и дело выглядывал украдкой, смотрел на свой лоток в дальнем конце базара. Вернулся Жу Сян. Он ничего не сказал, и Чэнь Чунь понял, что дело плохо.

Жу Сян протянул ему цепочку. Чэнь Чунь молчал, глядя себе под ноги.

— А в ювелирную лавку ходил?— спросил вдруг Жу Сян.

— Там не берут в залог, говорят, нет наличных.

— Знаешь что? Отдай эту цепочку Синь Тай Чжаню в качестве залога, а расписку скрепим печатью моей лавки. За неделю расплатишься. Всего ты должен...

— Около двухсот...

Чэнь Чунь целиком положился на Жу Сяна. Жу Сян завернул цепочку в бумагу и пошел к машине. Он задержался там не более пяти минут. Он уже возвращался обратно. Чэнь Чунь выбежал ему навстречу.

— Согласился! Ну-ка, где печать?

У Чэнь Чуня словно гора с плеч свалилась. Вместе с Жу Сяном он пошел к своему лотку и, пока Жу Сян дрожащей рукой ставил печать с иероглифами «Сян Цзи»[1] на бумагу, едва сдерживался, чтобы не дать оплеуху своему кредитору, городскому лавочнику. И потом злым взглядом проводил машину, на которой тот уехал.

— Сян, я потом...

Он беззвучно шевелил губами, на лице его отразилось сострадание.

— Ну, потом и поговорим, а пока займись-ка делами.

По дороге домой Жу Сян почувствовал сильную боль в пояснице. Давала себя знать застарелая болезнь. Она всегда напоминала о себе в дождь и холод, а сейчас терзала его даже по ночам, не давая спать.

Превозмогая боль, он добрел до своей лачуги, опустился у прилавка на корточки и стал пить вино

---

[1] Знак счастья. *Здесь* — название лавки.

прямо из бутылки. Когда же в желудке разлилось приятное тепло, сел на плетеный стул и стал натираться тигровой мазью...

Декабрь — сколько принес он мучений! Сколько проклятий ему посылают! Когда же кончится этот дождь, который льет уже столько дней?!

Прямо на улице уселись кружком несколько человек — рабочие и крестьяне. Перед ними — большой, весь в колючках, гранат. Они по очереди берут его в руки, внимательно разглядывают, потом прикладывают к уху и встряхивают — будто это не гранат, а череп человекообразной обезьяны, а сами они — археологи. В центре круга несколько монет по пять центов — их общая ставка. После того как все осмотрели гранат, его раскалывают и считают зернышки: кто угадал, тот забирает себе монеты. Все дружно смеются, обмениваясь шутками, и сообща съедают гранат.

Жу Сян, потирая поясницу, смотрел, как они веселятся, и у него самого на душе становилось веселее.

Вдруг он увидел средних лет малайца в обернутом вокруг ног коротком саронге. Время от времени малаец поглядывал в сторону лавки Жу Сяна. Жу Сян присмотрелся повнимательней и узнал в нем своего бывшего работника Авана.

В те годы, когда торговля Жу Сяна процветала, Аван был незаменимым помощником: погрузка, разгрузка — все лежало на нем. Но главное, он умел сбывать товары мелким лавочникам-малайцам. Потом дела пошли хуже, и Аван ушел, чтобы не обременять хозяина, подался в рыбаки, как предполагал Жу Сян. Увидев его, Жу Сян очень удивился, но тут его осенило: «Так ведь сейчас же гавань закрыта».

Аван ходил перед входом в лавку, раздумывая, как бы вызвать Жу Сяна, когда вдруг заметил, что

тот сидит у окна и машет ему рукой. Аван обрадовался и вбежал в лавку.

— О! Вы здесь, хозяин!

Сказав несколько слов на беглом фуцзяньском диалекте, он примостился на деревянном ящике у прилавка и, когда Жу Сян завел разговор о закрытии гаваней, глубоко вздохнул:

— Да, три месяца уже закрыты.

Аван вспомнил, как в прошлом году, когда море уже стало бурлить, его вместе с товарищами захватил страшный шторм: громадные волны и бешеный ветер мотали лодчонку из стороны в сторону, кружили, и она мчалась, как тыква-горлянка по полю. Они тогда сбились с курса, взывали о помощи, но никто не откликнулся, только море гудело... И они махнули рукой, положившись на волю неба... Лишь чудом удалось спастись.

Картина того страшного дня до сих пор стоит у него перед глазами, и, мысленно возвращаясь к ней, он как бы переживает все заново.

— Житье у рыбака незавидное, хозяин,— говорит Аван, покачивая головой.— На что жить целых три месяца? Находились смельчаки, в любую погоду выходили в море.

Бронзовая от солнца и ветра кожа Авана была мокрой от дождя. Чего только он не вынес за свою жизнь! Жу Сян смотрел на него и не знал, что сказать.

Аван задумчиво жевал мангровый лист с кокосовой мякотью, зубы его стали красными.

— А эти три месяца... Если не в море, где еще заработаешь? Эх, хозяин, да я, я...— Он посмотрел на Жу Сяна, опустил голову.— Я вот... Спросить хочу: одному в лавке тяжело небось управляться?

Жу Сян растерялся. Он и так едва сводит концы с концами, как же можно нанимать работника?

Аван рассказал, что жена его третьего дня родила, а в доме ни крошки. У Жу Сяна защемило сердце. Он всей душой сочувствовал Авану, но что мог он сделать? Аван оглядел лавку и все понял. Встал и начал прощаться.

Жу Сян снял с полки две банки сгущенного молока, отвесил цзинь озимого риса, сунул все это Авану за пазуху и тихо сказал:

— Возьми пока, может, потом что-нибудь сообразим.

Аван ничего не сказал, посмотрел на Жу Сяна благодарным взглядом и, выйдя на улицу, долго еще оборачивался.

Солнце по-прежнему не показывало свой лик, в лавке было сыро и неуютно. На улице возле бесчисленных луж справляли свои мушиные свадьбы мухи, а когда кто-нибудь проходил мимо, с жужжанием разлетались, как мелкие водяные брызги.

Жу Сян слонялся из угла в угол, не зная, куда приткнуться: он чувствовал себя так, словно надел невысушенную одежду. Он то и дело чесал ноги, искусанные комарами, и это причиняло ему нестерпимую боль. Наконец он взял с полки баночку мази, втер ее в кожу: сперва ногу обдало жаром, а потом леденящим холодом.

В это самое время на пороге появился Гу Мо. Сердце Жу Сяна екнуло, он выронил баночку и, схватившись за поясницу, хотел уползти под прилавок, но острая боль заставила его опереться о спинку стула. Объятый ужасом, Жу Сян исподтишка глянул на Гу Мо. Тот приветливо улыбался. Его лоснящееся от жира, обрюзгшее лицо с розовой кожей, поросшее редкими волосами, было похоже на кусок свежей свинины. Одет Гу Мо был в европейский костюм.

Поняв, что спрятаться не удастся, Жу Сян натя-

нуто улыбнулся, стал раскачиваться, точно маятник, и непрерывно кивать головой.

Гу Мо давно не показывался в поселке. Считалось, что этот бездельник и пьяница приносит несчастье, и потому каждый старался его ублажить. Он же ловко этим пользовался, бесплатно пил пиво в кафе, опорожняя бутылку за бутылкой, а напившись, уходил, поддерживаемый кем-нибудь из домочадцев хозяина. Его величали «господин Гу», и никто не смел ему перечить.

Едва завидев его, Жу Сян стал с ужасом думать, какое несчастье принес ему этот человек на сей раз. Ведь он наверняка возвращался с попойки.

Бродяга же знал, зачем сюда шел: он пронюхал, что Жу Сян тайком продает хорошим знакомым «Старое грушевое», и теперь, тараща на Жу Сяна свои свинячьи глазки, выкрикивал по-фуцзяньски название вина.

У Жу Сяна не было лицензии на торговлю вином, и, если не отдать этому типу хотя бы бутылку, неприятностей не миновать. Но целая бутылка по нынешним временам не пустяк, и Жу Сян ломал голову: что бы такое придумать?

— Э-э... Господин Гу... В Поди были, а? Хе-хе-хе...

Перегнувшись через стол, Жу Сян взял пачку сигарет марки «Три пятерки», вытащил одну и почтительно протянул Гу Мо.

— Закурите, господин?

Жу Сян чиркнул спичкой, и пламя выхватило из темноты багровое лицо непрошеного гостя, который жадно затянулся. Не успел он выпустить дым изо рта, как Жу Сян достал из шкафа непочатую пачку сигарет, сунул ее Гу Мо в руку и воскликнул:

— Вино кончилось, господин!— Жу Сян развел руками, потом показал на свой живот и скорчил

горестную мину: — Выпили вино, выпили. Потерпите маленько, дней так...

Он снова полез в шкаф, достал пачку «Военно-морских» и вместе со спичками тоже отдал Гу Мо. Прихрамывая и поводя плечами, тот вышел из лавки; его, должно быть, мутило.

В это время появился промокший до нитки Гоу Цзай, сын Жу Сяна. Он нес две консервные банки с пойманными рыбками и, радостно смеясь, подталкивал рыбок пальцем. Когда мальчик вошел во двор, Жу Сян, который все еще опирался о стул, резким движением выпрямился.

— Ох! — Он весь напрягся, затаил дыхание. Боль отдалась в груди, даже в горле.

— Сынок! Подойди...

Гоу Цзай задрожал от страха, увидев, как побелели у отца губы, как посинело лицо, а глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит, словно у рогатой совы.

— Папа!..— Гоу Цзай с плачем вбежал в комнату, и Жу Сян, на какой-то миг, казалось, потерявший сознание, стал медленно приходить в себя. Сердце по-прежнему сильно болело, во рту был кислый привкус, Жу Сян с трудом сдерживал слезы.

Он придвинул к себе стоявшую на столе старую банку из-под ананасов, в которой был табак и листки папиросной бумаги, свернул самокрутку и сунул в рот; самокрутка безжизненно повисла, струйки дыма плавно поднимались и долго стояли в холодном воздухе. По столу был рассыпан пепел. Жу Сян, подперев щеки руками, сидел неподвижно и делал затяжку за затяжкой, выпуская дым через нос.

На полу была лужица от пролитой воды. В лужице на кучке увядшей травы бились в судорогах две маленькие рыбки. Они уже обессилели, но продолжали бороться за жизнь. Как Жу Сян.

Жу Сян долго смотрел на эту борьбу. Пока все не стихло. Тогда он выбросил окурок и закрыл глаза.

3

Период дождей только начался, а казалось, будто он длится целую вечность. Дождь с каждым днем лил все сильнее и сильнее. Не прошло и недели, как Черная река у Седьмого моста широко разлилась.

Мост этот хорошо известен каждому, кто живет в округе. Чтобы попасть к нему, надо выйти из Нового города, пройти три квартала, а потом свернуть за угол. В Старый город нет другого пути, как только через этот мост. За долгие годы он успел где подгнить, где проломиться, перила шатались, скреплявшие настил гвозди наполовину вылезли. И когда проезжала машина или повозка, из-под колес летели брызги, а мост ходил ходуном и отчаянно скрипел. Смотреть страшно!

Однако люди любили свой мост и сделали его местом вечерних прогулок.

Черная река с виду кажется грязной, но, если присмотреться получше, можно увидеть дно — вот до чего прозрачная в ней вода. Черной ее назвали потому, что дно у нее совсем темное, поросшее водорослями. Невольно залюбуешься, когда в реке, словно в зеркале, отражается предзакатное желто-золотистое небо. Но еще красивее река вечером, залитая лунным сиянием.

Как почтенный старец, спокойно и величаво, несет она свои воды, спускаясь с далеких гор и исчезая в бескрайних полях. Дети очень любят взбираться на ее гористые берега. Уж очень им хочется отыскать истоки Черной реки, но стоит им дойти до узких, вьющихся, словно тонкая паутина, тропинок,

мрачных и неприветливых, как они поворачивают обратно, сбрасывают одежду и со смехом плещутся в прохладной воде...

Звонко пропели первые петухи, и за окном забрезжил слабый утренний свет. Белыми нитями тянутся струйки дождя.

Жу Сян проснулся и больше не может уснуть. В последнее время он почти совсем не спит, ворочается с боку на бок, слушает, как шумит дождь. Вот заскрипели у ворот деревянные сандалии, Жу Сян знает, что это Чэнь Чунь. Он торопливо набрасывает куртку, берет зонтик и через черный ход выходит на улицу. Вместе с Чэнь Чунем они идут к Седьмому мосту. Его затопило водой, видна лишь верхняя половина перил; они становятся поодаль и молча смотрят на мост.

— Долг в лавку «Синьтайчжань»,— говорит с тяжелым вздохом Чэнь Чунь.

— Да, завтра срок. У тебя как с деньгами?

Слова Жу Сяна растворяются в холодном воздухе, в глухом плеске воды. Он раскрывает зонт: не поймешь, не то роса выпала, не то дождь моросит.

Чэнь Чунь не расслышал слов Жу Сяна. Он ничего не слышит. Только шум волн; он всматривается в бурлящую на мосту воду и думает: может, это дух Черной реки в гневе послал на них беды?

Много легенд слышал Чэнь Чунь о Черной реке, и сейчас на фоне гор, окутанных до половины туманом, она показалась ему еще более загадочной. Рассказывали, будто под мостом обитает дух Черной реки, который что ни год забирает себе в жертву человека. И когда в прошлый раз в пору дождей утонул малайский мальчик, эта легенда как бы обрела новую жизнь: взрослые стали рассказывать ее в назидание детям, чтобы те не купались в реке.

Чем больше размышлял Чэнь Чунь, тем тревож-

ней становилось у него на душе: ведь Черная река затопила мост!

— Здесь по пояс, не глубже,— пробормотал он, не в силах разобраться в обуревавших его чувствах и устремив отрешенный взгляд на черную воду.

— Ты приготовил деньги для «Синьтайчжань»?— нарушил Жу Сян затянувшееся молчание. Голос его звучал так же глухо, как плеск Черной реки.

— Что?..

Чэнь Чуть поднял голову, пошевелил губами, но разобрать можно было лишь несколько слов:

— Плата за дом... полгода уже...— И вдруг он громко и отчетливо произнес:— Смолкли барабаны... и все кончилось!

В душе у Жу Сяна словно что-то оборвалось. Ему казалось, что он провалился в трясину. На лице его отразилось отчаяние. «Так и утопиться недолго»,— подумал он.

Рассвело. Но утро для Жу Сяна было еще страшнее, еще ненавистней, чем ночь. «Если б не семья, я давно бы уже...»

Его размышления прервал хохот Чэнь Чуня. Тот указывал пальцем под мост и кричал:

— Эй, дух! Дух Черной реки!

Потом снова захохотал. Видя, что у Чэнь Чуня неладно с нервами, Жу Сян стал его уговаривать возвратиться.

Чэнь Чунь шел, пошатываясь, бормоча себе что-то под нос. Жу Сян проводил его до самого дома.

Вернувшись к себе, Жу Сян открыл ворота и будто впервые увидел, что на каждой из створок наклеено по листу красной бумаги. На одном черными иероглифами написано: «За дверью — счастье», на другом — золотыми: «Пусть льется рекой богатство!» Жу Сян прислонился к воротам и опустил голову. Ему не нужно, чтобы «богатство лилось рекой»,

был бы каждый день обед, о большем Жу Сян не мечтал.

На базарной площади стоят коляски велорикш, сами рикши сидят на земле и лениво покуривают.

Сегодня базарный день, один из двух самых оживленных в неделю дней. С утра сюда приходят крестьяне из окрестных кампонгов, приносят на продажу овощи, фрукты или куски каучука, а, выручив деньги, покупают разную домашнюю утварь.

Хозяева распахивают двери лавок в надежде выручить больше, чем обычно, рикши мечтают сделать лишние две-три ездки, чтобы хоть было чем заплатить налог за коляску...

Скоро полдень, но у кювета все так же стоят коляски, а под деревьями на краю площади высятся горы дурианов[1]: они стоят совсем дешево, но никто даже не приценивается, не в пример прошлым годам, когда дурианы закупали в большом количестве для приготовления сладостей. Несколько женщин торгуют горным бамбуком и хунмаоданями — больше ничего нет на рынке... Покупателей можно пересчитать по пальцам: люди словно забыли, что сегодня базарный день.

В кафе тоже мало посетителей, они коротают там время, листая старые журналы. Владелец кафе то и дело подходит к лавке Жу Сяна, покачает головой и, грустно улыбнувшись, уходит: у всех на душе нынче одно и то же. Что тут говорить, если и так все ясно?

За полдня в лавку не зашел ни один покупатель; из сейфа исчезли последние монеты. Наверное, дети взяли, чтобы купить завтрак.

---

[1] Тропический фрукт величиной с дыню, обладает резким запахом.

Чэнь Чунь снова пришел в кафе, бросил на стол доллар и десять центов, без спросу полез в холодильник и вытащил бутылку пива, откупорил, сделал глоток-другой и пошел к Жу Сяну. Тот не мог говорить ни о чем, кроме долга: ведь на расписке стояла его печать, а лавочник из Поди должен был вот-вот приехать.

— Ну что, не приезжал хозяин лавки?— Жу Сян все надеялся, что тот почему-либо не приедет, и с нетерпением ждал ответа.

Чэнь Чунь отхлебнул из бутылки, которую прихватил с собой, несколько раз чихнул и как ни в чем не бывало вышел через черный ход.

— Небо... Небо... Ха-ха, на землю рухнуло,— бормотал он.— Ха-ха... Дух Черной реки... Кончено, кончено... Хватит... Ха-ха-ха-ха!

Жу Сян закрыл дверь, в животе у него урчало. Он даже кофе сегодня не пил. Войдя в кухню, Жу Сян снял крышку с кастрюли — там был только рисовый отвар, а в шкафу — блюдечко с овощами. Жу Сян налил полную миску отвара, снял с полки банку дешевых консервов, смешал их с отваром и, причмокивая, съел.

Затем отодвинул миску и палочки и откинулся на спинку стула, собираясь вздремнуть; дождь за окном, подхлестываемый ветром, лил все сильнее и сильнее.

— Папа!..— донеслось со двора.

В комнату, запыхавшись, вбежал старший сын, Линь Цзай. Он был бледен, и Жу Сян сразу понял: что-то случилось.

— В чем дело?..

— Дядя Чунь, он... он...— Линь Цзай с трудом переводил дух.— Упал в реку с Седьмого моста!.. Больше не видели!..

— Что?!

Жу Сяна стала бить дрожь, он встал и долго стоял молча, чтобы немного успокоиться. Он сразу все понял!

— Люди видели, как он с бутылкой шел в Старый город по мосту и вдруг упал...

Линь Цзай выпалил все это одним духом.

— Присмотри-ка за лавкой,— бросил Жу Сян и, взяв у сына зонтик, в смятении вышел на улицу.

По площади торопливо шли люди. Шли в одном направлении и говорили об одном и том же.

У Седьмого моста собралась большая толпа. Полицейские выловили тело Чэнь Чуня и накрыли его брезентом.

— Еще одна жертва духа Черной реки.

Люди перешептывались и скорбно вздыхали.

Жу Сян протиснулся сквозь толпу, присел на корточки и отогнул край брезента: тело Чэнь Чуня распухло, его лицо почернело. Жу Сян поспешил опустить брезент и пошел утешать родственников Чэнь Чуня, которые стояли поодаль и причитали. Их плач болью отзывался в сердце Жу Сяна.

— О боже,— с гневом подумал Жу Сян,— ты низвергнут с небес!

Вода в Черной реке бежала быстрей, чем обычно, унося с собой горькие слезы, дни, полные тоски и отчаяния, и... еще одну загубленную жизнь.

На мосту осталась лишь пустая бутылка...

Полицейская машина увезла тело Чэнь Чуня в морг, в Поди.

Сердце Жу Сяна готово было разорваться на части. Возмущению его не было предела. Что за жизнь, что за общество, что за порядки! Вместе с толпой он пошел в Новый город. По общему мнению, Чэнь Чунь пьяным свалился в воду, но Жу Сян хорошо знал, как это было на самом деле. Он и

сам, если бы не семья, еще раньше Чэнь Чуня бросился бы в реку.

Когда они подходили к развилке, с базарной площади выехала машина из «Синьтайчжань» и помчалась по дороге в Поди. На мосту она с шумом расплескала воду, но в следующий миг река успокоилась и по-прежнему не спеша несла свои воды и днем и ночью, ни на минуту не останавливаясь...

Со временем этот случай забыли в поселке, он стал лишь еще одной главой в предании о Черной реке. Жена и дети Чэнь Чуня перебрались к его родственникам в кампонг, и будто не было его никогда в поселке, только Черная река стала еще загадочнее.

Минул еще год. Со старого календаря сорваны последние листки, и на его месте висит новый. Новый календарь, на календаре — новая красавица, а улыбка и слова те же: «Счастья вам и богатства!» «Вот и Новый год,— думает с грустью Жу Сян,— только вряд ли что-нибудь изменится к лучшему».

Пора дождей наконец-то прошла, выглянуло солнце и залило землю ослепительным светом. Поселок мало-помалу пробуждался: оживилась торговля в каучуковой лавке и в лавке Жу Сяна тоже. Жу Сян даже стал улыбаться: нет, не отворачивается небо от тех, кто не склоняет головы, кто идет к намеченной цели.

Стало оживленнее и на площади. В базарные дни крестьяне приходили целыми деревнями, и пусть не все покупали, а просто прогуливались, засучив рукава, на душе все равно было легче, чем в пору дождей.

Одно было плохо: цена на каучук оставалась низкой. И хотя в лавку Жу Сяна покупатели шли охотно, поскольку он торговал без запроса, лавочники из кампонгов за товаром почему-то не приезжали.

И вот как-то утром, в один из первых дней лунно-

го Нового года, Жу Сян на велосипеде отправился в кампонги.

Когда по извилистой тропке он подъезжал к первой деревне, его так трясло, что рябило в глазах. У дороги играли голые малайские ребятишки с желтыми личиками; увидев Жу Сяна, они сбились в кучку и молча, испуганно на него смотрели. И лишь когда Жу Сян улыбнулся, они снова принялись играть.

Сразу же за каучуковой плантацией находилась полуразрушенная малайская школа, напротив — кофейня. Жу Сян остановился, снял шапку и, обмахиваясь веером, вошел в кофейню.

Хозяин, седой китаец, с кожей, напоминавшей высохшую кожуру банана, при виде Жу Сяна вначале поморщился, но тут же приветливо улыбнулся, предложил Жу Сяну сесть, налил ему кофе.

Жу Сян заметил, что кофейня занимает лишь половину помещения, а во второй половине — мелочная лавка: на полках, покрытых толстым слоем пыли и затянутых паутиной, стояло несколько бутылок с соевым соусом и несколько банок с сардинами. На прилавке в кофейне были разложены сладости, карандаши, тетради и ручки.

— Плохи у меня дела,— говорит хозяин.— Денег у людей нет, так и перебиваюсь мелочной торговлей.

Говоря это, хозяин кофейни то и дело потирает пальцем десну. У него почти не осталось зубов, лицо все в морщинах, тонкие губы.

Жу Сян смотрит через открытую дверь на улицу: она будто вымерла, даже страшно. Лишь изредка появится одинокий прохожий, который, словно боясь спугнуть тишину, идет медленно, осторожно, хлюпая грязью.

— Раз каучук упал в цене, чем ни торгуй — не разживешься. В долг надавал — собрать не могу.

— Везде одно и то же.

Жу Сян, покачав головой, тяжело вздохнул, надел шапку и вышел. Улица по-прежнему пустынна, лишь возле лавок топчутся хозяева, все еще не потерявшие надежду на покупателей.

Жу Сян давно не был здесь и даже представить себе не мог, что некогда самый шумный и оживленный кампонг станет глухим и безлюдным. Он сел на велосипед и решил ехать домой, о долгах будто забыл.

— Вот станет полегче, отдам хоть немного...— говорит хозяин кофейни на прощание, а Жу Сян думает: когда же это станет полегче?

С отчаянием в душе возвращался Жу Сян в поселок. Перед ним со всей ясностью предстало его положение, о котором он старался не думать.

Те несколько тысяч долларов, которые он отдал в долг, теперь не вернуть, а лавка хоть и приносит доход, но денег хватает лишь на повседневные нужды. Так он продержится месяца два-три, не больше. Необходимо рассчитаться с лавкой в Поди, иначе нельзя брать там товар. Надо найти какой-нибудь выход... Думать дальше у Жу Сяна не хватило духу.

Когда он заводил велосипед во двор, из кафе как раз вышел хозяин лавки «Хун Цзи». Жу Сян не успел скрыться и, изобразив на лице улыбку, любезно сказал:

— А-а, сегодня вы не на машине?

Лавочник хмыкнул, показал рукой на стоявший у кафе фургон и подал Жу Сяну расписку.

— Я слышал,— холодно произнес он,— что вы ездили за деньгами, прождал вас полдня.

— Мне так неловко, право, но я не получил ни цента.

Жу Сян вынул из внутреннего кармана тетрадь

приходов и расходов, полистал ее, надеясь вызвать у лавочника сочувствие.

— М-да, хожу к вам, хожу — все без толку. Хоть сколько-нибудь вернули бы, мы ведь тоже, говоря по правде...

Жу Сян дрожащими пальцами отыскал в тетради графу задолженностей: 752 доллара. Глянул украдкой на лавочника, тот внимательно разглядывал полки. Тогда Жу Сян встал у него перед глазами и умоляюще произнес:

— Дела у меня совсем плохи, за день трех долларов не выручаю. Через день-другой, я думаю, станет полегче, тогда я... я непременно...

— Назовите точный срок,— потребовал лавочник, склонив голову на бок.— Ну, скажем, через месяц. И то считайте, что я оказал вам большую услугу.

— Как пройдет...

Жу Сян стал подсчитывать, загибая пальцы: еще две недели, и начнется рамадан; да что он, волшебник, что ли? Лавочник ждал ответа. Надо как-то его спровадить, и чем быстрее, тем лучше, подумал Жу Сян и, скрепя сердце, проговорил:

— Ладно, ладно... Как пройдет рамадан, непременно...

— Итак, счет я вам дал, срок подойдет... Не будем ссориться, я думаю...

Почтительно кланяясь и повторяя свои заверения, Жу Сян проводил лавочника к воротам. Тот зашел в соседнюю лавку, а Жу Сян вернулся в дом, плюхнулся на свою жесткую кровать и, подложив руки под голову, стал смотреть, как пробиваются сквозь щели в крыше солнечные лучи. Его будто бросили на дно глубокой пропасти, где только и остается ждать смерти.

— О небо!..

4

А Черная река все несет и несет свои воды, не останавливаясь ни днем ни ночью. И чем спокойней течет, тем чернее становится. Во многих местах река пересыхает и проступает дно, желтеют под палящими лучами солнца водоросли. Время от времени в воду заходят буйволы, и она становится мутной.

На базаре стали торговать холодной водой и льдом, аккуратно уложенным в опилки. Опилок целые кучи в конце базара, у самой дороги.

Торговец льдом — молодой малаец — ударяет короткой пилой по деревянному ящику и выкрикивает шутки-прибаутки, слов разобрать невозможно, слышно лишь: «Эй, эй, лед привезли!»

Выкрики его вносят некоторое оживление в сонный поселок. Люди ходят по улицам, словно вареные, ложатся прямо на землю, стонут, кряхтят. Везде полно больших синих мух.

У мусульман наступил месяц рамадан.

В кафе необычно пусто, только на заднем дворе, где теперь тоже расставлены столики, сидят рикши-малайцы и играют в карты.

Азартные игры запрещены законом, но хозяина это мало волнует: за деньги, как говорится, и черта заставишь плясать. Даже полицейский иной раз садится сыграть партию-другую.

Сейчас рамадан, но игроки ни в чем себе не отказывают: пьют, едят, будто живут совсем в другом мире. Благодаря им хозяин кафе не терпит в это время убытков.

А вот для Жу Сяна настали тяжелые времена: сколько дней прошло — и ни одного покупателя, в Поди больше не отпускают товаров в кредит. Можно бы заработать на финиках или сладкой воде, на ко-

торые в этот месяц бывает особый спрос, но Жу Сян не торгует ими. Как же ему продержаться? Напрасно зазывает покупателей и малаец, продавец льда, он совсем охрип, а лед тает.

В соседней лавке торгуют финиками, однако и там нет покупателей. Жу Сян вдруг вспоминает, как лет десять назад он за три дня распродал все финики, а ими тогда у него был завален весь двор. Но дням тем, видимо, уже не вернуться.

Ровно в семь вечера из мечети донеслись удары в барабан. Сначала медленные, затем дробные, потом снова медленные. Они известили мусульман о конце поста, и владельцы кафе и лавок взбодрились в ожидании посетителей.

Настала ночь, опустила на землю свой черный полог, и улицы будто совсем вымерли: словно и не было барабанного боя. Все так же играли возле кафе в мацзян, все так же бранились, и громкие голоса все так же нарушали тишину поселка.

Тускло мерцают газовые фонари, отбрасывая на землю неровный свет. Только кафе ярко освещено, лавки давно позакрывались.

И снова Жу Сян не заработал за день ни цента, он уже привык к этому, но как быть, если у него восемь голодных ртов?

Вдруг он заметил еще два стола для игроков, и его осенило: он переговорил с хозяином кафе и сдал ему для игроков половину своего внутреннего двора в аренду, разрешив таким образом проблему квартплаты.

Не прошло и недели, как к Жу Сяну снова заявился Гу Мо. У него был отменный нюх, и, едва войдя в дом, он сразу направился к черному ходу. Жу Сян поспешно протянул ему сигарету и, заикаясь от страха, сказал:

— Господин... Господин Гу, сигаретку?

— Дань... ли... цзю[1],— пробормотал тот, беря сигарету.

Посетители, игравшие в мацзян, завидев Гу Мо, встали было и приветствовали его, но, убедившись, что тот еле держится на ногах, продолжили игру.

— Э-э... Кончилось, господин Гу... Кончилось. Может быть, пива?

Не дожидаясь ответа, Жу Сян прошел в лавку, налил из бутылки пива в стакан и поднес Гу Мо. Тот, шумно глотая, выпил и, даже не обтерев губ, ушел.

Жу Сян с болью в сердце достал из кармана несколько монет по десять центов и бросил на стол...

Прошел месяц рамадан, а лавка Жу Сяна напоминала теперь умирающего: товары почти все распроданы, ворота на запоре, надписи «За воротами счастье» и «Пусть льется рекой богатство» сорваны, видимо, кем-то из детей.

Жу Сян сделал все, что в его силах, но лавки не спас. Так не лучше ли просто закрыть ворота? Он глядел на улицу, переводил взгляд на голые полки и чувствовал в сердце боль и тревогу...

Жу Сян закрыл лавку, но никто из соседей не удивился: не он первый.

Впрочем, Жу Сян давно ни на что не надеялся — его надежды лопались одна за другой, как воздушные шарики. С утра до вечера он курил, словно ожидая, что вместе с дымом развеется и его печаль. Но грустные мысли — что немытые волосы, чем старательнее их приводишь в порядок, тем больней голове.

Вдруг Жу Сян вспомнил о Черной реке и испуганно вздрогнул. Прошел год, и дух Черной реки должен потребовать к себе еще одну жертву. Кто

---

[1] Даньлицзю — название вина (*букв.*: алое благополучие).

же этот несчастный? Однако, вспомнив об этом, Жу Сян со злостью стукнул себя по затылку: он хочет жить, а когда есть воля к жизни, непременно найдется выход. Но выход не находился, и, как ни цепляйся за жизнь, конец неминуем.

Через неделю после праздника приехал фургон из «Хун Цзи»[1]. Увидев, что лавка заперта, лавочник удивился — зашел в кафе и, разузнав, что случилось, пошел прямо в игорную комнату. Жу Сян был там, наблюдал за игрой.

— Эй, почтенный! — окликнул его лавочник.

Приход лавочника не сулил ничего хорошего. Жу Сян ждал его, очень тревожился, но в то же время тешил себя надеждой, что вдруг случится что-нибудь непредвиденное и лавочник не придет.

В комнате было чересчур много народу, и Жу Сян предпочел объясняться с лавочником у себя дома.

— Месяц прошел, почтенный, что теперь скажете? — заговорил непрошеный гость. Жу Сян пододвинул ему стул.

— Ох, хозяин, — отвечал Жу Сян, — никак долги по кампонгам не соберу. Обождите еще чуток, по старой-то дружбе...

Несчастный вид Жу Сяна убедил лавочника, что он снова уйдет ни с чем, и он прошел в лавку. Жу Сян последовал за ним, на ходу говоря:

— Соберу долги — непременно отдам, все сполна. Вспомните, сколько лет мы знаем друг друга, пожалуйста, еще...

Лавочник между тем все осматривал, щупал руками и наконец дошел до буфета со стеклянными дверками, который стоял в углу. Он постучал по нему, проверяя на прочность, снова обошел лавку.

[1] Знак величия. *Здесь*: название лавки.

— Подождите,— продолжал молить Жу Сян,— вот взыщу с мелких торговцев... Этот буфет...— В лавке было темно, и он не видел выражения лица лавочника.

— Чего зря толковать? Ведь договорились, целый месяц ждал по дружбе — и хватит. Если до завтра не рассчитаетесь, прошу не сердиться, придется меры принять!— Лавочник нацепил на нос пенсне и зло уставился на побледневшего Жу Сяна:— Забыли, что есть еще Law[1]! Опечатаю лавку!

— Хозяин, по старой...— Жу Сян осекся, не зная, что говорить. Лавочник ушел, даже не обернувшись. В семье Жу Сяна все понимали, как плохи дела, и молча переживали обрушившееся на них горе. После ухода лавочника Жу Сян постоял немного, затем, едва волоча ноги, вошел в дом и лег на кровать; он плакал, глотая соленые слезы, теперь ему ничего не оставалось, как ждать смерти...

В этот день в игорной комнате был также Аван. Он лишь наблюдал за игрой, самому же играть было не на что, в кармане лежало всего две монеты. Прежде сильный, как бык, он был теперь тощим и сморщенным, как засохший банан. Он как раз входил в кафе, когда во дворе появился Жу Сян вместе с лавочником из «Хун Цзи», и сразу заподозрил неладное. Следя за игрой, он все время думал о том, что происходит сейчас за стеной, у Жу Сяна.

Не успел лавочник уйти, как Аван стрелой влетел к Жу Сяну, но, увидев его, был так поражен, что слова не мог сказать. Только в воспаленных глазах его отражалась острая жалость.

Жу Сян часто и тяжело дышал. Грудь его под пожелтевшей рубашкой то вздымалась, то опадала, будто кузнечный мех, его седые волосы рассыпались

---

[1] Закон *(англ.)*.

по подушке, он лежал, широко раскинув руки и ноги.

Почувствовав, что в комнате кто-то есть, Жу Сян медленно поднял веки.

— Хозяин, это я...— произнес Аван, с трудом разомкнув будто склеившиеся губы.

— А-а, Аван... Ну как ты?..

При виде Авана Жу Сян будто очнулся. Приход бывшего работника его удивил. Он даже сел на постели, хотя ему это стоило немалых трудов.

— Как дождь, так совсем худо. А вот сегодня полегче, хозяин...

— К доктору не ходил?

Жу Сян знал, что ни к какому доктору Аван не ходил. Он и сам никогда не ходил, потому что платить было нечем. Наглотается аспирину, пропотеет и встанет. Но уж очень худ был Аван, и вопрос этот невольно вырвался у Жу Сяна.

Аван ничего не ответил: время такое, что не поешь досыта, тут уж не до врачей. И Аван лечился домашними средствами. И вот результат: проболел целых три месяца, получил осложнение и превратился чуть ли не в старика, не способного ни к какой работе.

— Хозяин...— Аван хотел было спросить, что случилось, но умолк. Зачем бередить раны?

— Кончено!.. Кон-че-но! Разорен! Опечатают лавку!— Жу Сян развел руками.— Еще каким-то «Law» пугает, сукин сын!.. Полвека знакомы... Скотина!

Жу Сян вдруг поднялся с постели и что-то шепнул Авану на ухо; тот кивнул головой и вышел через черный ход...

На базарной площади один за другим зажигались огни, близилась ночь.

По Седьмому мосту гуляли старухи с детьми.

Чуть слышно журчала Черная река, несла с гор ледяную воду, у Седьмого моста словно бы надевала черную маску, а выйдя в бескрайние рисовые поля, принимала свой первоначальный облик. Кто-то из детей считал звезды:

— Одна, две, три, пять.— Подпрыгивая на ходу, хлопал в ладоши, вытянув шею, смотрел на рыбок, которые плескались в черном зеркале, и в страхе стискивал бабушкину руку. Бабушка дала внуку шлепка и увлекла его за собой.

— Дух Черной реки! Эй, дух Черной реки!— Мальчик передразнивает бабушку, высовывает язык.

Кто-то идет по мосту в направлении Нового города. В темноте с трудом можно разобрать, что это очень худой мужчина. Он приближается к дому Жу Сяна, тот выходит ему навстречу.

— Что с коляской, Аван?

Голос у Жу Сяна слабый, взволнованный. Аван молча, глазами спрашивает, можно ли войти, Жу Сян жестом отвечает, что, мол, можно.

Пламя маленькой керосиновой лампы дрожит, как дрожит сердце у Жу Сяна. Аван разминает пальцами фитиль, пламя устремляется кверху, валит густой дым, но в углах по-прежнему темно.

Аван водрузил лампу на полку и принялся складывать оставшийся товар в большие бумажные мешки, которые затем относил в коляску; наполнив ее доверху, выехал на дорогу. Проехал развилку, Седьмой мост и где-то в Старом городе затерялся. Так он ездил четыре раза. И откуда только набралось столько товара, в лавке как будто ничего не было.

Лампа погасла, в комнате воцарился мрак. В пустом буфете возились крысы.

Жу Сян прошел в кухню, бросил взгляд на игорную комнату и, повернувшись к Авану, грустно сказал:

— Пускай товар пока полежит у тебя, а через несколько дней, когда все уляжется, продашь.

Аван кивнул и вышел. На мосту стояла коляска, мелькали какие-то тени, по воде будто кто-то хлопал ладонью. Несколько человек таскали на спине пакеты с финиками, от которых исходил запах гнили, и сбрасывали их в воду.

И долго еще, пока Аван шел, слышны были всплески воды.

В игорной комнате шум не стихал всю ночь, и Жу Сян не сомкнул глаз: он напряженно всматривался в потолок, будто пытаясь там разглядеть что-то, потом, задремав, проваливался в пустоту, стремительно падал... Во сне ему померещилось, что кто-то громко бранится, он вскочил, стал озираться по сторонам, подушка его съехала вниз, рядом, посапывая, как поросенок, спал беззаботным сном Гоу Цзай.

Жу Сян с трудом дождался рассвета, вышел, долго бродил по улице, стараясь отогнать образ Чэнь Чуня, неотступно преследовавший его, избавиться от сиротливого скрипа его сандалий.

Он не заметил, как вышел к Седьмому мосту. Гвозди были забиты в доски и не торчали, перила кое-как подремонтированы, но окутанный туманом мост все равно походил на нищего в лохмотьях.

Сам не зная зачем, Жу Сян направился в Старый город. За исключением нескольких, недавно выстроенных домов, в которых жили служащие из учреждений, здесь ничего не было — развалины да пересохшие колодцы. Ступая по битым стеклам, Жу Сян подошел к одному из колодцев, потрогал его замшелый край. В колодце была вонючая липкая жижа, должно быть, там разлагались подохшие крысы.

Жу Сян хорошо помнил, как лет пятнадцать на-

зад брал в этом колодце воду. Тогда бы в голову никому не пришло очищать ее химикалиями, вода была до того прозрачна, что даже виднелся бьющий на дне родник. Аван таскал в день по два-три десятка ведер, чтоб дети могли плескаться в специально устроенном для них небольшом бассейне... Увы! Те дни никогда не вернутся.

Вспомнив, как счастлив он был в ту пору, Жу Сян не мог удержать нараставшую в душе обиду. Разве не в поисках лучшей доли покинул он родные места, преодолел столько трудностей и приехал сюда, в этот далекий край? Работал, работал, не покладая рук, но сладкого отведать довелось лишь чуть-чуть, а потом снова горько да солоно! Где ж справедливость?! Жу Сян пошевелил губами, будто посылая кому-то проклятье, потом тяжело вздохнул: жизнь кончена...

Возвращаясь из Старого города в Новый, он снова шел по Седьмому мосту, сквозь щели в настиле смотрел на черную воду и думал, думал: неужто и впрямь он должен кончить свою жизнь здесь, на Седьмом мосту? Эта мысль заставила его ускорить шаг, и он почти побежал, не оборачиваясь, словно кто-то гнался за ним...

Через два дня у лавки Жу Сяна можно было увидеть нескольких полицейских с пристегнутыми к кожаным курткам дубинками. Ворота были заколочены досками от ящиков, как перила на Седьмом мосту.

Время от времени к черному ходу подходили люди — это были кредиторы, почуявшие запах жареного,— колотили в дверь, но дом отзывался лишь дребезжанием старых гвоздей, вбитых в порог, потому что хозяин скрывался у своего бывшего работника Авана.

В игорной комнате по-прежнему собиралось

много народу. У игроков был свой особый мирок, кроме мацзяна, их ничто не интересовало. Хозяин кафе, увидев, что деньги сами плывут к нему в руки, согласился платить Жу Сяну три процента от выручки; проход рядом с уборной был перекрыт навесом, и внутренний дворик Жу Сяна превратился в своеобразную «обитель зла». Здесь стояли не только игральные автоматы, прозванные «тиграми-центоедами», но также радиола, из которой лились плавные, томные звуки, — словом, заведение это стало единственным местом времяпрепровождения жителей маленького поселка. Чем тяжелей им жилось, тем сильнее тянуло их туда. Это заведение казалось людям единственной цветущей веткой на засохшем дереве.

Прошла примерно неделя — Жу Сян совсем потерял счет времени, — и где-то на шестой или седьмой день после того, как лавку опечатали, у ворот остановился фургон лавки «Хун Цзи». Хозяин велел рабочим сорвать с ворот доски, и тотчас же набежали ребятишки, правда, некоторых из них родители поспешили загнать домой, боясь, как бы это грустное зрелище не навлекло на их семьи несчастья.

Лавочник из «Хун Цзи» вошел в лавку, встал за прилавок и собрался было начать распродажу, но тут приметил детей, глазевших на него, будто на бродячего торговца лекарствами, а на улице — малайцев, которые стояли, сложа на груди руки. Лавочник разозлился, что ему не дали в свое удовольствие посидеть в чужой лавке, и ушел, а рабочим велел грузить в фургон столы, стулья, прилавок — словом, все, до последней мелочи. Потом фургон приехал еще раз и увез буфет со стеклянными дверцами...

Глядя на это, люди с возмущением сплевывали,

и на душе у них становилось как будто бы легче.

Жу Сян наконец возвратился в лавку. Там была кромешная тьма, кучами лежал мусор, да валялось несколько бутылок из-под вина; крысы и те разбежались по соседним домам. Долго сдерживаемый Жу Сяном гнев вдруг выплеснулся наружу, и он, стоя во мраке, упрямо воскликнул:

— Ну и пусть! Начну все сначала!

Мяо Сю

НА ОТМЕЛИ

1

Над речной отмелью проносится влажный ветер. Гнилостные испарения, сгустившиеся над поверхностью черной реки, постепенно поднимаются вверх, растекаются по сторонам. Солнце идет к закату.

На другом берегу видна хижина на сваях, обычная для этих тропических мест. Днем во время прилива вода поднимается и доходит почти до самого пола. Если пройти немного вперед, можно увидеть небольшую верфь, там строят баркасы. Сейчас она пуста, рабочие разошлись по домам. В зловонной жиже лежит деревянный остов незаконченного судна, похожий на скелет доисторического чудища. Порыв ветра несет по отмели стружки, они с тихим шуршаньем скатываются в черную реку и медленно уплывают прочь.

Тяжелые свинцовые облака надвигаются на гаснущий диск. Быстро спускаются сумерки, и все вокруг обволакивается мглой. Над отмелью темнеют, будто очерченные зеленовато-черной тушью, стволы высоких хлопковых деревьев[1]. Вдалеке, где раскинулся парк с аттракционами, небо загорается многочисленными огнями. Десятки лавок и лотков со всякой снедью, кинотеатры уже готовы встретить гуляющих.

---

[1] Дерево, достигающее двадцати метров в высоту. Растет на юге Китая, в Индии, Бирме, Индонезии.

«Кажется, будет дождь...» — подумала Шамэй и невольно ускорила шаги. Перебежав мостки, она спустилась по каменным плитам вниз, к отмели. Женщина спешила, она хотела успеть в больницу, где лежал ее муж.

«Плохо, если пойдет дождь. Место здесь совсем голое, нигде не укроешься. А велорикшу не найти», — подумала она. Между тем сегодня ей надо обязательно попасть к больному, ведь она не была у него два дня. Шамэй раскаивалась, что так долго задержалась в Нючэшуй[1].

Сегодня тридцатое число. После уроков она пошла к директрисе и, получив остаток своего месячного жалования — всего двадцать долларов, — сразу же отправилась в центр, чтобы купить нужные продукты, а главное — яблоки для больного мужа. К фруктам она добавила небольшую коробку австралийского печенья за четыре доллара, которое купила в кондитерской лавке. Цена вначале показалась ей слишком высокой, но продавец объяснил, что товар этот «попутный», случайно попал после освобождения в эти места, поэтому и такой дорогой. Печенье, конечно, лучше маниоки, осточертевшей за три года и восемь месяцев войны, когда, кроме маниоки, нечего было есть. Шамэй сдалась после объяснения торговца. В конце концов, четыре доллара сущие пустяки. Главное — печенье доставит хоть небольшую радость больному.

Война уже кончилась. Японские солдаты, которых везли в лагеря, были гораздо мрачнее, чем пленные австралийцы в том далеком тысяча девятьсот сорок втором году. Жители старой английской колонии теперь с облегчением вздохнули и радостно

---

[1] Название торгового района в центре Сингапура (*букв.*: вода на повозке).

улыбнулись лучам безмятежного и свободного солнца. Они, казалось, забыли, что жизнь по-прежнему очень трудна, ибо война все разрушила и им предстоит платить тяжкий долг за ошибки, породившие эту войну, а желанный мир придет к ним еще не скоро.

В страшные дни оккупации на лбу у Шамэй залегли две глубокие морщины. Ее лицо оставалось привлекательным, как раньше, хотя с него уже сошли краски молодости. Только большие глаза горели прежним манящим огнем. Правда, в самой глубине затаилась грусть, но их блеск говорил о жажде жизни, не сломленной невзгодами.

От получки остался только доллар с мелочью... Да, на следующей неделе придется туго. Ну и пусть! Главное — она сейчас работает, пускай простой учительницей в начальной школе, но все же это настоящая работа, за которую она получает долларов сорок — пятьдесят в месяц. А это куда лучше, чем быть на иждивении двоюродной сестры, как она жила полгода назад, до возвращения на остров рыжеволосых[1], сразу же отменивших оккупационные банкноты — «пальмовки».

С другого берега реки подул ветерок и принес запах гнили. Он спутал длинные волосы женщины, и одна прядь упала на лицо. Ей пришлось остановиться. Переложила сверток в левую руку, поправила растрепавшиеся волосы и посмотрела туда, где под защитой зонтообразных крон деревьев, качавшихся под порывами ветра, стояла островерхая дощатая хижина.

Ее беспокойство усилилось. Она рассчитывала вернуться пораньше домой, быстро приготовить ужин, сбегать к сестре за ребенком и до дождя ус-

---

[1] Прозвище европейцев, англичан.

петь в больницу. Шамэй опять подумала о муже. Еще утром в школе она прочитала в газете небольшую заметку о том, что в годы войны какой-то врач изобрел замечательное лекарство, которое излечивает от чахотки. Автор заметки, всячески расхваливая чудесные свойства препарата, между прочим сообщал, что в скором времени он появится в Сингапуре. Радостная весть! Надо обязательно рассказать Адаю!

Она быстро преодолела отмель, и ей осталось лишь обогнуть заливчик, за которым находился дом. У дверей хижины она, к своему удивлению, заметила двоюродную сестру, возле которой стоял ее сын, четырехлетний Ахэй. С тех пор как Шамэй устроилась работать в школе, она каждый день отводила мальчика к сестре, живущей не здесь, а повыше — на городской улице. Сестра, портниха, заваленная заказами, приводила ребенка только в редких случаях, а обычно за ним ходила мать.

Сердце Шамэй тревожно забилось. «С чего это она сама привела малыша? Неужели что-то случилось с Адаем?» Ей сделалось страшно, и она невольно замедлила шаги.

— Мама! Мама! — обрадовался быстроглазый мальчуган, увидев мать. Спотыкаясь, он бросился ей навстречу, схватил за руку.— Дай конфетку!.. Конфетку хочу!

Шамэй помахала рукой и подбежала к поднявшейся ей навстречу женщине. Во взгляде, обращенном к сестре, были напряжение и вопрос: почему ты пришла? Что случилось? Ну, отвечай же скорей!

— Заждалась я тебя... Почему ты нынче так поздно?— И, не дожидаясь ответа Шамэй, она схватила ее за руку.— Есть важная новость. Пойдем в дом!— В ее голосе слышалось волнение.

Они вошли в комнату.

— Амэй[1]! Суншэн вернулся!— Ее слова прозвучали торжественно и сурово.

Сказала всего лишь короткую фразу, а Шамэй почувствовала, что ее будто ударили дубиной по голове. В широко раскрытых глазах застыли удивление и ужас.

— Не может быть!— Она не верила своим ушам.

Да. Он возвратился.

В полдень, когда сестра развешивала во дворе белье, она услышала голос, ее кто-то звал. Вытерев руки, она направилась к лестнице. У дверей стоял мужчина с чемоданом в руке. В тот момент она удивилась ничуть не меньше, чем сейчас Шамэй.

— Что ты говоришь? Как он мог вернуться? Это невозможно!— Шамэй тяжело опустилась на детский стульчик. Ее испуганный взгляд был устремлен на отмель, которую уже поглощала темнота надвигавшейся ночи. Расплывчатые очертания недостроенного баркаса и свайных хижин, разбросанных за рекой, были сейчас едва заметны. У моста тускло желтели два газовых фонаря. Шамэй даже не заметила, когда их успели зажечь.

— Неужели Адай меня обманул? Он же сказал, что Суншэн погиб!— Она прикрыла рукой рот и заплакала.

Это случилось больше четырех лет назад. Однажды на рассвете над городом появилась стая японских бомбардировщиков, и на узкие улицы упали первые бомбы. А спустя несколько дней вдруг явился Адай, который вместе с Суншэном плавал на одном корабле. Он пришел один, залепленный с головы до ног грязью, и сообщил страшную весть. Едва они

---

[1] В разговорной речи первый слог имени часто заменяется приставкой «А».

вышли из Гонконга, разразилась война, и японцы потопили их корабль.

— Меня и других — спаслось всего пятеро — едва нашли в море...

Шамэй спросила о муже.

— Суншэн? Не знаю, что с ним. Я только заметил, что он упал в воду, это я видел собственными глазами. Может быть, он...

Шамэй не расслышала последних слов, так как упала без сознания.

Потом началась оккупация острова. Больше трех лет длился кошмарный сон. Если бы не Адай, все время помогавший ей, она и ее ребенок умерли бы от голода. Человек, как известно, ценит ласку и доброту. В конце второго года оккупации Шамэй и Адай стали жить вместе. Она согласилась на это не только из чувства благодарности за его поддержку, но и потому, что Адай был действительно хорошим человеком.

И вдруг неожиданная новость! Она грянула словно гром среди ясного неба.

— Что же мне теперь делать?

Сестра обняла ее за плечи.

— Ну хватит! Слезы не помогут. Надо что-то придумать!

— Что здесь придумаешь?— Женщину душили рыданья.

Маленький Ахэй, испуганно тараща на мать глазенки, разревелся. Мать притянула его к себе, обняла.

— Горькая наша доля! — Она прижалась к личику ребенка.

— Вот что... — проговорила после некоторого раздумья сестра.— Ты ничего не говори ему об Адае. Пока тот в больнице, может быть, все както-нибудь и уладится.

Сестра ничего не рассказала Суншэну. Оставив его у себя, она прибежала сюда, чтобы предупредить Шамэй.

— Сколько же можно скрывать обман?— прошептала Шамэй.

— Трудно сказать...— сестра вздохнула.— Может быть, день, а может, два или три. Но дело не в этом. Главное не торопиться, что-нибудь придумаем!

Сердце Шамэй бешено колотилось в груди. Что делать? Никакого выхода она не видела.

Когда сестра пошла к двери, ее взгляд остановился на фотографии Адая, которая висела на стене.

— Амэй, надо спрятать все вещи Адая,— сказала она.

2

Едва первые лучи коснулись отмели, Шамэй уже была на ногах. Ее скиталец-муж громко храпел. Взглянув на него, она пошла на кухню приготовить завтрак. Сегодня у нее был выходной, и она собиралась побыть с Суншэном вместе, но почувствовала, что не в силах оставаться дома с мужем наедине. Как только взгляд Шамэй останавливался на Суншэне, в ее душе тотчас возникало чувство вины перед ним. Ей следует куда-нибудь уйти. Вот только ее очень беспокоил сынишка. Вчера вечером она попыталась внушить ребенку, чтобы ~~он ничего не~~ говорил новому дяде о папе, который лежит в больнице. Но ведь мальчику всего лишь четыре года. Что он понимает, несмышленыш! Если его оставить с Суншэном, он случайно может сказать что-то лишнее и тем самым раскроет тайну. Лучше всего увести его к сестре... Но главное, ей надо заставить себя что-то делать, чем-то заняться, отвлечься и не

думать о нелепом положении, в каком она сейчас оказалась.

Погруженная в тревожные мысли, она ничего не замечала вокруг. Она машинально положила в кастрюлю рис, но тут же забыла, помыла его или нет. Вдруг она услышала, что Суншэн проснулся и встает с постели. Он вошел в кухню с полотенцем в руке и, взглянув на огонь в очаге, сказал:

— Амэй! Почему встала так рано?

— После завтрака мне сразу надо бежать на уроки! — проговорила она, продолжая резать овощи. — Ну, как спал? Выспался?

— Здесь хорошо, прохладно... Открыл глаза, а оказывается, уже наступил день. — В его голосе слышалась радость, такая же чистая и светлая, какой был напоен воздух тихого тропического утра.

— Амэй! — Она услышала в его голосе огорчение. — Осталась бы сегодня дома...

— Не могу! — Она как-то жалко улыбнулась и опустила глаза, боясь смотреть мужу в лицо. — В школе сейчас только директриса да я — больше никого. Если я не приду, ей одной не справиться с этими баловниками...

Она кончила стряпать и стала накрывать на стол. Появились блюдо с дымящимся рисом и тарелка с овощами. Но она не положила палочки для еды. Вспомнив об этом, она снова направилась в кухню.

— Мама! Мама! — раздался звонкий голосок проснувшегося Ахэя.

Она подбежала к ребенку. Вынув его из кроватки, принесла его в комнату и посадила на детский стульчик.

— Посиди немного. Мама тебя сейчас умоет, а потом даст поесть!

— Иди ко мне! — Суншэн подошел к мальчику и хлопнул в ладоши. — Иди к своему папе!

Он поднял ребенка и прижался лицом к щечке сына.

— Ах ты малец! Поцелуй своего папу!

— Не хочу! Не хочу!— Мальчик замотал головой и стал вырываться из рук незнакомого человека.— Ты не папа! Мой папа в...

Мальчик осекся и замолчал. Он испуганно взглянул на мать, которая смотрела на него широко раскрытыми глазами. Мальчик вспомнил, что она говорила ему накануне.

— Ах ты негодник!— крикнула она мальчику.— Как ты смеешь так говорить своему папе?

— Ребенок не виноват!— проговорил Суншэн, защищая сына.— Ведь он, как родился, даже не видел своего отца и не знает его в лицо.

Они сели за стол. Напряжение, которое охватило Шамэй, не прошло. Она была бледная, пальцы ее дрожали.

— Амэй, у тебя очень усталый вид,— проговорил муж, бросив взгляд на жену.— Может быть, все-таки отдохнешь денек? Не ходи в школу.— В его голосе слышались просительные нотки.

Суншэн не догадывался ни о чем. Он думал, что беспокойство жены вызвано просто его неожиданным приездом... Если бы он только знал, как все изменилось за то время, что его не было дома! Эта новость явилась бы для него тяжелым ударом. Она украдкой взглянула на мужа.

За четыре-пять лет он почти не переменился. Разве только поредели волосы да на лбу прибавилось несколько глубоких морщин. Он остался прежним — все таким же приветливым и заботливым. Шамэй знала, что он ее любит, да и она очень любила его. Особенно ясно она это почувствовала именно сегодня, когда снова увидела мужа, сидящего перед ней. Но только сейчас она навсегда потеряла его, так как

совершила дурной поступок. Она не сохранила ему верность, и этого он ей никогда не простит.

Во всем виноват Адай. Наверное, это его козни... Нет, Адай ни при чем. Все эти годы он кормил их — ее и ребенка. Он работал как вол, не разгибая спины, и в конце концов подорвал здоровье — нажил чахотку. Перед ее глазами всплыло землистое, с нездоровой желтизной лицо Адая. Его щеки ввалились, глаза напоминали две пустые дыры. Как он страшно выглядит сейчас! Никто бы не подумал, что ему всего тридцать и он даже моложе ее.

Да, во всем виновата она сама, и ей нечего сваливать вину на других. Из-за своей слабости и неумения жить она искалечила судьбу двух любимых ею людей...

Она почувствовала, как что-то стеснило ей грудь, сердце пронзила боль. Две слезы, скатившись по щекам, упали в чашечку с рисом.

— Что с тобой, Амэй?— встревожился муж, заметив слезы. Он тяжело вздохнул, словно от внутренней боли.— Это я во всем виноват! Сколько тебе пришлось из-за меня пережить за эти годы...

Шамэй разрыдалась.

3

Все последующие дни Шамэй находилась в тревожном напряжении и страхе. Ее преследовала мысль, что Суншэн рано или поздно узнает об Адае. Несмотря на все меры предосторожности, случилось то, что должно было произойти и что она не могла предотвратить.

Постреленок Ахэй, помня слова матери, не упоминал имени папы, который лежал в больнице. Постепенно он привык к дяде, появившемуся в их доме

и назвавшемуся его отцом, а скоро стал и сам называть его папой. Вчера, когда Шамэй пришла после уроков домой, мальчуган, заливаясь веселым смехом, появился в больших черных ботинках Адая, которые он извлек из какого-то угла и напялил на маленькие ножки. Выбежавшая из кухни мать хотела было увести его, но было уже поздно. Суншэн увидел злосчастные ботинки и, взяв их в руки, принялся внимательно рассматривать.

— Они совсем новые...— проговорил он, взглянув с недоумением на жену.

Шамэй замерла. Лицо ее побледнело.

— Это... это, наверное, ботинки жильца, который снимал комнату до нас...— запинаясь, ответила она.

Удовлетворенный ответом жены, муж вытер с башмаков пыль и поставил их на пол, собираясь примерить.

— Какая удача!— довольно засмеялся он, всунув ноги в ботинки.— Они мне как раз впору. Мои совсем прохудились, буду носить эти — и новые можно не покупать.

— Амэй!— муж вздохнул, и лицо его омрачилось.— Ты уж меня прости! Все эти годы я мотался на чужбине, а вернулся нищим — даже пары сносных ботинок нет... Эх! Знала бы ты, какая у меня была жизнь!

Он замолчал. Перед глазами встала извилистая лента бирманской дороги, которая петляла среди суровых и диких гор. Некоторое время он, бывший матрос, работал шофером в одной транспортной части. Ему пришлось немало поездить по этой дороге, но зато он заработал целую кучу американских долларов. Только все они в конце концов исчезли. Он потратил их на одну девчонку — дочь гоминьдановского офицера. Когда кончилась война, бессовестная потаскушка его бросила, убежав с каким-то круп-

ным чиновником. Ему потом рассказывали, что она будто бы улетела на самолете в Шанхай...

Охваченный безрадостными воспоминаниями, он украдкой взглянул на жену. Нет! Он не станет ей этого рассказывать. Что было, то было.

— Я знаю! Только и у нас было не слаще! Проклятая война! Она не только принесла разруху, она искалечила всю нашу жизнь!— возбужденно проговорила Шамэй, надеясь отвлечь внимание мужа от ботинок. Она стала рассказывать ему о страшном времени японской оккупации, о голоде, который царил на острове в те годы. Фунт риса стоил тогда больше сотни оккупационных бумажек, но и за такие деньги его невозможно было достать. Им приходилось довольствоваться маниокой и картофелем, но и за ними нужно было выстаивать в длинных очередях. На улицах валялись трупы людей, умерших от голода, и некому было их убрать. Над мертвецами жужжали тучи мух, в нос бил сладковатый запах тления. А сколько людей погибло от штыков и пуль оккупантов! Не сосчитать.

Да, если бы не эта проклятая война, она, Шамэй, никогда не дошла бы до жизни такой...

Унесенная воспоминаниями в тяжелое прошлое, она замолчала. Ее глаза были широко раскрыты и устремлены куда-то вдаль. На самом деле она ничего не видела.

На днях во время уроков с ней произошло то же самое. Она внезапно забыла, что находится в классе, что на столе лежит раскрытый учебник, по которому она должна читать своим ученикам. Она сидела, никого не видя перед собой, думая о своей судьбе. Она вышла из оцепенения лишь тогда, когда кто-то обратился к ней: «Учительница! Учительница!»

Ей показалось, что в последнее время на нее как-то странно посматривает директриса. Неужели

эта старая дева пронюхала о том, что у нее два мужа? Вряд ли она теперь оставит ее в школе!

Она чувствовала, что и в поселке на нее постоянно устремлены любопытные взгляды. Соседи, обладавшие обостренным нюхом и страстью к сплетням, уже заметили, что в ее доме появился незнакомый мужчина. Всякий раз, проходя по поселку, она слышала за своей спиной шушуканье, сопровождавшееся смешками и оживленной жестикуляцией. Вряд ли стоит их осуждать. Ведь виновата она сама — она обманула и мужа, и ребенка...

Ночью Шамэй часто лежала без сна, вперив взгляд в черную мглу. Мерное дыханье Суншэна заглушалось шорохом ночного ветра, игравшего на крыше дома, да плеском воды. Она думала: может быть, лучше выложить мужу все как есть, а не лгать и терзаться угрызениями совести?

Она посоветовалась с сестрой, но та ее отговорила.

— Пойми, я больше так не могу! Я не выдержу!— вскричала Шамэй и с силой ударила кулаком себе по ладони.

Но сестра на эту вспышку чувств не обратила ни малейшего внимания. Она спросила, как дела у больного.

— Адай заболел гриппом, и вот уже два дня у него высокая температура. Но сейчас ему получше, да и кашлять он стал меньше.

Мысль об Адае снова подняла в душе тревогу. Ее лицо помрачнело. Сестра, взглянув на нее, вздохнула. Она хотела сказать, что Адай вряд ли уже поправится, что жить ему осталось совсем немного. Если он умрет в больнице, его можно будет тихо похоронить на кладбище Бирюзовая Гора, и Суншэн ничего о нем не узнает. Увидев на лице Шамэй выражение отчаяния, она не решилась этого сказать,

но с укоризной подумала: «Эх, Амэй! Ведь ты всегда была такой сообразительной! Неужели тебе в голову не пришла эта простая мысль?» — Сестра снова вздохнула.

4

Когда белоснежный халат медицинской сестры исчез за дверью палаты, костлявая рука Адая, полулежавшего на больничной койке, крепко сжала запястье Шамэй. Его голос звучал глухо и прерывался кашлем, сопровождавшимся каким-то странным хрипеньем. За эти два дня его щеки еще больше ввалились и на скулах разлился нездоровый румянец, горевший сейчас еще ярче, чем обычно, наверное, от возбуждения, которое его охватило. Глаза больного лихорадочно блестели.

— Ты знаешь, эти два дня мне значительно лучше... Если так пойдут дела, может быть, к Новому году я выпишусь... Вот тогда... — Адай закашлялся и, немного помолчав, продолжал: — И вот тогда первое, что мы с тобой сделаем, переедем в другое место. Здесь жить невмоготу. На отмели повсюду кучи мусора, грязная жижа... А вода в реке — черная, будто деготь, зловонная. Кажется, что отрава носится даже в самом воздухе... И вот еще что. В будущем году нашему Ахэю пора начинать учиться, а поблизости нет ни одной приличной школы. Та, где ты работаешь, никуда не годится!

Во время разговора взгляд больного был устремлен на безоблачное небо, голубевшее в прямоугольнике окна. Он думал о далекой будущей жизни.

Шамэй, собираясь в больницу, решила откровенно поговорить с Адаем, рассказать ему все как есть: Суншэн не погиб, он вернулся домой и сейчас она

уже больше не может жить с Адаем вместе. Она попросит у него прощенья и скажет, чтобы он забыл ее навсегда. Но она не могла вымолвить этих слов. Они словно застряли у нее в горле.

Шамэй отвела в сторону взгляд, боясь посмотреть в лицо больного, на котором блуждала мечтательная улыбка. Она почувствовала, что к горлу подкатывает комок. На глазах выступили слезы, она быстро вытерла их тыльной стороной ладони.

Адай неожиданно повернул голову и заметил ее слезы.

— Амэй! Никак ты плачешь?— встревоженно спросил он.

— Что ты?— успокоила она его, через силу улыбнувшись.— Просто соринка попала в глаз.

После ужина Суншэн сидел с мальчиком у двери, наслаждаясь вечерней прохладой. Шамэй в комнате рассеянно перекладывала вещи с места на место. Ей хотелось побыть одной. После посещения больницы она чувствовала в душе еще большую пустоту, а ее тревога возросла.

— Амэй!— раздался голос Суншэна.— Посиди с нами. Какая хорошая погода!

— Мама, иди к нам!— крикнул мальчик.

Отказываться было неудобно. Вытерев руки, она подошла к ним и села рядом.

Действительно, вечер был прекрасный. На небе лежали отблески заката: местами темно-красные, почти пурпурные, а кое-где бледно-лиловые. Река, похожая на багровую ленту, причудливо извивалась по черной земле. Вода в ней искрилась и блистала, готовая вот-вот вспыхнуть. На отмели возле верфи виднелись фигуры рабочих с полотенцами, перекинутыми через плечо. Они шли домой. После их ухода отмель снова погрузилась в безмолвие, нарушаемое лишь криками птиц, слетавшимися на ночь

к хлопковым деревьям. На ближнем берегу царило оживление. Жители хижин вышли подышать свежим воздухом. Некоторые вынесли на отмель низенькие столы, чтобы совершить вечернюю трапезу. Возле реки ребятишки гонялись друг за другом с громкими криками.

Отмель гудела от голосов, оживленных споров, веселого смеха. В этом мире, который кипел вокруг, лишь одна Шамэй страдала от тоски и одиночества. Ее настроение постепенно передалось Суншэну. Он хотел многое ей сегодня сказать, но, видя, что жена не в духе, не решался раскрыть рта. Маленький Ахэй, присел на корточки, что-то чертил веткой на влажной земле.

Краски вечерней зари постепенно тускнели и блекли. Со стороны верфи подползала темнота. Сначала она поглотила кусты на берегу, поднялась над ними и двинулась дальше — на поселок.

Шамэй взглянула на мужа. Как странно все получилось. Ну конечно же, она по-прежнему любила этого человека с честным лицом, на котором лежала печать пережитых страданий. Она любила Суншэна за его душу, добрую и отзывчивую. Она снова вспомнила тот день, когда Адай принес страшную новость. Много дней она горько плакала, вспоминая погибшего мужа, и хотела наложить на себя руки. И вот он вернулся, здоровый и невредимый. Казалось, ей сейчас только бы радоваться, а радости не было. Наоборот, к ней пришли горе и стыд и горькие-горькие слезы.

Незаметно все вокруг погрузилось в темноту. Из черного мрака доносилось тихое журчанье воды. Порой раздавались едва слышные звуки — то ли обрывки разговора, то ли приглушенные стоны. Яркие фонари на мосту освещали бежавшие автобусы, легковые машины, велорикш. На небе к се-

веру от моста было зарево от многочисленных огней, вспыхнувших в парке, куда по случаю субботнего праздника валили толпы людей.

— Пошли в парк! — неожиданно предложил Суншэн.

Шамэй словно пробудилась от тяжелого сна. Ему пришлось повторить фразу, чтобы до нее дошел смысл.

— Нет, не хочется...— проговорила она и смущенно улыбнулась.

— Почему? — в голосе мужа слышалось огорчение.— Я вернулся уже давно, а мы с тобой еще никуда не ходили.

— Голова у меня что-то болит,— солгала она.

Маленький Ахэй, услышав разговор родителей, схватил мать за край кофты и стал проситься в парк. Он не хотел упустить такую возможность. Мать уступила.

— Суншэн! — проговорила она, повернувшись к мужу.— Своди его сам, а я останусь дома. Мне правда что-то нездоровится.

Суншэн, надев ботинки Адая, взял мальчика на руки и направился к двери.

В голове женщины пронеслась мысль: несмышленый мальчишка, если ее не будет рядом, может что-нибудь сболтнуть. Нет, ей никак нельзя оставаться, надо идти вместе с ними.

— Суншэн, подожди. Я тоже пойду, кажется, мне полегчало!

Они гуляли в парке долго и вернулись домой около одиннадцати. Уставшие, они сразу же отправились в постель. Суншэн мгновенно уснул как убитый, а она по-прежнему лежала без сна. Вот раздались громкие удары курантов на городской башне. Двенадцать ударов. Потом пробило час, а она все не могла уснуть. Наконец, обессиленная, она забылась.

Сквозь дрему она услышала громкий стук в дверь. Она торопливо встала, ощупью нашла керосиновую лампу и зажгла ее. Проснувшийся Суншэн сонным голосом проговорил:

— Кого там несет среди ночи?— Он протер слипавшиеся глаза.

Шамэй ничего не ответила. От холодного ночного воздуха ее бил озноб. В душе возникло предчувствие беды. Держа в дрожащих руках лампу, она приблизилась к двери и открыла. У порога, освещенный луной, стоял мужчина в форме полицейского.

— Здесь живет Шамэй?— спросил он по-малайски.

— Это... это я!

— Я из больницы. Ваш муж скончался!

— Адай... Он умер?..— едва слышно проговорила она.

— Умер!— ответил малаец-полицейский.— Совсем недавно, часов в десять вечера.

— Что там случилось?— Из дома вышел Суншэн.— Кто умер?— В его голосе слышалось недоумение.

— Адай умер!— Шамэй заплакала.— Бедный Адай!

Малаец, покачав головой, удалился.

— Адай?— повторил муж. В его памяти всплыл облик старого знакомого.— А разве он в Сингапуре? Почему же ты мне об этом не сказала?

Шамэй опустилась на стул.

— Суншэн! Я... я очень виновата перед тобой!

5

Под одной крышей живут два человека, живут и страдают.

В течение трех дней после похорон Адая Суншэн не обмолвился с женой ни одним словом. Но на похороны он все же пошел, правда, встал позади всех, в самом конце печальной процессии. Вернувшись с кладбища, он сел в углу комнаты и молча просидел весь день, уставившись в одну точку. В черных глазах, как будто еще больше потемневших, вспыхивали искорки гнева и обиды. Он не мог разговаривать с этой женщиной, которая опозорила его, он не мог даже смотреть на нее. Несколько раз к нему подбегал Ахэй. Подняв голову, малыш с надеждой ждал, когда его приласкают, но, испуганный взглядом отца или резким жестом, он убегал прочь и забивался в угол.

Двоюродная сестра, видя, что атмосфера в доме накалена до предела, попыталась примирить супругов.

— Да будет вам сердиться друг на друга! Никто из вас не виноват.— Она вздохнула и взглянула сначала на одного, а потом на другого.

— Суншэн... ты...

Мужчина внезапно встал со стула. Хлопнула дверь.

Женщины обменялись тревожными взглядами.

— Амэй!— проговорила с беспокойством сестра.— Беги за ним. Сейчас нельзя оставлять его одного!

Шамэй побежала к выходу.

Суншэн медленно брел вдоль берега реки, низко опустив голову. Она заметила, как он спустился к самой воде и сел возле дикой сливы.

Сестра, простившись, ушла, а Шамэй, вернувшись в дом, опустилась на стул и застыла, словно оцепенела.

. . . .

Она тоже молчала все эти дни, хотя испытывала

жестокие страдания. Несколько раз, правда, она порывалась заговорить, но, встретив пугающий взгляд мужа, сразу же осекалась. Ну почему, когда она ему все рассказала, он не устроил скандал? Пусть лучше побил бы ее, забрал свои вещи и ушел. Ей, наверное, было бы легче, чем сейчас.

С трудом прожив один день, она встречала другой, но тяжесть, которая лежала на душе, лишь увеличивалась.

Ночь. Над черной рекой холодно блестит полукруг южного месяца. Отмель объята мертвым сном, время от времени его нарушают оглушительным кваканьем лягушки в прибрежной траве. Дверь дощатой хижины тихо отворилась, и в ней появилась женская фигура. Нетвердой походкой женщина спустилась к реке. На берегу она остановилась и обратила к луне мертвенно бледное, искаженное страданьем лицо. Закусив губы, будто сдерживая боль, женщина опустила босую ногу в воду. Вода показалась ей холодной, почти ледяной. Женщину охватила дрожь, и она остановилась в нерешительности. Вдруг до ее слуха донесся плач ребенка. Наверное, он проснулся и звал сейчас свою маму. Она прислушалась.

В этот момент из дома выбежал мужчина. Он бросился к берегу, где стояла сейчас Шамэй.

— Амэй!— Задыхаясь, он подбежал к ней и схватил за руку.— Ты что?!

Шамэй не сопротивлялась. Она тихо плакала. Суншэн обнял ее и повел в сторону отмели.

— Прости меня!— ее голос прерывался от рыданий.

— Нет, нет!.. Ни ты, ни я ни в чем не виноваты...

Порыв ветра, набежавший на отмель, подхватил и унес эти слова.

ЗОЛОТЫЕ НОЖНИЦЫ

Профессор Ван пролежал в больнице больше недели. И вот наступил день, когда ученый муж, сопровождаемый своей пышнотелой супругой, вернулся в свой «Литературный кабинет» — так он называл небольшую комнатушку в старом здании над мастерской велосипедов, на тихой улочке в пригороде. Если бы не черная доска с белыми иероглифами на стене дома — творение самого профессора,— никто никогда бы не догадался, что над этой паршивой мастерской скрывается хранилище мудрости и высокого искусства.

Профессор удобно устроился на обшарпанном диване. В таком полулежачем положении, почти не двигаясь, он проводил каждое утро. Его длинные худые ноги свешивались с ложа. На желтых пальцах одной ноги покачивалась матерчатая туфля, другая валялась на полу возле дивана. В комнатушке, набитой самыми разными вещами, царил беспорядок. Подле чайного столика сгрудились стулья, на письменном столе валялись старые газеты, ученические тетради и какой-то хлам.

Сквозь стекла плотно закрытой двери виднеется унылое небо, цветом напоминающее тряпку для вытирания пыли. Монотонно и нудно стучит дождь, он идет давно: то затихнет на короткое время, то снова припустит. Профессору кажется, что сырость проникает в самую душу, и ему делается еще тоскливее. Постепенно кабинет погружается в темноту. За спиной хозяина на полке чернеют плотные ряды переплетенных журналов; несколько лет назад их удалось приобрести по случаю — «Еженедельное развлечение», «Суббота», иллюстрированный «Добрый друг», «Голубая книжка». В то время он мог позволить себе сделать подобную покупку. Полка, на-

висшая над головой профессора, словно давит на него, резко выделяется его скуластое, землистое лицо. В маленьком кабинете, наполненном шумом дождя, расплывается уныние...

— Какая пакостная погода, пес ее дери! — слышится утробное ворчание ученого. Тяжелые веки профессора устало опускаются. Он задумывается. В последнее время жизнь шла вполне сносно, если бы не проклятая болезнь, которую неожиданно подсунула судьба. «Человеку в беде мерещатся духи, и неудачи следуют одна за другой» — гласит поговорка. Так и у него: провалялся в больнице целую неделю, и погода, словно нарочно, испортилась, вот уже три дня, как он дома, а дождь льет не переставая и дует ветер. Чертова погодка!

А на самом деле судьба лишила Вана своих милостей несколько лет назад, теперь же и совсем от него отвернулась. Обманным путем присвоив себе ученую кличку профессора, Ван отправился в Наньин, протиснулся в университет и начал было читать курс западной литературы. Но, увы, его эрудиция быстро иссякла на первой же лекции, когда он пересказал студентам изданную в Гонконге книгу Чжэн Чжэньдо[1] «Очерки литературы». Студенты освистали профессора, и он был вынужден исчезнуть.

Потом в разговорах Ван всегда жаловался на студентов и намекал своему собеседнику, что покинуть университет ему пришлось из-за политических интриг. Он ругал студентов «леваками», «красными» и «коммунистами», кричал, что, если их не перерезать всех до единого, в Поднебесной никогда не установится мир и порядок. Потеряв должность в университете, ученый Ван не мог найти подходящего

---

[1] Чжэн Чжэньдо (1898—1957) — крупный китайский ученый-литературовед и общественный деятель.

для себя места, и его жизнь мало-помалу вошла в русло спокойного, но скучного бытия.

Некоторое время назад, когда открылся его «Литературный кабинет», профессор устроил пресс-конференцию и местные борзописцы тиснули в своих листках несколько хвалебных заметок. У профессора сразу же появилось свыше тридцати учеников, плативших ему по десять долларов каждый. Таким образом, гонорар профессора превышал триста долларов в месяц, что позволяло ему сводить концы с концами. Самое приятное в этой деятельности заключалось в том, что она была нисколько не обременительна, а это не так часто случается в жизни. Профессор, не выходя из своего кабинета, переписывал у других авторов «Правила сочинительства» и, размножив их как свои собственные лекции, рассылал ученикам, потратив всего несколько медяков на марки. Вот и все хлопоты! К сожалению, такая блаженная жизнь не могла продолжаться вечно. Ученики полагали: раз они платят десять долларов в месяц, значит, им следует прославиться на литературном поприще. Иначе говоря, они жаждали стать знаменитыми писателями или на худой конец модными журналистами. Очень скоро многих постигло разочарование. Число учеников стало катастрофически сокращаться, и наконец единственным источником дохода сделался мелкий предприниматель из Джуронга, его старший сын с трудом окончил среднюю школу и сейчас учился у профессора, а отец регулярно платил сто с небольшим долларов в месяц.

Сравним нашу жизнь с огромной сетью, а профессора с жалкой трепещущей рыбешкой. После возвращения из больницы он быстро сообразил, что сеть вокруг него затягивается и вырваться из нее нет никакой возможности...

Ослабевший после болезни, он лежал на старом

диване, а возле суетилась его пышнотелая супруга. Она старалась втолковать мужу, что срок аренды давно истек и хозяин уже дважды напоминал о плате. К тому же в доме не осталось ни зернышка риса, нет денег.

— Как нет денег?!— взорвался муж, не выдержав скучных разговоров.— Неужели, пока я лежал в больнице, они ничего не заплатили?

— У тебя от хвори совсем отбило память!— отозвалась жена.— Ведь сегодня только пят-над-цатое, и Адань еще не сбыл свой товар.

Ван тяжело вздохнул.

— Придется попросить рис в лавке «Вечное величие» в долг. Мы там постоянные покупатели. Попросим еще раз — ничего с ними не случится!

Простое и мудрое предложение мужа мгновенно вызвало гнев пышной дамы. Она всплеснула толстыми короткими ручками.

— Старый верблюд!— заверещала жена.— Только и знаешь валяться на диване и давать дурацкие советы!

Удивительно, до чего супруги не походили друг на друга. Профессор Ван был худ как жердь, а жена напоминала хорошо откормленную свинью. Любая пища, даже самая низкокалорийная, попав в ее чрево, сразу превращалась в жир и сало.

Профессору почудилось, что огромная туша супруги начала увеличиваться в размерах и навалилась на него всей тяжестью. Он почувствовал, что задыхается...

— Я... я...— Он попытался что-то сказать, но речь его прервалась. Перед глазами мелькало разъяренное лицо супруги. Наконец женщина исчезла...

Проклятье! В такую мерзкую погоду даже собака не высунет носа из своей конуры, а ему придется идти. А куда? Где достать деньги? А может быть,

лучше остаться? Перед выпиской из больницы доктор говорил, что он еще не совсем поправился и какое-то время надо отлежаться. А жена не понимает. Только вернулся, она сразу устраивает скандал. Глупая баба! Надо было остаться в больнице. Лежал бы тихонько в общей палате...

Все эти три дня профессор Ван пребывал в мрачном настроении. Стараясь не делать лишних движений, он лежал на обшарпанном диване, покидая его лишь по двум надобностям: справить нужду или поесть. Он не обращал внимания на злобное ворчание жены, делая вид, будто ничего не слышит и не видит.

В это хмурое утро на душе профессора было особенно тоскливо. Из кухни, где жена готовила завтрак, доносился оглушительный грохот: назло мужу она что было мочи гремела пустыми железными коробками для риса. Профессор тяжко вздохнул. Он неподвижно лежал с закрытыми глазами, пока его не потревожило чье-то прикосновение.

— Папа! Тебе письмо!

Перед ним стоял младший сын, ученик пятого класса начальной школы.

Профессор вскрыл конверт. В нем он обнаружил письмо от своего последнего ученика. Дьявольщина! И этот отказывается от уроков! Профессор скомкал листок и злобно швырнул его в плевательницу, стоявшую под низким чайным столиком. Он презрительно усмехнулся и пробурчал что-то нечленораздельное, его исказившееся лицо испугало мальчика, и он юркнул в уголок.

Тем временем на столике появилась миска с жидкой кашицей, от нее поднималось облако пара, и две тарелки, на одной — ломтики соленых яиц, на другой — горстка маринованных овощей: обычный завтрак. Струйка холодного воздуха, проник-

шая в комнату, донесла до чуткого носа профессора запахи пищи. В животе раздалось громкое, предосудительное урчание. Профессор немного приподнялся на своем ложе, опустил ногу, стараясь нащупать туфлю. И тут зазвенел звонок.

— Акай, взгляни, кто там пришел!— крикнул он сыну.

Мальчик побежал к двери.

— Папа! Это к тебе!— раздался его звонкий голос.

— Проводи гостя!

Профессор принял сидячее положение.

В комнату вошел молодой человек, его земляк Сунь. В те времена, когда профессор жил не столь убого, как сейчас, он частенько заглядывал в землячество сыграть несколько партий в мацзян. В числе его постоянных партнеров был и Сунь. Но в последнее время они не встречались, и этот неожиданный визит удивил хозяина.

— А, господин Сунь! Какой редкий гость! Присаживайтесь, пожалуйста, прошу вас!— Хозяин изобразил что-то вроде поклона, однако положение на диване не изменил.

Крупное квадратное лицо гостя, одетого в перешитую военную куртку, было покрыто капельками, хотя в эту пасмурную погоду жары совсем не чувствовалось. Сунь уселся на стул возле чайного столика и, отерев платком лицо, внимательно оглядел комнату.

— Господин профессор!— обратился он к хозяину, обнажив два ряда крупных, как клыки, желтых зубов.— Наверно, не очень просто найти такое помещение, как ваше.— На самом деле он подумал, что такая дыра совсем не похожа на кабинет ученого. Вслух он этого не сказал.

— Здесь очень удобное сообщение!— проговорил

Ван. Он откинул голову на спинку дивана. Из-под тяжелых полуопущенных век на гостя смотрели мутные глаза.— Если на пристани вы сядете в автобус номер один, он довезет вас прямо до нашего дома. Остановка, можно сказать, возле самых дверей!

В комнате появился сын профессора с двумя чашечками.

— Господин Сунь, прошу вас!

Гость взял чашечку. Чай был очень жидкий. На поверхности плавало несколько чаинок, гость отхлебнул из чашки. Никакого вкуса он не почувствовал. Тем временем хозяин снял крышки с двух стеклянных вазочек, стоявших на чайном столике. Одна была наполовину заполнена мелким жареным арахисом, во второй гость заметил немного арбузных семечек, не больше щепотки.

— Прошу вас, отведайте!— предложил хозяин, наклонившись вперед, а затем снова откинувшись на спинку дивана. На его лице появилось страдальческое выражение.

Гость извлек из вазочки два зернышка арахиса и сунул их в рот. Орешки даже не хрустнули. Они оказались вязкими и прилипали к зубам. Очевидно, они пролежали в вазочке много дней. Гость нахмурил брови. Попробовать арбузные семечки он не решился.

— Мне кажется, я пришел к вам не совсем вовремя!— Гость бросил взгляд на стол, где стоял завтрак. В его голосе послышались извиняющиеся нотки.— Помешал вам завтракать!

— О, что вы! Пустяки!— встрепенулся хозяин.— Просто жена должна накормить сына, ему пора в школу... А сам я целую неделю пролежал в больнице и только на днях выписался. Врач велел мне посидеть несколько дней дома. Вот я и не встаю с дивана. Представьте, мне совсем не хочется есть. На-

верное, оттого, что я почти не двигаюсь. Могу не есть целый день, и хоть бы что...

— Да, после болезни следует хорошо отдохнуть... Ну и, конечно, нужно соблюдать диету, ни в коем случае не переедать,— согласился гость. Взглянув на этого полумертвеца, Сунь подумал, что хозяин магазина, пославший его, явно просчитался. То ли дело пригласить на открытие своего заведения соблазнительных певичек или танцовщиц... А он решил позвать этого жалкого книжного червя. Странное желание! Хозяин, правда, заметил, что приглашение ученого для разрезания ленты лишено банальности и свидетельствует о тонком вкусе. Чудак!

— Как жаль, что вы не вполне поправились!— проговорил Сунь.— Дело в том, что послезавтра, в субботу, состоится открытие нашего часового магазина. Мой хозяин рассчитывал на вашу помощь! Он хотел, чтобы вы разрезали ленту...

Предложение гостя сулило деньги. Сердце Вана радостно забилось, и в глазах появился блеск, который до сего времени отсутствовал.

— О, это не имеет никакого значения,— торопливо ответил он.— Но я не очень хорошо знаком с вашим хозяином, впрочем, мы тоже, кажется, с ним земляки, поэтому мой долг помочь ему... Только у меня будет к нему небольшая просьба.

— Какая же?— Гость удивился такому быстрому согласию. В его представлении профессор для поддержания своего авторитета должен был немного поломаться.

— Мне бы хотелось, чтобы ваш хозяин дал бы прессе сообщение о моем приглашении на церемонию разрезания ленты. И еще чтобы в газетах обязательно поместили мою фотографию. Словом, я хочу, чтобы такое крупное событие получило бы как можно более громкую огласку.

— Разумеется! О чем разговор! Хозяин решил широко разрекламировать открытие большого торгового дела! — гость осклабился, опять показав желтые зубы.

Хозяин, поднявшись с дивана, вышел в другую комнату и быстро вернулся со старой фотографией и визитной карточкой. На фотографии величиной около двенадцати дюймов был его портрет, сделанный десять лет назад.

— Возьмите! — сказал он, протягивая фотографию и визитную карточку гостю.— Они пригодятся. Пусть сделают клише и увеличат, чем крупнее, тем будет выглядеть солиднее.

Гость в почтительной позе стал внимательно рассматривать фотографию. Затем он взглянул на профессора. Между оригиналом и копией он не нашел никакого сходства. На визитной карточке он прочитал ряд мелких знаков, обозначавших титулы ее владельца: «визитирующий профессор», «почетный профессор», «ректор такого-то колледжа»... Не дочитав всех титулов до конца, он положил карточку вместе с фотографией в карман пиджака.

— Благодарю вас, профессор!

Проводив гостя, профессор занял прежнее место на диване и смежил веки, собираясь предаться раздумьям. Но спокойствие уже покинуло его. Профессора приятно волновала мысль о том, что завтра в сингапурских газетах в разделе хроники появится его портрет. Однако еще более важно то, что после церемонии хозяин магазина вручит ему красный пакет[1]. Говорят, что обыкновенной певичке за подобную церемонию перепадает долларов восемь-

[1] В красных пакетах обычно преподносят подарки к празднику.

сот, а иногда и тысяча. А ведь он крупный ученый! Авторитет! Он гораздо респектабельней какой-то ничтожной артистки. Поэтому и гонорар должен быть, конечно же, гораздо выше. Разумеется, профессору были хорошо известны некоторые особенности местной жизни. В торгашеском обществе, где все измеряют деньгами, какой-нибудь состоятельный делец стоит по своему положению куда выше, нежели литератор, учитель и даже ученый.

Гонорар этих интеллектуальных кули часто ниже заработка простого лоточника — уличного хоккера, который торгует где-нибудь на темной улочке возле Малого Склона. Стоит ли удивляться тому, что общество смотрит на них без всякого уважения...

Однако профессор быстро себя успокоил. Ведь он, профессор Ван, совсем не такой, как другие. Его все знают, глубоко чтут, приглашают на торжества. Вот и сейчас за ним прислали человека. Сразу видно, что к нему относятся с большим уважением. Правда, он не вполне уверен, что его награда превзойдет сумму, которая обычно дается певичкам-звездам, во всяком случае, она будет не меньше.

При мысли о награде на его губах появилось подобие улыбки, а на впалых щеках вспыхнул румянец.

В комнату из кухни вошла с посудой жена.

— Послушай!— обратился он к ней. В его голосе слышалось радостное возбуждение.— Достань-ка мой парадный костюм и приведи его в порядок.

В субботу около полудня к дому профессора подкатило такси, в котором сидел Сунь. Профессор, давно уже готовый, сидел в своем кабинете на диване, томясь в ожидании. На нем был хорошо отутюженный костюм, вокруг шеи повязан галстук

красновато-кирпичного цвета. Жидкие волосы, смоченные бриллиантином, лежали ровными прядями, прикрывая лысину.

Доставив Вана и его спутника в центр города, машина остановилась на оживленной улице за углом нового семиэтажного здания. «Часовая мастерская «Метрополис»— прочитал профессор на вывеске. Возле широких дверей стояли корзины с цветами. Над дверью висела таблица с надписью: «Церемония открытия часовой фирмы ,,Метрополис''». Она тоже была украшена цветами. Толпившиеся возле входа прохожие заглядывали внутрь, с завистью рассматривая разложенные на стеклянных прилавках сверкающие часы дорогих марок.

Выпятив грудь, Ван в сопровождении Суня вступил на тротуар. Ему навстречу из дверей выбежали несколько человек в парадных костюмах и галстуках — по всей видимости, служащие фирмы. Растолкав зевак у входа, они приветствовали гостя и провели его внутрь. Сунь представил его главе вновь учреждаемой фирмы — лысеющему коротышке со скуластым лицом.

— О, профессор! Прошу, входите!— почтительно проговорил скуластый коротышка.— Мы давно ждем вас.

Вместе с толпой людей Ван вошел в зал и уселся на диване, очевидно специально купленном для этой церемонии. Кто-то из служащих тотчас поднес стакан пенящегося пива. Медленно потягивая темную жидкость, ученый с удовольствием принимал знаки внимания, которые оказывали ему глава фирмы и его подчиненные.

Профессору казалось, что его со всех сторон обволакивает что-то мягкое, словно вата, отчего тело его испытывает приятное томление. Неизъяснимо блаженное состояние!

12-346

В демонстрационном зале вспыхнули двадцать или тридцать светильников, сияние которых отразилось на многоцветных лентах, свисающих с потолка. Слепящий блеск от круглых, овальных, треугольных, шестиугольных часов, развешанных на стенах, слился со сверканием витрин, за стеклом которых были видны мужские и женские наручные часы, сделанные из золота, серебра и других металлов. Особое внимание профессора привлекли массивные часы, украшающие центральную часть стены. Они изображали большого паука, по бокам которого тянулись попарно длинные золотистые лапы. Ван подумал, что такую штуку неплохо было бы водрузить в своем кабинете. Часы, несомненно, придали бы комнате более импозантный вид.

В густой толпе людей, стоявших в передней части зала у входа, возникло какое-то движение. Оттуда донеслись оживленные голоса и смех. Очевидно, прибыли новые именитые гости. Коротышка хозяин, извинившись перед Ваном, поставил стакан с пивом и устремился к дверям.

Мимо профессора то и дело проходили какие-то люди, бросая на него любопытные взгляды. В этот момент грудь профессора непроизвольно выпячивалась, а шея вытягивалась. В другом конце зала он заметил модно одетых дам, щелкая орешки, они весело болтали между собой. Время от времени женщины поворачивали головы в его сторону и пристально его рассматривали, после чего обменивались замечаниями или громко смеялись, склонившись друг к другу. Одна из дам, белотелая и пышная брюнетка, довольно молодая, с приятной внешностью, как-то особенно улыбнулась ему. Он не понял, была ли эта улыбка случайной, но у него стало удивительно приятно на душе. Ощущение блаженства было неожиданно прервано голосом хозяина:

— Господин профессор, пора начинать! Уже ровно двенадцать!

Коротышка был возбужден, и его голос напоминал радостное гоготанье.

Профессор поднялся. Толпа раздалась в стороны, образовав проход, и он в сопровождении хозяина двинулся к дверям. Он чувствовал устремленные на него взгляды людей. В толпе послышались робкие хлопки. Но ему казалось, что громкие аплодисменты сопровождают каждый его шаг. Да, господин профессор, как яркая звезда, украшал сегодняшнее торжество! Он находился в центре всеобщего внимания. Сделав над собой усилие, он разомкнул уста, изобразив на лице подобие улыбки. Его голова вежливо склонялась перед незнакомыми лицами, которые проплывали мимо него.

Поперек парадных дверей была уже натянута длинная красная лента, отделяя присутствующих в зале от прохожих, столпившихся на тротуаре под навесом здания.

Коротышка хозяин подал профессору изящную коробку. Ван приоткрыл крышку, и глаза его загорелись. На дне, на лебяжьем пухе он увидел ножницы, от них исходило золотистое сияние. Профессор взял их в руки. Они показались ему очень тяжелыми. «Наверное, из чистого золота!» — подумал он. Рука, державшая драгоценность, задрожала, и ему надо было сделать над собой усилие, чтобы перерезать красную ленту.

Со всех сторон послышались аплодисменты, одобрительные возгласы. Раздался оглушительный треск хлопушек, которые гроздьями висели у входа под навесом. Едкий селитровый дым, просочившийся в зал, густым облаком окружил гостей. Окутанный дымом профессор сунул коробку в карман. Его мысли были всецело поглощены ножницами, лежащими

в изящном футляре, и он даже не обратил внимания на бокал с коктейлем, который в это время ему поднесли. Он стал поспешно прощаться. Сунь подозвал к дверям магазина такси и помог ему сесть.

Едва переступив порог дома и не успев даже снять пальто, профессор громко крикнул:

— Алань! Алань!

— Что там у тебя?— В дверях появилась жена, вытирая тряпкой полные розовые руки. Ее выщипанные брови сдвинулись к переносице.

— Взгляни! Они из чистого золота и... несомненно, очень дорогие,— проговорил он.

Жена взвесила в руке ножницы, оценивая их с видом опытного специалиста. Затем она достала булавку и сделала на металле несколько царапин. Муж в это время уже сидел на диване и снимал ботинки. Хмыкнув, она швырнула ножницы на чайный столик.

— Старый дурень! Урод! Целыми днями грезишь о богатстве, а не можешь отличить простую медяшку от золота!.. А может быть, ты решил меня разыграть, чтобы доставить себе удовольствие?

— Что ты городишь? Какая же это медяшка?

Не веря жене, профессор взял ножницы и стал пристально их разглядывать со всех сторон. Проклятье! Жена права. Ножницы лишь покрыты позолотой. На лице профессора появилось выражение отчаяния.

— Давай-ка деньги!— Перед лицом Вана возникла широкая, как лопата, ладонь.

— Какие деньги?.. Откуда они у меня?— растерялся профессор, вытаращив на нее глаза.

— Нечего вилять!— прикрикнула женщина.— Сам говорил, что дадут красный пакет!

Поглощенный думами о золотых ножницах,

профессор совсем забыл о пакете, который лежал в кармане пиджака. Он вспомнил о нем лишь сейчас. Ван хлопнул себя по лбу.

— Фу! Совсем память потерял!

Он достал из кармана пакет и обнаружил в нем две красные банкноты.

— Мерзавцы!..— Профессор вскочил с дивана.— Только двадцать долларов! Торгаши! Людоеды!

КЛЕТКА

1

Неслыханно! Госпожа Чжан проснулась на час раньше обычного, чем привела прислугу в состояние тревожного возбуждения. Это обстоятельство особенно встревожило служанку Алань, которая в это время стирала на заднем балконе. Кинув в таз мокрое белье, она со всех ног бросилась в кухню, чтобы включить электрический чайник — подогреть воду хозяйке для умывания. В кухне уже суетилась старая Ашэнь. При виде девушки ее иссохшие от многочисленных горестей губы пришли в движение.

— Уже проснулась!.. Вот беда!— залопотала она.— Какая ты растяпа, Алань! Могла же заранее сказать, что хозяйка нынче встанет раньше! Мне давно пора готовить завтрак, а я только сейчас об этом узнаю... У меня ведь всего две руки!

— Думаешь, она мне сказала?— огрызнулась девушка.— Одному бесу было известно, когда она нынче проснется!

— Странно!— Старая служанка, вздохнув, взяла ложку. Помолчав некоторое время, она, словно обращаясь к себе самой, проговорила:— Работаю здесь уже два года, и не было случая, чтобы хозяйка

встала раньше одиннадцати. Сегодня это впервые. Видно, что-то срочное гонит ее из дома раньше времени. Иначе в эту пору она бы не проснулась. Интересно знать, что это за дело? Обычно она отправляется после полудня: в магазин идет или в кино, а то и в гости... Ах, я старая болтунья! Алань! Кажется, я в чай вместо сахара положила соль!

Молодая горничная не обращала на слова старухи никакого внимания. Уставившись на ослепительно блестевший чайник, она о чем-то задумалась. Из болтовни старой Ашэнь она уловила только одно: у хозяйки неотложное дело и она нынче раньше уходит из дому. Наверно, так оно и есть. Девушка только что заходила в гостиную, чтобы поставить в вазу свежие цветы. Случайно она глянула в окно и увидела шофера Ами, который уже подогнал машину. Обычно в такую рань этот парень-малаец забегает к себе домой... Да, не повезло! Ведь Алань решила сегодня отпроситься у хозяйки на полдня, а теперь, наверно, та ни за что не отпустит. Какая досада! А она-то надеялась легко получить разрешение, так как знала, что хозяйка выходит обычно по пятницам или по субботам, да и то к вечеру, а в остальные дни сидит дома, как и по воскресеньям, с мужем. Правда, хозяйка иногда приглашает знакомых дам, с которыми играет в мацзян[1], и порой игра затягивается до поздней ночи. В такие дни прислуживает не Алань, а старая Ашэнь — и с большим удовольствием, потому что ей кое-что перепадает от игры. Девушка надеялась, что и сегодня вечером будет так же. Почему бы нет? Ведь только что звонила госпожа Ян. Она справлялась о том, встала ли хозяйка, и напомнила о нынешней партии в мацзян. Могла ли Алань предположить, что хозяйке вдруг

[1] Азартная игра в кости (мачжонг).

взбредет в голову уходить из дому?.. И этот негодный Апяо тоже хорош! Не мог заранее предупредить! Тогда все было бы проще. А сейчас как она будет просить у хозяйки отгул? Что теперь делать?..

— Алань, ты что, оглохла? Тебя хозяйка зовет!— Старая Ашэнь толкнула девушку в бок. Алань, словно пробудившись ото сна, схватила таз, плеснула в него горячей воды и выбежала из кухни. Войдя в спальню хозяйки, она увидела, что та уже одета, чего раньше никогда не случалось. В пеньюаре цвета морской волны хозяйка сидела возле окна в кресле, положив руки на подлокотники.

В обычные дни госпожа Чжан, проснувшись, никогда сразу не покидала постели, так как очень любила понежиться. Она лежала, а ее взгляд лениво блуждал по комнате. Он останавливался на голубоватом потолке или на стенах, на таких же голубоватых обоях с замысловатым рисунком, скользил по дорогим безделушкам, светлому ковру. Окна спальни, задернутые занавесями из бирюзового тюля, спускались до самого пола, и даже самые жаркие лучи тропического солнца никогда не вторгались сюда, в атмосферу покоя и уединения.

Госпожа Чжан закрывала глаза, находясь во власти ленивой неги. Не хотелось ни двигаться, ни думать. Казалось, в такие мгновения из головы уходят все мысли. Но странно: в эти блаженные минуты где-то в самом отдаленном уголке сердца вдруг рождалось чувство щемящей тоски и неудовлетворенности, которое постепенно заполняло все ее существо. Отчего оно появлялось? От безделья, от избытка удовольствий? Сначала она не понимала, откуда возникает это ощущение тоски. Действительно, странно. Ведь она решительно ни в чем не нуждается, ее дом, как говорится, полная чаша. Муж не знает счета деньгам, готов выполнить любое ее желание.

Во всяком случае, ей еще ни разу не приходилось сетовать на супруга. Что и говорить — ее муж вполне приличный человек. Получив смешанное, полузападное-полувосточное, образование, он проникся консерватизмом, что свойственно почти всем китайцам старой закваски, которые жили здесь еще при колониальных порядках. Правда, он почти никогда не вывозил жену в гости. Впрочем, вряд ли стоит его в этом винить, ведь у него чаще всего нет свободного времени. Ему одному приходится управлять тремя магазинами, да еще беспокоиться о фабрике, где работают человек сто рабочих. Не удивительно, что он довольно часто вынужден возвращаться домой поздно. К тому же он нередко бывает на разных вечерах и банкетах, где позволяет себе выпить немного вина,— из деловых побуждений, разумеется...

Госпожа Чжан доверяла своему мужу, так как знала, что он никогда не станет из-за каких-то глупостей разрушать семейный уют. И все же, несмотря на все благополучие, госпожа Чжан ощущала неудовлетворенность и пустоту. Каждый день одно и то же: игра с приятельницами в мацзян, в кинотеатре скучнейший фильм с пошлым любовным треугольником, покупка тканей в универмаге... Все это уже порядком надоело. Она знала, что другие дамы или девушки из так называемых приличных семей охотно ходят в гости друг к другу или несколько раз в неделю посещают салон, где встречаются с подругами и знакомыми. Здесь они могут всласть поболтать, хотя, по их словам, заходят сюда вовсе не для праздных разговоров, а чтобы привести в порядок прическу, посоветоваться в косметическом кабинете. В подобных занятиях женщины проводят целые дни. Госпожа Чжан никак не могла привыкнуть к такому времяпрепровождению...

Недавно недалеко от старого «Колд-сториджа»[1] открылся современный универмаг, посетителями которого в основном стали европейские дамы и женщины из зажиточных китайских семей. Хозяин установил в магазине порядок, как в западных странах. Покупатель брал легкую, изящную тележку; толкая ее перед собой, он клал на нее нужные продукты, которые лежали на стеллажах. Тележка подкатывалась к кассе, где и происходил расчет. Госпоже Чжан очень нравилась эта новинка. Но она приходила сюда не только ради нее. В универмаге она могла какое-то время побыть рядом с солидными европейскими женщинами и другими дамами, с кожей такого же цвета, как и у нее самой, но только более знатными и более модно одетыми. В эти счастливые минуты она могла продемонстрировать свое почти безупречное английское произношение; болтая по-английски, она даже забывала про новую забаву — изящную тележку.

Через окно доносился тихий гул морского прибоя. Новый дом, в котором она жила, фасадом выходил на тихую улочку Катонга[2], а другой стороной был обращен к побережью, откуда доносился шум волн, заглушаемый иногда грохотом грузовиков.

Госпожа Чжан, вся еще во власти мягкого ложа, глубоко вздыхала и лениво, как бы с усилием, приоткрывала глаза...

Да, кузина, наверно, права, когда говорит, что жизнь без определенной цели лишена всякого смысла... Ну а ее собственная судьба — разве она сложилась так уж счастливо? Сестра всегда верила только в брак по любви, поэтому и вышла замуж за челове-

---

[1] Крупный универмаг и продовольственный магазин в центре Сингапура.

[2] Большой жилой район на восточном побережье острова.

ка, с которым вместе училась и которого любила. Ее муж в годы учения принимал живое участие во всех студенческих мероприятиях, а после окончания колледжа с головой ушел в общественную деятельность. Человек твердой воли и непреклонных убеждений, он, увы, не отличался завидным здоровьем. Еще в юные годы он заболел туберкулезом, а после года, проведенного в тюрьме, его здоровье окончательно пошатнулось, и вскоре после выхода на свободу он умер, оставив жену с ребенком.

Из-за этого брака произошел крупный скандал. Родственники, считая, что брак с голодранцем — позор, отвернулись от сестры, а потом и вовсе порвали с ней всякие связи. Госпожа Чжан не видела свою кузину вот уже несколько лет, а слухи о ее несчастливой судьбе доходили до нее лишь от матери. Госпожа Чжан сочувствовала двоюродной сестре и порой с искренней печалью размышляла о ее нелегкой доле. Когда-то они учились в одной школе. В то время госпожа Чжан не слишком понимала свою сестру, но уважала ее за твердый характер и обширные знания. Теперь же из-за всяких препон, которые чинили родственники, их встречи с сестрой стали очень редкими. И вдруг недавно на одном из благотворительных вечеров госпожа Чжан неожиданно встретила кузину. Она, пожалуй, не узнала бы ее — ведь они не виделись несколько лет,— если бы эта маленькая худенькая женщина сама не подошла и не поздоровалась. Она была одета крайне просто, даже бедно. Длинное полотняное платье голубоватого цвета, на ногах черные туфли на высоком каблуке. От долгой носки каблуки заметно стоптались, а левая туфля и вовсе потеряла форму. На худом с желтизной лице небрежно наложен слой пудры — видимо по привычке, а не из желания выглядеть красивее. Морщинки возле уголков глаз старили

женщину лет на десять. Лишь глаза ее ничуть не изменились: в них, как и в юные годы, искрился молодой задор, и в то же время они излучали мягкую доброту.

Из разговора с сестрой госпожа Чжан поняла, что та вторично замуж не вышла. Все эти годы она жила в деревушке, где преподавала в школе для детей бедняков. В этой же школе учился и ее мальчик.

— Ты не можешь себе представить, в каком я была отчаянии, когда умер муж,— сказала она.— Собиралась даже наложить на себя руки. Только мысль о ребенке остановила меня... Потом я подумала, что самоубийство — это капитуляция перед судьбой. Я решила, что мне необходимо чем-то заняться, нужно найти какое-то дело — большое и серьезное. Надо почувствовать свою ответственность перед людьми и никогда о ней не забывать. Тогда я вспомнила слова одного русского писателя, который сказал, что жить — это значит трудиться и верить в свое дело; такая вера помогает работать. Так всегда поступал мой муж, он отдал всего себя великой цели. И тогда я решила продолжать начатое мужем, правда, немного по-другому. Сейчас я учу детей, стараюсь помочь им стать полезными людьми. Мне хочется, чтобы они когда-нибудь поняли, что нынешнее общество далеко от совершенства, поэтому им предстоит его преобразовывать, строить новое, более разумное...

В сознании госпожи Чжан отчетливо звучали эти слова двоюродной сестры. Перед глазами возник облик этой рано состарившейся женщины с желтоватым, осунувшимся, но гордым лицом, твердость и спокойствие придавали ему особенную прелесть и даже величие. С того дня госпожа Чжан часто вспоминает ее одухотворенное лицо и его необычную

красоту, и от этого воспоминания в ее душе рождается чувство стыда.

Она поворачивается на другой бок; в большом, доходящем до пола зеркале, вделанном в дверцу гардероба, она видит свое отражение. Лицо, на которое она перед сном наложила густой слой кольд-крема, после ночи выглядит болезненно опухшим и расплывшимся. Да и вообще, ее ли это лицо, всегда вызывавшее острую зависть у приятельниц? Госпоже Чжан становится не по себе. Ее лицо... Благодаря ему она из простой девушки, прозябавшей в бедной семье, превратилась в богатую даму с положением в обществе, а ее родители, брат смогли наконец вырваться из когтей нищеты... Когда же оно так изменилось? С каких пор вдруг стало таким безобразным?

«Вот глупости!— госпожа Чжан засмеялась.— Все это натворил проклятый крем!— успокоила она себя.— Красивая женщина не может сразу, вдруг превратиться в такое чудовище». Она глубоко верила в колдовскую силу своей красоты. И все же... Где-то в глубине души появляется сомнение.

И тогда все вдруг становится постылым: и полумрак, царящий в спальне, и дорогой персидский ковер на полу, и картины с французскими пейзажами, и безделушки, теснящиеся на трельяже...

Такие тревожные мысли теперь часто приходят ей в голову, когда по утрам она рассматривает себя в зеркале — особенно если накануне наносила на лицо слишком много крема.

«Да, каждый непременно должен что-то делать... Без дела жизнь теряет всякий смысл и становится нестерпимой»,— приходит она к заключению.

И она вновь вспоминает слова двоюродной сестры. Но до сих пор она не может понять, что́ сестра имела в виду, когда говорила о вере и убеждениях.

Дон!.. Дон!.. Из гостиной доносятся удары стенных часов. Они бьют десять раз, после чего раздается мелодичный перезвон — мотив из музыкальной пьесы Чайковского. Это музыкальное сопровождение каждый час наводило на мысль о солидности немецкой фирмы, изготовившей часы.

Госпожа Чжан вспоминает, что условилась с сестрой посетить в полдень ее деревенскую школу. Она поднимается и, потянувшись, нажимает на кнопку звонка...

2

Во время завтрака прислуживает Алань, такой порядок сложился давно. Для девушки эта обязанность далеко не из приятных, потому что по утрам аппетит у хозяйки обычно скверный, и завтрак длится бесконечно. Все ей не нравится: и кусочки курицы не слишком нежные, и креветки, которые Ашэнь купила на рынке, недостаточно свежие. Однако сегодня хозяйка была совсем другая. С неожиданным аппетитом она быстро съела все, что было на тарелке, и попросила добавки. Девушка в душе обрадовалась. Как видно, хозяйка встала сегодня в хорошем настроении, значит, ее просьба не вызовет особых осложнений. И все же девушка не решалась сказать хозяйке о своей просьбе. Несколько раз она хотела начать, но слова застревали в горле. Хозяйка покончила со второй порцией, а девушка все не решалась раскрыть рта.

— Алань!— Палочки в руке хозяйки замерли.— Шофер здесь?

— Здесь, госпожа!

— Хорошо! Спустись и скажи ему, что я скоро выйду.

— Слушаюсь, госпожа! — ответила горничная, но с места не двинулась.

— Что с тобой? Почему стоишь? — Глаза хозяйки удивленно округлились.

— Иду... госпожа...

Алань поняла: если не попросить сейчас, то не видать ей сегодняшнего праздника как своих ушей. Это придало ей храбрости.

— Госпожа! Я хотела у вас попросить... можно мне сегодня на полдня отлучиться?

— То есть как? Ты именно сегодня хочешь отлучиться? Разве тебе неизвестно, что хозяин уехал в Гонконг? И мне надо поехать по делам. В доме кто-то должен оставаться. К тому же отпрашиваться следует заранее, по крайней мере накануне. Будто ты не знаешь!

— Знаю, госпожа... только мне самой... сказали... совсем недавно, — пролепетала девушка.

— Какое же у тебя срочное дело? — Госпожа Чжан бросила палочки на стол.

— Сегодня Восьмое марта... Апяо пригласил меня на женский праздник. — Горничная смущенно теребила край кофты.

— Как? Ты собираешься на женский праздник? — Глаза хозяйки широко раскрылись от удивления. Она улыбнулась.

— Да, госпожа! Апяо меня пригласил...

— А кто такой Апяо?

— Мой жених. — Лицо девушки порозовело, она низко опустила голову.

Госпожа Чжан вспомнила, что третьего дня вечером она стояла возле окна спальни и заметила внизу на мостовой какого-то молодого человека. Юноша, вытянув шею, смотрел на окно гостиной и делал какие-то знаки. В тот момент она не поняла, что означали эти странные жесты, но сейчас ей

все стало ясно. В гостиной, наверно, находилась Алань, и молодой человек, стоявший внизу, пытался что-то ей сказать.

— Помнится, третьего дня я заметила у нашего дома какого-то парня. Он, кажется, звал кого-то. Это был он?

— Ну да... Апяо.— Девушка еще ниже опустила голову, смущенная тем, что ее тайна раскрыта.— В тот вечер он звал меня погулять, а я притворилась занятой и не пошла.

— Почему же ты согласилась пойти с ним сегодня?

— Сегодня не просто прогулка, а настоящий праздник.

— Он тебя зовет погулять, а ты ему отказываешь... Не боишься, что он обидится? Ведь он твой жених!

У госпожи Чжан появился к служанке неожиданный интерес.

— Обидится!— Алань прыснула.— Пусть только попробует!— От ее смущения и скованности не осталось и следа.— Скажу вам по секрету, он теперь в полной зависимости от меня. Фабрика, где он работает, вот уже больше месяца бастует. Они там никак не могут договориться. Апяо сидит без гроша в кармане и часто обращается ко мне за помощью. Как это он посмеет на меня обидеться?

Хозяйка вдруг почувствовала к служанке зависть. Она подумала о своей вполне обеспеченной жизни. Конечно, она была неизмеримо богаче Алань, но какой прок от всех ее богатств? Она всего лишь красивая птица с золотистыми перышками, запертая в клетке. Если хозяин доволен своей птичкой, он дорожит ею, как любой дорогой безделушкой. Но наступит день, когда интерес владельца к ней пропадет, и тогда о ней забудут.

Госпоже Чжан не хотелось об этом думать.

— Алань, значит, ты скоро выйдешь замуж?— игриво спросила она.

— Да, госпожа, мы собираемся пожениться в августе,— ответила девушка и, решив, что ее могут неправильно понять, пояснила: — Но я все равно буду работать. Я так решила!

— А как же муж? Возможно, он будет против. Быть может, тебе лучше заняться своим хозяйством?

— Что вы? Мы ведь бедняки, госпожа... Все равно придется работать, даже если Апяо сможет меня прокормить. Я видела многих женщин, которые во всем зависят от мужей! Одни унижения! Нет, я этого не хочу!

Хозяйка промолчала. Слова горничной больно хлестнули по ее самолюбию. Растерянная, она обвела взглядом все эти чашечки да блюдечки, стоявшие перед ней на столе.

— Алань.— Она посмотрела на девушку, все еще стоявшую перед ней.— Так и быть, я тебе разрешаю вечером уйти.

Счастливая девушка повернулась и устремилась к двери.

— Алань!— остановила ее хозяйка.— Куда же ты? Достань тот европейский костюм, который я позавчера купила. Я сейчас уезжаю!

— Да, госпожа! Но вы послали меня предупредить Ами...

— Хорошо! Предупреди его и неси костюм.

Госпожа Чжан подошла к трельяжу и, опустившись на пуф, принялась старательно подкрашивать лицо. В конце этой ответственной процедуры в дверях появилась Ашэнь.

— Хозяйка! Звонила госпожа Ян. Сказала, что приедет играть в мацзян.

— После обеда я занята. Если позвонит снова, скажи, пусть приезжает вечером!

3

Вечернее солнце еще не успело скрыться за городом, а в большой гостиной уже зажглись огни электрической люстры в виде огромного цветка мэйхуа[1] с пятью лепестками. Яркий свет падал на четырех женщин, сидевших за столом для игры в мацзян. Слышалась болтовня, похожая на птичье щебетанье, смех и громкий стук игральных костей.

— Шесть бамбуков! — сказала дама в платье с крупными цветами. Она сидела напротив хозяйки дома.

Госпожа Ян, сидевшая слева от хозяйки, быстро схватила выставленную кость.

— Беру!.. Ай-я! Чистый цвет: три очка![2] — Она радостно засмеялась.

Госпожа Чжан натянуто улыбнулась, блеснули перламутровые зубы. Она принялась считать очки. Ее соседка справа, женщина с лицом, похожим на панцирь краба, возмущенно бросила кости.

— Цзяньтай! Разве так играют! Ведь я как раз жду эту кость, а вы ее перехватываете. Видите, у меня же бамбук, а вы хватаете нужную мне кость и не даете закончить комбинацию!

— Не сердитесь на нее, госпожа Ло! — молвила хозяйка. — Кажется, ваша партнерша сегодня чем-то обеспокоена и поэтому не слишком внимательна. Мы ведь знаем, как она прекрасно играет. Переиграть ее очень трудно.

---

[1] Вид дикой сливы.

[2] Игра в мацзян основана на подборе разных комбинаций, каждая из которых имеет свое название и оценивается по-разному.

Оправдывая гостью, госпожа Чжан почувствовала, что и у нее сердце тоже сжимается от тоски, но она умело скрывала свою тревогу. Она мысленно похвалила себя за выдержку.

Дама с физиономией, похожей на крабий панцирь, встала.

— Цзяньтай! — сказала она. — Извините, я не знала, что у вас какие-то неприятности. — В ее голосе слышались нотки сочувствия.

Эти слова, видимо, задели Цзяньтай за живое. Ее губы дрогнули, но она ничего не сказала, а лишь тяжело вздохнула.

Госпожа Ян, дама весьма острая на язык, не могла упустить такой случай.

— Цзяньтай, — сказала она вкрадчиво, — если вы не решаетесь рассказать сама, тогда объясню я... У нее неприятности с мужем — последнее время он ведет себя просто неприлично. Всем известно, что он уже давно содержит женщину. А недавно он купил для нее квартиру в Катонге и теперь пропадает там с утра до вечера. Представляете, какое настроение у нашей Цзяньтай! До игры ли ей!

Хозяйка дома взглянула на маленькое, похожее на тыквенное семечко, овальное личико Цзяньтай, уже не молодое и несколько поблекшее. Потерявшая свежесть кожа стала кое-где дряблой, возле глаз, у рта, на висках обозначились морщинки. Даже самые изощренные приемы косметики бессильны перед временем. В ее лице еще можно было заметить следы былой привлекательности, но это была красота увядающего цветка, и поэтому она вызывала только жалость.

Госпожа Чжан почувствовала, как тревожно забилось ее сердце. Увы, пройдет десять лет... нет, какие там десять — пять, а то и меньше, и она станет такой же...

— Госпожа Чжан, что с вами? Ваша очередь брать кости!— послышался голос Ян.

Молодая женщина вздохнула и механически протянула руку за костью.

Госпожа Ло с удовлетворением посмотрела на выброшенную партнершей кость.

— По-моему, среди мужчин нет ни одного порядочного,— сказала она своим скрипучим голосом.

— Один круг!— Госпожа Ян в сердцах швырнула на стол кость с изображением круга.— Есть хорошая поговорка: «Душа мужчины — иголка на дне моря»... Ни одному нельзя верить!

— Один круг мой!— сказала Ло и взяла нужную кость.— Это верно... Все они прохвосты... Но правду сказать... и мы хороши! Ничтожные существа! Кто-то сказал о нас, женщинах, так... Вы, женщины, слабые и... Не помню...

— «О женщины, ничтожество — вам имя!»— напомнила госпожа Чжан.

— Вот-вот! Именно так! Не будь мы такими бесхарактерными, прояви мы твердость, и скрутили бы мы наших мужчин в бараний рог!.. В старинных книгах рассказывается, что когда-то власть была у женщин, а мужчины были рабами!

— Ах, госпожа Ло! Вы кажетесь именно такой женщиной!— промолвила Цзяньтай со вздохом.

И в самом деле, госпожа Ло обладала поистине железным характером. Всем было известно, как помыкает она своим мужем. Всем памятна ее бурная деятельность во время прошлых городских выборов. Ей удалось тогда собрать солидную сумму для поддержания кандидатуры своего мужа. Злые языки поговаривали — и не без основания,— что две трети голосов были добыты благодаря ее бешеной активности. И, как видно, старалась она не зря: теперь она — супруга депутата муниципалитета. А госпо-

ции Ло проникся к жене необыкновенным почтением и покорно внимает всем ее рекомендациям. Без нее он не начинает ни одного дела, даже самого мелкого, как кунжутное семечко, а всегда обращается за советом к супруге.

Комплимент Цзяньтай доставил большое удовольствие супруге депутата муниципалитета. Красноречие ее теперь нельзя было ничем остановить.

— ...Ведь что творится! Мужчины без конца издеваются над нами, беззащитными женщинами! Унижают нас на каждом шагу! Просто возмутительно!.. Ах, Цзяньтай, какая вы, право, робкая! На вашем месте я потребовала бы развод!

— Я... я думала об этом.— На глазах несчастной женщины блеснули слезы.— Но мне жалко детей... И еще... если я от него уйду, как я буду жить?

«Увы, вот в чем наша трагедия!— подумала госпожа Чжан.— Все мы от кого-то зависим и безропотно несем это бремя. Мы, как птицы в клетке, только утеха для нашего владельца. И если однажды клетка откроется перед нами, у нас даже не хватит смелости улететь...»

Она услышала свое имя, и это вывело ее из задумчивости.

— Самая счастливая из всех нас, конечно, наша хозяйка, госпожа Чжан. Муж у нее превосходный человек — порядочный и обожает свою жену!

Молодая женщина внимательно посмотрела на Ин, которая произнесла эту фразу. Что это, ирония? Или гостья сказала эти слова от чистого сердца? Она помедлила с ответом, а потом, как бы размышляя вслух, проговорила:

— Да, я счастлива...

Сейчас она испытывала к такому счастью только отвращение. Она вспомнила двоюродную сестру, которую видела сегодня в далекой деревушке, в школе

для детей бедняков. От этой поездки у нее сохранилось светлое воспоминание, словно она прикоснулась к чему-то чистому и благородному. Сестра сказала ей, что сейчас в школе не хватает одного учителя, и госпожа Чжан без долгих раздумий согласилась занять это место. Правда, сначала сестра приняла эту готовность за шутку, и госпожа Чжан даже немного обиделась, но, подумав, поняла, что у сестры были все основания для сомнений. Да и у нее самой не было полной уверенности. По всей вероятности, муж просто не одобрит ее решения стать учительницей в этой захудалой школе. Но неожиданно она ясно поняла: она, несмотря ни на что, станет учительницей и будет учить детей бедняков. Конечно, муж воспротивится. Ну и пусть. Это ее уже не страшит. Она обретет самостоятельность...

— Госпожа Чжан! Ваша очередь!

Молодая женщина взяла из горки кость и автоматически выбросила свою.

— Пустышка!.. Три очка мои! — раздался скрипучий голос супруги господина депутата муниципалитета.

КОМНАТКА У ЛЕСТНИЦЫ

Все утро госпожа Вэнь трудилась — командовала рабочими, которые приводили в порядок комнату возле лестницы, после чего села в машину и направилась в школу за девушкой, чтобы привезти ее к себе домой. Ей, конечно, пришлось немало повозиться, но все-таки часть дела была сделана. Сейчас она едва переводила дух от усталости, но чувствовала себя довольной. Госпожа Вэнь взглянула на большие стенные часы в холле — стрелки показывали почти половину первого. От Цзэнов из Катонга вот уже

три раза звонили — приглашали на партию в мацзян. Госпожа Вэнь вздохнула. С трудом передвигая ноги и раскачивая массивным задом, она пошла наверх. Если бы она раньше знала, что ей придется то и дело спускаться и подниматься по этой проклятой лестнице! Нет, госпожа Вэнь определенно недовольна приобретением своего мужа: этот европейский дом, ну что в нем хорошего? Куда лучше одноэтажное бунгало. Сколько бы сил она тогда сохранила! Поднимаясь в верхние комнаты, она постоянно кляла мужа за его покупку. Войдя в спальню, госпожа позвала служанку и велела принести теплой воды для умывания. Затем села за туалетный столик перед зеркалом и стала пудриться, а потом подвела широкую линию бровей. Теперь дело оставалось за нарядом. Она достала из гардероба брюки кофейного цвета, сшитые по европейской моде, и примерила светло-желтую блузку с цветочками самых разных оттенков. Застегнув пуговицы, она обнаружила, что блузка ей тесна, грудь сдавило так, что не вздохнешь. Вот напасть! Ведь она сшила ее на заказ всего месяц назад у «Голдэн леди», в лавке, что у Ворот Нарциссов[1]. Прошло несколько недель, и вот на тебе — блуза тесна. Значит, она снова располнела. Госпожа Вэнь вдруг вспомнила слова, которые она где-то услышала еще очень давно: «Толстая женщина родить не может». Тогда она не придала им никакого значения. Но вот прошел год после замужества, второй, третий... Ее сестры и подруги, которые вышли замуж примерно в то же время, обзавелись большими семьями. У некоторых полдюжины детей, а то и больше. А у нее никого, ну хоть кто-нибудь бы родился! Многочисленные лекарства, которые она принимала, никакой пользы не приносили. Она об-

[1] Один из центральных районов Сингапура.

ратилась к врачам. И что бы вы подумали? Эти мошенники, будто сговорившись, в один голос заявили: надо худеть. А худеть — значит ничего не есть. Уж этому-то госпожа Вэнь поверить никак не могла. Кому суждено быть толстым, таким и останется, даже если в день будет съедать полчашечки жидкого рисового отвара. Сейчас ей исполнилось тридцать четыре года. Она вот уже двенадцать лет замужем, но детей так и нет. Очевидно, ей и впрямь не суждено родить. Наверное, те слова действительно справедливы: толстая женщина родить не может. Госпожа Вэнь бросила взгляд в зеркало и увидела колышущуюся груду мяса, которая вот-вот вывалится из одежды. Госпожа Вэнь снова вздохнула. Вдруг она представила себе свою двоюродную сестру. Худая как щепка (ну прямо живой мертвец!), сестра тем не менее ухитрялась чуть ли не каждый год рожать по ребенку. Сейчас у нее уже целый выводок — не меньше дюжины. Всякий раз, когда сестры встречались, госпожа Вэнь думала: рано или поздно дети сведут ее в могилу. Но в то же время госпожу Вэнь глодала зависть.

Женщине в ее возрасте не иметь детей — сущее наказанье. Еще древние мудрецы говорили, что из трех видов непочитания родителей самое страшное — не иметь потомства. Госпоже Вэнь не пришлось ходить в школу, и она никогда не читала книг древних мудрецов. В конце концов, она могла и пренебречь их заветами. Но вот господин Вэнь, ее супруг... вот где загвоздка! Госпожу Вэнь все чаще тревожила мысль, что муж рано или поздно ей скажет: «Ты бесплодна» — и найдет себе непутевую девку где-нибудь на стороне. Да, это будет настоящее бедствие. Что же, делать нечего: придется потратиться и взять на воспитание ребенка. Может быть, муж не станет тогда помышлять о другой женщине. Но когда она

посоветовалась с ним, он решительно запротестовал. Ребенок, мол, вырастет, пойдет в школу, ему потребуется свидетельство о жительстве, а оно выдается, только когда есть документ о рождении. Изменить фамилию или имя нельзя. Вот и получится, что растили как будто своего ребенка, а вырастили зря — для чужих. Нет, дело это невыгодное. Госпожа Вэнь согласилась с доводами мужа. Действительно, если у ребенка будет фамилия родного отца или матери, он, став взрослым, может вернуться к ним, а если и останется с приемными родителями, все равно чувства его будут уже не те. Вот и получается: куда ни кинь — всюду клин.

Как-то госпожа Вэнь отправилась повидать свою мать. Жена брата в беседе с ней рассказала историю соседки — девушки лет пятнадцати, которая учится в европейской школе. Девушка встречалась с каким-то пройдохой парнем, тот воспользовался ее наивностью, и вот сейчас она беременна. Только об этом не знает ни одна душа. Бедняжка! И тут госпожу Вэнь осенило: «Надо купить чрево». Не долго думая, она направилась к матери ученицы и предложила взять на себя все расходы вплоть до родов. Только когда родится ребенок, будь то мальчик или девочка, они отдадут его госпоже Вэнь и он получит ее фамилию. В случае рождения мальчика госпожа Вэнь готова заплатить пятьсот долларов наградных, если родится девочка — триста. Об этой сделке она рассказала мужу, и тот ее одобрил.

Сегодня она привезла девушку к себе домой. «Чтобы лучше за ней ухаживать»,— объяснила она. Теперь госпожа Вэнь может спокойно ждать появления на свет ребенка, а потом станет его матерью.

Довольная собой, госпожа Вэнь решила, что можно поехать к Цзэнам на партию мацзяна. Надо принарядиться для визита. Да, в желтой блузке можно

просто задохнуться. Госпожа Вэнь сменила ее на легкую шифоновую кофту светло-коричневого цвета с короткими рукавами. Ее наряд дополнили туфли на высоком каблуке. Госпожа Вэнь направилась к выходу. Возле комнатки у лестницы она остановилась и толкнула полуоткрытую дверь. Девушка неподвижно сидела на узенькой кроватке, прислонившись к подушке и устремив взгляд в окно. Мысли ее были где-то там, за окном. А может быть, она ни о чем не думала. Кто знает? Из распахнутого настежь окна в комнату врывался солнечный свет. Он падал на лицо девушки и как-то особенно подчеркивал ее вздернутый носик и острый подбородок.

— Ай-я!— воскликнула встревоженная госпожа Вэнь.— Я ведь велела тебе лежать. Ложись-ка в постель. Ты устала и должна отдохнуть. Иначе это отразится на ребенке.

На лице девушки появилась виноватая улыбка. Она легла и, уставившись в потолок, снова погрузилась в задумчивость.

Госпожа Вэнь облегченно вздохнула и повернулась к двери. Тут ей на глаза попалась бутылочка с куриным бульоном, которая стояла на столе.

— Как? Ты все еще не съела? Он же остыл!— заволновалась она.

— Мне не хочется.— Девушка покачала головой.

— Обязательно поешь. Надо беречься, тогда роды пройдут нормально.

Девушке было неприятно слушать эту чужую женщину, которая говорит о ее будущем ребенке. Ох! Как же сейчас она ненавидела этот мир: парня, который сыграл с ней злую шутку, родителей, которые, погнавшись за наживой, отдали ее сюда, а точнее говоря, продали этой болтливой толстухе. И вот сейчас она лишилась всякой свободы.

Но, несмотря на горечь и гнев, которые перепол-

няли ее душу, она не стала протестовать и, когда госпожа Вэнь велела служанке подогреть бульон, выпила его.

Убедившись, что девушка исполнила ее приказание, госпожа Вэнь успокоилась и, довольная, вышла из комнаты, плотно закрыв за собой дверь. Спустившись вниз, она собралась было покинуть дом, но, о чем-то вспомнив, пошла на кухню. Служанки Аци и Ланьцзе болтали, занимаясь хозяйственными делами. Как только появилась хозяйка, они сразу замолчали.

— Ланьцзе! — обратилась госпожа Вэнь к девушке помоложе в белой косынке.— Настой сварился?

— Нет, хозяйка,— ответила та.

Госпожа Вэнь приоткрыла крышку кастрюли и, испуганно вскрикнув, втянула голову в плечи. В лицо ей ударил пар. По кухне распространился резкий запах какого-то снадобья.

У входной двери раздался звонок.

— Аци, сходи посмотри, кто там пришел,— приказала хозяйка. Аци пошла к двери.

— На три чашки воды чашку настоя, не забыла?— сказала хозяйка Ланьцзе и посмотрела на часы.— В четверть второго отнесешь этой мисс. Она только что съела бульон...

— Хозяйка! — раздался голос Аци, которая появилась в дверях.— Там госпожа Цзэн...

Госпожа Вэнь поспешила к гостье, которая уже сидела на диване в холле, обмахиваясь веером.

— Госпожа Вэнь! — вскричала гостья, увидев хозяйку дома.— Почему вы не пришли ко мне? Госпожа Лу и Мари уже давно у меня, не хватает только вас. Ждали-ждали, а вас все нет. Стали волноваться, уж не случилось ли чего. Решила сама поехать и узнать... А у вас, оказывается, радость! — Гостья захихикала.

— Ох уж и радость! Вам бы все шутить! А я с ног сбилась от усталости, чтобы заполучить эту радость в свой дом!

— Неужели она здесь?— гостья вскочила. Она вся горела от возбуждения и любопытства.— Где же она?— Щуплое, костлявое создание со сморщенным лицом старой обезьянки, она была полной противоположностью толстой хозяйке.

— Там, наверху!— ответила Вэнь.

— Можно на нее взглянуть?— В голосе госпожи Цзэн послышалось нетерпение.

— Видите ли...— Подведенные брови госпожи Вэнь сошлись в одну широкую линию. Чувствуя некоторое замешательство, она обдумывала ответ.— Как вам сказать... Ведь это совсем еще девочка, ей только пятнадцать... Она очень пуглива.

На сморщенном лице обезьянки появилась хитрая улыбка.

— Вот оно что! Госпожа Вэнь, вы же знаете меня, я человек, умудренный житейским опытом, и все прекрасно понимаю. Не стану же я врываться в комнату и ставить эту девицу в неловкое положение. Я просто загляну в замочную скважину, вот и все. Успокойтесь, пожалуйста!

— Это другое дело! Пойдемте!

Обе женщины крадучись поднялись по лестнице и приблизились к комнатке наверху...

Через полчаса, когда компания в полном составе сидела у Цзэнов в холле и играла в мацзян, госпожа Цзэн красочно живописала то, что ей удалось увидеть в замочную скважину...

— Смотрю, а она все ходит по комнате, все ходит. И вот что я вам скажу, госпожа Вэнь: будет у вас мальчик. Это я вам гарантирую. Вы заметили, как она поворачивается? Нет? Она сначала поднимает левую ногу.

— Неужели?— оживилась госпожа Вэнь.— Этому можно верить, госпожа Цзэн?— Ее круглые глаза уставились на собеседницу. Она даже забыла взглянуть на игральную кость, которую бросила партнерша.

— Почти на сто процентов! Как-то в доме Динов я встретилась с их молодой невесткой. Она как раз была тогда в положении. По ее походке я тогда сразу определила: у нее непременно будет мальчик. Так и вышло. Сегодня я заметила, что живот у этой девицы небольшой и вроде как бы выдается вперед. Это значит — мальчик. Если женщина носит девочку, живот у нее плоский и ровный. Это уж точно!

Госпожа Лу, молодая дама в платье небесно-голубого шелка, сидевшая рядом с хозяйкой, засмеялась.

— Если слова госпожи Цзэн сбудутся, вас можно поздравить уже сейчас, госпожа Вэнь.

— Мальчик или девочка, не все ли равно?— проговорила с напускным безразличием госпожа Вэнь, однако чувствовалось, что эти слова ей пришлись по душе.

— Что вы! Как можно так говорить!— воскликнула госпожа Цзэн.— Девочку, какая она ни хорошая, рано или поздно придется выдавать замуж. Выйдет замуж, поменяет фамилию, значит, как будто нет уже больше никаких твоих заслуг. А сколько сил в нее вложили! Или еще — вырастет непослушной, строптивой, вроде этой ученицы, спутается с каким-нибудь шалопаем и на тебе — до замужества уже растет живот! Позору не оберешься!

В этот момент раздался голос Мари:

— Один круг!— По ошибке она выбросила кость с изображением круга, а теперь тянула ее обратно. На лице Мари появилась гримаса недовольства.— Не везет женщинам!— проговорила она, и в ее голосе

послышалось плохо скрытое раздражение.— Вот поэтому я, Мари Фэн, дала клятву никогда не выходить замуж и не встречаться с мужчинами, потому что все они негодяи.

Госпожа Лу украдкой взглянула на говорившую и в душе позлорадствовала: с этакой внешностью — и замуж? Какой мужчина тебя возьмет? Один нос чего стоит — острый, загнутый, будто куриный клюв. Вот и приходится сейчас петь о достоинствах одинокой жизни да ругать мужчин. Все равно как в поговорке: не отведав винограда, тверди, что он кислый. Госпожа Лу хотела было съязвить, но, не найдя подходящих слов, заметила:

— Снова вы о своем!

Вдруг обезьянье личико хозяйки приняло озабоченное выражение:

— Госпожа Вэнь! А вы не боитесь, что взяли в дом такую симпатичную девицу?

— Почему я должна бояться?— Госпожа Вэнь в этот момент внимательно рассматривала свои кости и не прислушивалась к словам хозяйки.

— Я говорю о вашем супруге,— пояснила госпожа Цзэн.

— О моем муже? Он одобряет мое решение.

— Хм! Ему бы не одобрять!—бросила Мари и клюнула носом.— На мой взгляд, все мужчины истинные мошенники и народ ненадежный.

— А и верно, госпожа Вэнь, вам следует поостеречься!—поддержала собеседницу госпожа Лу.— Я тоже думаю, что вы приняли слишком опрометчивое решение. Все-таки молоденькая девушка, а вы ее прямо в дом...

— Ах, вот вы о чем! Вы имеете в виду моего мужа? Считаете, что он ненадежен?.. Не думаю. Он боится меня и не осмелится на дурной поступок.— В голосе госпожи Вэнь чувствовалась большая уверенность.

— Так ли?— усомнилась госпожа Цзэн.— Какой котик не любит сливок? А здесь молодая девица, и прямо под боком. Всякое может случиться! Мне кажется, госпожа Лу права, вам следует быть осторожной.— Лицо ее стало серьезным, как у наставницы, которая читает мораль своей ученице.

Вначале госпожа Вэнь не придала этим словам большого значения, но все-таки на душе у нее стало как-то неспокойно. Тревога мало-помалу росла. «Мужчины — народ ненадежный». А ведь и правда, очень верные слова. Вот, например, эта бедненькая ученица. Кто ее обольстил и довел до такого состояния? Мужчина. Или ее муж, господин Вэнь. С виду он порядочный и во всем слушается жену. Но уверена ли она, что в его смирении нет ни грана лжи? А если она выйдет куда-нибудь из дому и он останется наедине с этой девицей?.. Да, действительно, это очень опасно. Эх! И она хороша. Как она сразу не сообразила!

Чем больше об этом думала госпожа Вэнь, тем неспокойнее становилось у нее на душе. Как только кончилась первая партия, она бросилась к телефону узнать, вернулся ли муж. Аци ответила, что хозяин не пришел, но он звонил и сказал, что у него какое-то срочное совещание, а после него банкет, поэтому к ужину он не вернется. Госпожа Вэнь облегченно вздохнула — у нее с души словно свалился тяжелый груз.

Вечером, дождавшись мужа, который приехал с банкета, она проводила его до постели и успокоилась лишь тогда, когда убедилась, что он уснул. Веки ее сомкнулись. Она не помнила, сколько прошло времени. Сквозь дрему она почувствовала какое-то движение и заметила, что муж вдруг встал с постели и направился к двери, открыл ее и вышел. Охваченная тяжелым предчувствием, госпожа Вэнь немного

погодя пошла за ним, распахнула дверь комнатки возле лестницы и что же увидела? Муж и девица лежат в обнимку совершенно голые. Она слышит их любовное воркованье и развратный смешок. Госпожа Вэнь затряслась от негодования и громко позвала людей. Но на крики никто не отозвался. Тогда она бросилась к распутникам, собираясь разъединить их, но руки вдруг стали какими-то мягкими, бессильными. Вдруг муж вскочил с ложа и бросился к столу. В его руке сверкнул нож. Он схватил госпожу Вэнь за волосы. Глаза его сверкали от бешенства. Госпожа Вэнь стояла ни жива ни мертва, словно разбитая параличом... Сердце громко стучало в груди. Она широко раскрыла глаза и посмотрела вокруг. Проклятый сон! Госпожа Вэнь протянула руку — место, где должен был находиться муж, пустовало. Она быстро приподнялась и повернула выключатель. Муж исчез. Госпожа Вэнь вскочила с кровати и сунула ноги в шлепанцы. Она собралась было выйти из комнаты, как вдруг заметила мужа, который появился из ванной, дверь которой находилась позади кровати.

— Куда тебя понесло, на дворе еще ночь,— лениво и сонно проговорил он, ложась в постель.

— Я... просто так...

Госпожа Вэнь легла и накрылась одеялом. Картина из сна все стояла у нее перед глазами, не давая уснуть. Наконец она уснула, но ей снова и снова виделись страшные, безумные глаза мужа. И она слышала слова: «Мужчины — народ ненадежный...»

Рано утром госпожа Вэнь села в машину и направилась на рынок Чжэньчжуфан. Вернулась она с покупкой — большим медным замком. Днем, перед тем как ехать к госпоже Цзэн на партию в мацзян, она снова подошла к комнатке у лестницы. Сначала заперла дверь на внутренний замок, после чего сна-

ружи повесила тот, большой, металлический, который только что приобрела на рынке.

Щелчок замка вывел девушку из оцепенения. Вскочив со своего места, она подбежала к двери и принялась изо всех сил стучать в нее кулаками.

— Почему вы меня заперли?..— громко кричала она.— Сейчас же откройте дверь! Выпустите меня!.. Откройте!..

ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Все началось в прошлом году, в тот злополучный день сразу же после рождественских праздников. Этот день хорошо запомнился Чокнутому. Возле европейских оффисов на Раффлз-плейс[1] царило обычное оживление, а торговые улицы, примыкавшие к Воротам Нарциссов близ Сити-холл и Верховного Суда, снова заполнились густыми толпами прохожих. Было около часа дня, когда у начала Хай-стрит появился автобус десятого маршрута. Шофер-бенгалец, непрестанно чертыхаясь, стал притормаживать машину, чтобы случайно не наехать на бестолково снующих пешеходов — куда-то спешащих местных дельцов, европейских женщин с детскими колясками, пришедших сюда за покупками.

Набитый пассажирами автобус остановился возле Стамфорд-кэнэл[2]. Несмотря на ожесточенное противодействие кондуктора-клинга[3], в него втиснулся еще один человек — пузатый мужчина с портфелем под мышкой, по всей видимости, из числа тех, кого

[1] Центральная часть Сингапура, где расположены учреждения и магазины.

[2] Европейское название района Ворота Нарциссов.

[3] Клинг — одно из названий тамилов.

называют здесь датоу[1]. Его круглое, как шар, брюхо, казалось, превосходило своими размерами живот готовящейся к родам женщины.

Брюхатый надавил на пассажиров с такой силой, что, если бы Чокнутый не проявил ловкость и вовремя не вцепился в кожаную петлю, свисавшую с потолка автобуса, он непременно оказался бы на коленях женщины, которая сидела перед ним.

Чокнутый выругался про себя, однако вслух ничего не сказал, а лишь пристально посмотрел на толстяка. Смешно втянув в тело короткую шею, всю в складках жира, тот стоял перед ним, схватившись одной рукой за ремень, а другой прижимая к своему боку портфель. На Чокнутого он не обращал никакого внимания.

На толстяке была белоснежная рубашка и синие брюки. Чокнутый невольно оглядел свою застиранную, измятую одежду и проглотил слюну. В его душе зашевелилось какое-то неприятное чувство, причину которого он никак не мог уразуметь. Может быть, оно возникло оттого, что ему вдруг стало стыдно за свой неопрятный вид, или от неожиданного раздражения, вдруг охватившего его...

Недаром говорят: когда человек в беде, бесы гонятся за ним по пятам. Именно так и было в последние дни с Чокнутым. А сегодня ему особенно не везло.

Чокнутый ехал сейчас из Каланга[2] от своей тетки, он надеялся перехватить у нее немного денег — хотя бы долларов десять. Однако старая ведьма, промышлявшая ростовщичеством, наотрез отказала.

— Не дам!— отрубила она.— Даже под проценты не дам! Потому что денег у тебя никогда не бу-

---

[1] Большая голова. *Здесь:* человек с положением.

[2] Район Сингапура невдалеке от восточного побережья.

дет... Ищи работу, сопляк! Вниз катишься! Точь-в-точь как твой покойник папаша, пьяница. И за какие только грехи моей сестрице досталось такое счастье!

«Стерва! — ругнулся в душе Чокнутый. — Денег не дала, да еще припомнила покойного отца и больную мать приплела».

В тот момент в квартире на третьем этаже, кроме них, никого не было, и Чокнутый разговаривал с проклятой ведьмой с глазу на глаз. Он свирепо посмотрел на старуху, похожую на хищную птицу с крючковатым клювом. Во время разговора тетка все время стояла возле покрытого красным лаком массивного шкафа, запертого на три висячих замка. В его голове пронеслась мысль, отчаянная и страшная. Стоит только протянуть руку к этой тощей дряблой шее, легонько сдавить ее, и тщедушное тело старухи сразу же превратится в безжизненный мешок с костями. Нашарит у нее за пазухой связку ключей — и все жизненные проблемы разом будут решены... руки у него задрожали, а ладони стали липкими от пота. Он вздрогнул. Резко повернувшись, он бросился вниз по лестнице, прочь из этой проклятой квартиры.

Вспомнив сейчас недавно пережитую сцену, Чокнутый со страхом подумал: задержись он еще немного в той квартире на третьем этаже, и произошло бы нечто ужасное, непоправимое.

— Предъявите билет!.. Ticket! — Перед юношей возникло темное бесстрастное лицо кондуктора. Чокнутый помахал перед его носом бумажкой, и тот повернулся к толстяку.

Толстобрюхий вытащил из кармана тяжелый кошелек и, не торопясь, открыл его. Чокнутый увидел пачку красных ассигнаций, которые сразу же произвели на него впечатление. Кошелек быстро закрылся и последовал в карман брюк, но молодой че-

ловек заметил, что краешек его торчал из кармана. Стоит только протянуть руку — и кошелек у него! Чокнутый услышал громкое биение своего сердца: тук, тук... Но рука осталась неподвижной.

«Проклятье!— подумал он с раздражением.— Почему у меня сегодня в голове все время вертятся гнусные мысли?!»

Ему вспомнились слова матери: «Человек даже в самом безвыходном положении все равно должен оставаться честным!»

Шофер-бенгалец неожиданно затормозил, и машина резко остановилась. Пассажиров, не ожидавших толчка, бросило вперед, и, потеряв точку опоры, они рухнули друг на друга. Толстобрюхого, как и всех других, сильно качнуло, но он все же устоял на ногах, лишь еще крепче вцепился в ремень. Вдруг Чокнутый почувствовал, что на ногу ему что-то упало. Парень скосил глаза вниз. На полу автобуса лежал кошелек толстобрюхого. Сердце юноши заколотилось в груди. Он наклонился, поднял бумажник, однако сразу не отдал его владельцу, а на какой-то момент замешкался, будто колебался. Его рука ощущала мягкую кожу.

Вдруг раздался визг, словно свинью пырнули ножом.

— И-и-и!.. Мой кошелек!.. Украли!

Чокнутый вздрогнул. Рука, сжимавшая кошелек, задрожала.

— Здесь он, у меня...— проговорил юноша, запинаясь.

— Ах ты, подонок! Значит, это ты его утащил!— Толстобрюхий рванул кошелек к себе.

Автобус пришел в большое волнение.

— Жулик! Вор!— послышались крики.

— Вот стервец! В один миг упер!

— Не крал я его!— стал оправдываться юноша.—

Я только поднял и хотел отдать.

Но Чокнутого не стали слушать. Он почувствовал резкую боль от удара по левой щеке.

— Ишь смелый, сволочь!— проговорил какой-то жирномордый субъект с золотой серьгой в ухе; расталкивая пассажиров короткими мускулистыми руками, он протискивался к нему. На юношу уставились бычьи глаза, затянутые сеточкой красных сосудов.— А ну, пошли со мной!

— Я не вор! Я не крал!— попытался объяснить парень.— Он сам обронил кошелек.

— Хватит врать! Пошли!— Сильная рука схватила молодого человека за шиворот.

— Никуда я не пойду!— упирался изо всех сил Чокнутый.— Я не вор!

— Говорят, иди за мной!— Мужчина извлек из кармана брюк блестящие наручники. Парень сник.

Автобус подкатил к полицейскому участку, и Чокнутого, как жалкого цыпленка, бросили в зловещее здание, окруженное высокой стеной с колючей проволокой.

Вначале он пытался возмущаться, даже кричал и грозился, но мало-помалу свыкся с мыслью о заключении. Время берет свое. Днем вместе с другими узниками его гнали во двор, где он занимался унылым и тяжелым трудом, а вечером, как и все, он возвращался в свою крохотную камеру, чтобы провести на холодном цементном полу еще одну долгую ночь. Все связи с внешним миром, казалось, разом оборвались, и о той жизни, которая текла за окном камеры, ему напоминала лишь старая мать, раза два навестившая его в тюрьме. Скоро она перестала приходить, так как слегла больная, не вынеся горя, которое обрушилось на нее.

Через полгода он получил долгожданную свободу. Однако мир нисколько не посочувствовал ему за

то, что его бросили в тюрьму по глупой ошибке. Вместо жалости к себе он увидел лишь одно презренье. Люди больше не верили ему, косились, когда он приближался к ним, или уходили прочь, будто он прокаженный.

Найти работу стало совсем трудно. Хозяева, к которым он обращался с просьбами, узнав, что он сидел в тюрьме, наотрез отказывали ему. Правда, некоторые, не знавшие о его заключении, иногда все же нанимали его на работу, но, едва узнав о его прошлом, тут же под разными предлогами увольняли.

После долгой полосы безработицы Чокнутому с грехом пополам удалось устроиться разнорабочим в лавке, которая носила громкое название «Добродетель и счастье». Работа и впрямь оказалась на редкость разнообразной. Торговыми делами ведал сам хозяин, походивший на хорошо откормленного борова, да его родственник — молодой бездельник с прыщавым лицом. Этот лоботряс числился в лавке приказчиком, но свои обязанности не исполнял, поскольку делать ничего не умел. Чокнутому пришлось работать за него. Он зазывал у входа покупателей, вел торговлю в лавке и помогал хозяйке на кухне — даже стряпал пищу. Нередко хозяйка заставляла его сажать на горшок детей, менять мокрые пеленки. По существующим правилам каждому приказчику или подмастерью полагалось иметь один выходной день в неделю, однако хозяин лавки «Добродетель и счастье» всячески обходил этот порядок. В выходные дни Чокнутый был обязан находиться в лавке. Работая с утра до позднего вечера, он получал сущие гроши: не больше пяти — десяти долларов в месяц.

Но Чокнутый не роптал. Все, что ему пришлось пережить в последнее время, казалось, сделало его стойким. К тому же его теперешняя работа была

ничуть не хуже той, которую ему доводилось выполнять в других местах. Зато в этом отдаленном районе острова его никто не знал, а значит, никто не мог ему напомнить о прошлом, о котором он сейчас боялся даже подумать. Больше всего он хотел, чтобы все в этом мире забыли о нем, забыли навсегда.

Покупателей в лавке было мало, и торговля шла вяло. Обычно заходили лишь несколько женщин, что жили по соседству. Утром или вечером, возвращаясь с базара на Серангун-роуд, где торговали свежей рыбой и овощами, они вдруг вспоминали, что им надо кое-что купить для дома: сахар, лапшу, сушеных креветок, мыло, туалетную бумагу или другие бытовые товары. Никто из соседок не знал истории молодого человека, и некоторые, кому этот молчаливый парень пришелся по душе, даже просили его иногда принести продукты на дом. Возможно, раньше он постарался бы как-то этим воспользоваться, но сейчас он гнал прочь эти мысли. Главное, ему надо сейчас продержаться год-другой, пока прошлое не отпустит его.

Он ушел в работу с головой и трудился не покладая рук. С его уст никогда не слетало ни слова обиды или недовольства. Чокнутый почти никуда не отлучался, а с наступлением темноты, заперев двери лавки, тотчас шел спать. Толстяк хозяин, которому угодить было очень трудно, как будто был им доволен.

И все же случилось так, что однажды он встретил здесь человека, который его узнал. Приближался полдень. Слепящие лучи солнца заливали узкий проулок, состоявший из старых ветхих домов. Утренний прилив покупателей схлынул, и ждать их в эти часы было почти бесполезно, поэтому Чокнутый решил закусить. После еды он притащил к дверям ворох старых газет, нарезал их на ровные квадраты

и, смочив края бумаги клейстером, принялся мастерить треугольные кульки.

Мимо лавки, трясясь на выбоинах в асфальте, промчался большой грузовик, доверху нагруженный коробками. Густой шлейф пыли, поднявшейся за машиной, повис в воздухе, скрыв на какое-то время всю улицу. Брови Чокнутого нахмурились.

«Ох уж эти королевские власти[1], до сих пор не удосужились починить мостовую!» — подумал он.

В обычную погоду на улице от малейшего ветерка поднимался настоящий смерч, а во время дождя она превращалась в болото, наполненное клейкой жижей. Покупатели, с трудом извлекая ноги из липкой глины, несли грязь в лавку, и после их посещения Чокнутому приходилось хорошенько отдраивать пол.

Когда пыль осела, Чокнутый снова увидел дом, стоящий напротив лавки. В нем была аптека под названием «Зал вечной весны». Внезапно под навесом здания Чокнутый заметил фигуру, которая показалась ему очень знакомой. Он внимательно пригляделся. Сомнений быть не могло: Серьга! Сердце молодого человека екнуло. Прохожий повернул голову и, заметив парня, двинулся через улицу к лавке. Левая сторона его лица была обращена к юноше, и Чокнутый отчетливо увидел в его ухе серьгу, которая светилась тусклым желтым блеском. Из узких щелочек глаз на юношу уставились злые зрачки. В уголках губ притаилась холодная хищная улыбка.

«Зачем он идет ко мне? Зачем?» — пронеслось в голове. Чокнутому показалось, что его сердце остановилось. У него засосало под ложечкой.

Но человек, который уже почти успел пересечь

---

[1] Действие рассказа происходит в ту пору, когда Сингапур входил в состав Британской империи.

улицу, неожиданно повернулся и быстро зашагал в сторону.

Словно гора упала с плеч. «Пронесло!» Чокнутый с облегчением вздохнул и опустил голову. Руки продолжали механически двигаться, склеивая бумажные кульки. Его мозг лихорадочно работал. «Почему Серьга появился в этом паршивом проулке? Случайно? Или разыскивал меня?»

Чокнутый ненавидел и боялся Серьгу, который, как злая звезда, стал для него символом несчастья. При виде его всякий раз по спине юноши пробегали мурашки. Чокнутый хорошо помнил тот день, когда он, несправедливо обвиненный в краже, оказался в участке. В тот день Серьга избил его до полусмерти. Но на этом мучения Чокнутого не кончились. Даже после освобождения Серьга все время следил за ним и следовал как тень.

И вот он снова появился, будто дьявольское наваждение! Неужели все начнется сначала? Эта мысль не давала юноше покоя, бередила душу.

Между тем день проходил за днем, а Серьга больше не появлялся. Чокнутый стал о нем забывать. Он с удвоенной энергией взялся за работу. Толстяк хозяин порой ворчал на парня, но в душе был им очень доволен, а иногда даже хвалил.

Однако успокаиваться было еще рано. Однажды произошел случай, о котором Чокнутый впоследствии не раз вспоминал. Как-то в лавку забрел один местный бездельник, некий Дин Аэр, который побирался в торговых рядах на Серангунском базаре. Он зашел купить пачку сигарет «Два персика». Когда он выходил со своей покупкой из дверей, внезапно вошел хозяин с товаром. Заметив уходящего шалопая, толстяк сразу же бросился к витрине и, громко сопя, стал пересчитывать лежавшие на ней пачки.

— Ах подонок!— выругался он.— Успел-таки упереть пачку «Трех пятерок»!

Брызгая слюной, толстяк принялся костить проходимца Аэра, а вместе с ним и Чокнутого, который плохо смотрел и не уследил, как у него из-под носа стащили пачку сигарет. Значит, парню придется возмещать убыток. Злосчастная судьба! Толстяк продолжал кричать и браниться, пока его не остановила жена, которой надоела ругань мужа.

— Будет тебе орать! Что ты на него напустился! Ведь ты же не видел, кто украл. Зачем напраслину возводишь на человека?!

— Бестолочь!— взвился толстяк.— Что ты понимаешь, глупая баба? Думаешь, зря этого проходимца сажали в каталажку? Таких подонков, как этот Дин, надо держать в ней вечно и не выпускать! Куда только смотрит королевская власть?!

Лицо юноши побледнело. Метелка из куриных перьев, которую он держал в руке, упала на пол, но, к счастью, толстяк не обратил на него внимания. Он продолжал бесноваться и кричать, на чем свет ругая злодеев, которым место в тюрьме.

На сердце юноши словно опустился тяжелый камень. Рано или поздно хозяин, конечно, узнает о его прошлом, и тогда конец — его вышвырнут за дверь одним пинком ноги...

Как-то на их улице случилась неприятная история. Три бандита в масках в полночь вломились в соседнюю парикмахерскую «Серебряная шпилька». Связав хозяина и его жену, они заперли их в кладовку, а сами, собрав все наличные деньги, исчезли, прихватив с собой небольшой металлический сейф. Эту новость принесла бледная от страха хозяйка, которая ходила за покупками на рынок. Ее рассказ привел супруга в большое волнение. Толстяк забегал по лавке, что-то бормоча под нос.

— Эй ты!— Странно вытянув шею, он вдруг подбежал к Чокнутому. Его голос перешел на истерический визг.— Ты куда вчера вечером ходил?.. С этого момента, если будешь отлучаться, изволь сначала доложить мне!

Молодой человек хотел объяснить, что он всего-навсего сходил купить полотенце и сразу же вернулся обратно. И действительно, после истории с побирушкой Дином он вечерами почти никуда не отлучался и покидал лавку только в особых случаях, когда хотел повидать мать или купить что-то необходимое для себя.

Чокнутый промолчал и, взяв веник, принялся мести пол, перемещаясь в дальний угол лавки. Но вот наконец толстое брюхо хозяина уплыло во внутренние комнаты и оттуда послышался его приглушенный разговор с женой. Чокнутый перевел дух. Веник был ему больше не нужен.

Вдруг на полу лавки, прямо перед ним, возникла тень появившегося в дверях человека.

— Эй, Чокнутый!— раздался насмешливый голос. Резкий и громкий, он разрывал барабанные перепонки.— Поди-ка сюда!

У парня помутилось в глазах.

— Серьга!.. Зачем я тебе?— Голос молодого человека дрожал. Он боялся посмотреть в свирепое лицо своего преследователя. Его взгляд был прикован к мутно желтеющей серьге, которая притягивала его своим холодным таинственным блеском.

— Заскулил, сволочь! Будто не знаешь, что вчера здесь обчистили лавку!— Чокнутый услышал презрительный смешок.

— А я тут при чем?..

— Ну, будет болтать! Потопали!

— Серьга, ну пожалуйста!..

Юноше вдруг захотелось сесть. Ноги, как ватные,

больше не держали его. Голос парня звучал тихо, просительно. Чокнутый боялся, что их разговор услышит хозяин.

— Что здесь происходит?— послышалось блеяние толстяка, выбежавшего из кухни.— Что случилось?

Вытаращенные глаза, прикрытые мутной пленкой, уставились на посетителя. Толстяк сразу понял, кто перед ним, и догадался о цели визита. Он как-то странно сжался, и его голова ушла в плечи.

Серьга, осклабившись, протянул руку к полке и, с независимым видом взяв из банки «Трех пятерок» сигарету, сунул ее в рот и закурил. На толстяка он даже не взглянул. Чокнутый вышел за ним.

В полицейском участке Чокнутого продержали целый день. После допроса его поставили в один ряд с какими-то парнями для опознания хозяином ограбленной парикмахерской. Потом его отпустили, и он сразу же вернулся к себе. Толстяк хозяин, отсчитав ему положенные деньги, сказал, чтобы он забирал свою постель и убирался прочь...

Для Чокнутого открылась новая полоса испытаний.

Се Кэ

ПОБЕГ

Едва свернув в переулок, велорикша Лун Чжунбо без сил остановился — словно бегун, только что закончивший изнурительную дистанцию. Он сошел с велосипеда, тяжело вздохнул, поморгал своими глубоко запавшими глазами с красными прожилками и закрепил руль бамбуковым кольцом, чтобы коляска не могла сдвинуться с места.

Подкатил мотофургончик, в каких обычно развозят рыбу. Ветер поднял с сухой земли пыль и обрывки бумажек и бросил все это вместе с рыбным запахом в лицо Лун Чжунбо. Рикша на мгновение зажмурил глаза, прикрыл рот ладонью и чихнул. Потом шумно высморкался, вытер пальцы о выщербленную стену, снял с шеи грязно-желтый платок, промакнул им пот на груди и сжал платок так, что из него закапали серые капли. Снова повязав платок на шею, он пошамкал сухими губами, проглотил слюну и вынул из кармана портсигар, в котором лежала наполовину выкуренная сигарета «Два персика». Докурив ее, выбросил окурок и стал считать выручку: два доллара восемьдесят центов. Дрожащими руками осторожно спрятал деньги в карман, снял рваную шляпу и, почесав голову, довольный отправился в харчевню «Приходите каждый день».

Лун Чжунбо был давним посетителем этой харчевни и действительно каждый день старался здесь обедать. Он всегда съедал похлебку из батата и жареные бобовые ростки с душистым луком. Чело-

век он был очень добрый и искренний, поэтому хозяин харчевни Хай Наньчэн любил с ним поболтать. Однажды он спросил рикшу:

— Ты каждый день ешь одно и то же. Не надоело?

Лун Чжунбо почесал живот и с улыбкой ответил:

— Нет, не надоело. Я привык.

Но другие не поверили этому и, решив, что он просто скуповат, начали подсмеиваться над ним:

— А почему ты не ешь как следует? Для чего экономишь? Уж не на гроб ли?

— Да нет, нет!— замахал руками рикша и объяснил, что он должен каждый месяц посылать перевод семье, да еще собирать деньги, чтобы потом вернуться в Китай. Эти слова сразу вызвали всеобщее сочувствие, а Хай Наньчэн мягко спросил, кто у него остался на родине. Лун Чжунбо ответил, что старуха мать, которой уже больше восьмидесяти лет, жена и сын. Потом весь засветился улыбкой и добавил:

— Сын недавно в университет поступил!

Хай Наньчэн, изумленный, похлопал его по плечу и поднял большой палец:

— Ну, ты молодец! Сумел сына в университет определить! Просто молодец!

Лун Чжунбо стало так приятно, как будто кто-то дал ему прохладную мятную конфету, и его глубоко запавшие глаза с красными прожилками еще больше засветились улыбкой.

На этот раз, когда он пришел в харчевню, ее хозяин сидел без дела и стриг ногти. Завидев своего постоянного посетителя, он отложил ножницы, поздоровался и принес рикше его обычную еду.

— Лун Чжунбо,— машинально сказал он, ставя на стол миски.— Ты слышал одну вещь?

— Какую вещь?— спросил рикша, взяв одну из мисок в руку.

— У хозяина «Великого процветания» жена сбежала!

Лун Чжунбо не поверил собственным ушам. Еще вчера утром он видел, как она с каким-то толстяком входила в банк китайских эмигрантов. Как она могла сбежать?! Но Хай Наньчэн никогда не врал. Если она действительно сбежала, тогда...

Рикша поморгал глазами, приблизил свое усталое лицо к хозяину харчевни и дрожащим голосом спросил:

— Откуда ты это знаешь? Это точно?

Тот решительно кивнул головой, как будто сам наблюдал за бегством.

— Мне рассказал об этом двоюродный брат. Он работает у них в магазине, так что знает все точно. Но вчера вечером он видел, как муж увез ее куда-то на машине.

— О!— вырвалось у Лун Чжунбо. Он страшно побледнел. Сердце у него стучало, руки и губы дрожали.

Хай Наньчэн не заметил, что творится с рикшей, и продолжал:

— Говорят, она сколотила несколько десятков кредитных товариществ, больших и маленьких, и все деньги увезла — чуть ли не сто тысяч долларов!

Он сплюнул и возмущенно повысил голос:

— Настоящая людоедка! Разве нет? Вечно по одному товариществу денег не выплатит, а уже другое набирает. То, что она богатых грабит,— еще ничего, а бедняков жалко! Соседка моего брата торгует сигаретами, каждый месяц с трудом откладывала несколько десятков долларов, чтобы внести в товарищество, хотела помочь своему сыну торговлю открыть, а теперь все пошло прахом. Вот уж действительно людоеды!

Лун Чжунбо молча поднялся, не доев обед, положил на стол деньги и с потерянным видом вышел из харчевни. Только теперь Хай Наньчэн почувствовал, что он ведет себя не совсем обычно; хотел расспросить, в чем дело, но тот уже садился на велосипед.

Двадцать с лишним лет назад Лун Чжунбо, гонимый нищетой, был вынужден покинуть родину и приехать в Сингапур. С самого детства он не мог даже научиться грамоте, хлебнул немало горя, поэтому в эмиграции он экономил буквально на всем, чтобы посылать деньги на родину и дать образование сыну, который оставался его единственной надеждой. Сын не подводил его: он был очень старателен, на экзаменах неизменно оказывался одним из первых. Каждый раз, когда от сына приходило письмо, Лун Чжунбо нес его платному писарю, тот читал вслух и с завистью говорил:

— Да, ты счастливый, что имеешь такого сына!

Слыша все это, рикша удовлетворенно улыбался и думал, что в самом деле старается не зря.

В январе этого года Лун Чжунбо получил письмо от жены, в котором она сообщала, что сын уже закончил университет и за свои успехи послан инженером на завод. Еще жена писала, что у сына появилась невеста — медсестра, в конце года они должны пожениться и надеются, что отец приедет на свадьбу.

Откровенно говоря, все эти долгие годы Лун Чжунбо ни на минуту не забывал о семье и часто мечтал скопить денег, чтобы съездить на родину. Но он тут же вспоминал, что сын еще не закончил учение, что судьба семьи зависит от него, Лун Чжунбо, и с сожалением оставлял эту мечту.

Теперь сын уже закончил университет, получил профессию, надежды отца осуществились, а ответ-

ственность его уменьшилась, поэтому он решил к концу года действительно поехать на родину и повидаться с семьей.

Но сразу набрать денег на дорогу было невозможно. К тому же он в эмиграции уже больше двадцати лет, и неудобно возвращаться домой с пустыми руками. Да, неудобно, хотя он знал, что семья от него ничего не ждет.

Свою мечту Лун Чжунбо высказал старой прачке, которая жила по соседству и всегда очень заботилась о нем. Та сказала, что некая госпожа У организует кредитное товарищество с ежемесячными взносами по пятьдесят долларов, и спросила, не хочет ли Лун Чжунбо вступить в него. Рикша почувствовал, что это единственный способ скопить крупную сумму денег, согласился, и тогда прачка рекомендовала его госпоже У. Но перед решающим шагом он все-таки немного засомневался и спросил прачку:

— А эта госпожа У — надежный человек?

— Конечно, надежный! — с улыбкой ответила прачка.— Не беспокойтесь: здесь, на горе, ее все знают. Я ведь тоже вхожу в это товарищество. Неужели я связалась бы с ней, если бы она была ненадежной?

Лун Чжунбо виновато усмехнулся и пояснил для убедительности сопровождая свои слова жестами:

— Вы поймите, я хочу войти в товарищество не ради прибыли, а потому, что хочу скопить деньги на билет. Если случится что-нибудь неожиданное, я не смогу вернуться на родину и повидать свою старую мать, жену и сына...

— Ну что вы! — перебила его прачка.— Вы совершенно напрасно боитесь. Она ведь богатый человек, у ее мужа магазин, машина. Неужели она съест ваши деньги?!

Лун Чжунбо эти доводы показались убедительными, он успокоился и передал через прачку вступительный взнос.

С тех пор он сделал еще восемь взносов и на следующий месяц собирался забрать свой вклад вместе с процентами, чтобы купить билет на пароход. И тут его настигла весть, которую он не мог себе представить даже в кошмарном сне.

Лун Чжунбо подогнал свою коляску к магазину тканей. Здесь уже толпилось множество людей: мужчин, женщин, стариков, детей. Из дверей магазина слышались вопли и проклятия.

Рикша спрыгнул с велосипеда и бросился в толпу, словно разъяренный бык. Его знакомая прачка, размахивая руками, громко кричала на толстяка лет пятидесяти. Увидев Лун Чжунбо, она утерла слезы рукавом и подошла к нему:

— Я с утра ищу вас всюду, да никак не найду. Как хорошо, что вы пришли! Как хорошо, что вы пришли!

Лун Чжунбо нахмурился:

— Скажите, госпожа У действительно сбежала?

Прачка тоже нахмурилась и сокрушенно кивнула головой.

— Где же она сейчас?!— Голос Лун Чжунбо задрожал.

Женщина показала на толстяка:

— Это ее муж. Спросите его!

Лун Чжунбо узнал того человека, с которым беглянка вчера входила в банк китайских эмигрантов.

— Хозяин!— бросился к нему рикша.— Где ваша жена, хозяин?

Толстяк молча отвернулся и, присев на стол, закурил.

— Хозяин, где ваша жена?! Она увезла мои деньги, теперь я не смогу вернуться на родину! Хо-

зяин, молю вас, на колени встану, только скажите, где ваша жена, где ваша жена?!

Лун Чжунбо заплакал и, молитвенно сложив руки, в самом деле упал на колени перед толстяком. Остальные смотрели на эту сцену во все глаза, как будто ожидая, что толстяк действительно назовет адрес своей сбежавшей жены. Но все было напрасно.

— Я не знаю,— наконец процедил толстяк.

Прачка снова выскочила вперед и, уперев руки в бока, закричала перекосившимся ртом:

— Как вы можете не знать? Как вы можете не знать? Ваша жена сбежала с чужими деньгами, а вы притворяетесь, будто не знаете?!

— Людоеды!— выкрикнул кто-то.

Тут толстяк сердито взмахнул рукой:

— Уходите, уходите! Мне торговать надо, а не слушать ваши вопли!

— Уходить? Черта с два!

— Пока не скажешь, где твоя жена, не уйдем!

— Правильно, ни за что не уйдем!

Толстяк побагровел от гнева, но дальше возражать не посмел. А Лун Чжунбо тем временем катался по земле, как безумный, и кричал прерывающимся голосом:

— Хозяин, где твоя жена? Она увезла мои деньги, теперь я не могу вернуться на родину! Хозяин, где твоя жена? Она увезла мои деньги...

В толпе началось брожение: одни предлагали подать в суд, другие говорили, что обращаться туда — все равно что самим лезть в сети, так как создание кредитных товариществ — дело незаконное. Лучше уж избить мужа этой мерзавки. Какой-то доброхот в темных очках начал успокаивать людей, говоря, что таким способом деньги назад не получишь: надо выделить одного или двух представителей и спокойно договориться с хозяином магазина.

А если избить его, дело дойдет до суда, и тогда всем будет плохо.

Эти слова возымели действие: люди начали переговариваться, перешептываться и в конце концов согласились с предложением доброхота в темных очках. Тот усмехнулся, почесал подбородок и взглянул на толстяка:

— Ну, хозяин, как ты насчет мирного способа?

Толстяк немного помолчал и кивнул головой:

— Ладно!

Люди выбрали двух представителей для переговоров, и те вскоре сообщили, что хозяин согласен выплатить одну десятую часть вкладов. Поскольку кредитные товарищества в Сингапуре законом не охранялись, всем пришлось стиснуть зубы и смириться.

А через неделю госпожу У с ее мужем и доброхотом в темных очках видели весело пирующими в ресторане «Пекин». Что же касается харчевни «Приходите каждый день», то она лишилась одного из своих постоянных клиентов. Говорят, что после получения своей десятой доли рикша ездил по улицам как сумасшедший, и в конце концов полиция отправила его в психиатрическую больницу.

У Вэйцай

СЛЕПОЙ

1

Я сижу на стуле, опустив голову. Сижу так, наверно, давно, очень давно.

Я знаю, что наступили сумерки. Они наступают каждый день, но сегодня мне от этого почему-то грустно до слез. Неужели мне исполнилось восемнадцать лет? Неужели целых семь лет я живу в этой мрачной темнице?

— Нынче день твоего рождения!— говорит тетка.

Лучше бы мне не слышать этих слов, лучше бы оглохнуть совсем. Может быть, тогда мне удалось бы забыть о своих страданиях, забыть о самом себе?

— Который час, тетя?— спрашиваю я слабым голосом.

— Семь.

— Стемнело?

— Давно уже.— Она что-то набрасывает мне на плечи.— Смотри не простудись.

Хлопает дверь.

— Тетя, тетя...

Но я слышу, как тетя спустилась вниз и вышла из дому. Я хватаюсь за спинку стула, эту спасительную спинку. На ощупь, без палки выхожу на балкон. Мне надоела палка.

Холодно. Очень холодно на балконе. Я знаю наверняка, что уже стемнело. Иначе не было бы так холодно.

Эти мелкие листочки — жасмин. Я ощупываю бутоны. Когда же они раскроются? Но все равно я

никогда не увижу, как они расцвели. Я ничего не вижу. Я живу во мраке.

При мысли об этом меня охватывает ощущение безнадежности и пустоты. Все кончено! Брошусь сейчас с балкона, думаю я, но тут наталкиваюсь на крепкую железную решетку. Непреодолимое препятствие! Я вдыхаю холодный воздух и чувствую облегчение. Медленно опускаюсь на стул и замираю. Я думаю о своем бесполезно прожитом прошлом...

2

Как жаль, что в детстве я редко смотрелся в зеркало и не запечатлел в памяти собственный облик. Я даже не могу представить себе, как выгляжу. Господи! Какой же я?! Какой?

— Посмотри, вон слепой!

— Как забавно он переходит улицу!

— Как будто упражняется в тайцзи[1].

— Смех, да и только.

— Ха-ха-ха-ха!

Милые, наивные дети — святая простота. Но зачем они смеются над слепым? Зачем? Не понимаю! Неужели слепые так смешны?

— Ха-ха! Ха-ха-ха!

Я возвращаюсь в комнату и захлопываю балконную дверь, чтобы не слышать этого смеха, этих голосов.

Как тихо! Я снова сажусь и погружаюсь в воспоминания... Вот я совсем еще маленький. Родители души во мне не чают, особенно мама. Она так балует меня. Я как голубь: куда хочу, туда лечу; когда хочу, тогда и возвращаюсь. Я жил, будто плыл по волнам,

[1] Вид китайских гимнастических упражнений.

будто меня хранили в мягкой сахарной вате. Мне всегда было весело... Но вот я ослеп. Перестал видеть, будто погрузился в сон. В тот день моей неизменной спутницей стала темнота. Как я ненавижу ее! Смертельно ненавижу! Смертельно!

Много дней подряд я не переставал плакать. Темнота окутала меня со всех сторон. Я был как голубь, упавший на дно высохшего колодца. Он ничего не видит, не может перелететь через высокую стену, не может выбраться из мрачной темницы.

Через пять лет после того, как я ослеп, осенью умер отец. Мать ненадолго пережила его — всего на три года. Отца я еще оплакивал, но, когда умерла мать, выронил всего несколько слезинок. Остальные я давно уже выплакал.

Я остался один в целом свете, навеки погруженный во мрак. Навеки!

3

— Сувэнь, опять ты о чем-то думаешь?— Я не заметил, когда пришла тетка.

— Ни о чем я не думаю.

— Пора ужинать.

— Не хочется.

— Почему? Ты ведь ничего не ел.

— Но я не хочу!

— Тогда попей хоть немножко.— Она поставила передо мной бульон.

Я выпил.

— А теперь ложись спать.— Тетка опускает предохранитель на балконную дверь и дает мне маленький подголовник.— Поздно уже.

— Все равно я не усну.

— Почему?

— Потому что очень темно. Верно? Самой темноты я не боюсь, я боюсь, когда темнота молчалива. Правда, я очень боюсь тишины.

— Не болтай, Сувэнь.

— Ты завтра уезжаешь?— тихонько спрашиваю я.

— Кто тебе сказал?

— Цзиньмэй.

— Сувэнь, я буду навещать тебя, только бы у твоего дяди все было хорошо в школе. Тогда я снова приеду к тебе. Сувэнь, я приеду, верь мне, верь...— Она чуть не плачет.

— Тетя!— Голос мой дрожит.— Тетя, ведь у тебя семья... семья. У тебя свои дети... тетя. Ты...

— Молчи! Слышишь, молчи!

— Извини, тетя.— Я чувствую на лице горячие слезы.

— Сувэнь! Сувэнь!— Слезы закапали мне на руки, горячие слезы.

4

Я слышу звонкие голоса ласточек.

Я ощущаю аромат испаряющейся росы!

Но я ничего не вижу, вокруг — темнота.

Вдруг чей-то голос:

— Проснулся?

Я молчу.

— Почему не отвечаешь? Он, наверно, еще спит.

Чей же это голос? Наконец я ответил:

— Я не сплю.— Рядом со мной девочка, это я определил по голосу.— Кто ты?

Девочка подносит мне стакан молока.

— Я Луфань.

— Кто же ты все-таки?

— Луфань я, девочка.

— Девочка?

— Мне семнадцать лет.

Это уже не девочка — девушка. Я выпиваю молоко.

— Зачем ты пришла?

— Директор школы, твой дядя, велел мне ухаживать за тобой.

— Ты учишься у него в школе?

— Нет, я у него служанка. Но я умею читать. Часто читаю священные сутры.— Голос у Луфань звонкий, как у ласточки.

— Тетя уехала,— сообщает Луфань.

— А ты почему не уехала?

— Тетя оставила меня здесь.

— Чтоб ты мне помогала?

— Ну да! Так приказал директор.

Хлопнула дверь. Луфань спустилась вниз. Я хочу взять стакан со стола, но его уже нет — наверняка Луфань унесла.

Тетка уехала. Я, как всегда, сижу на стуле. Как всегда... Как всегда...

5

Луфань вернулась — я слышу, как хлопает дверь лифта.

— Который час, Луфань?

— Небо такое светлое! Такое красивое!— Я слышу, как она садится напротив меня. Слышу ее переливчатый, как колокольчик, голос.

— Ты вяжешь?

— Одно вяжу, другое распускаю.

— Странная ты!— Мне очень хочется снова услышать ее голос.

— Нет, Сувэнь, я не странная. Просто мне всегда хочется что-то делать, быть в движении.

Какой красивый у нее голос. Она как солнце. Солнце тоже всегда в движении.

Отчего так тепло моим рукам, лицу и телу? Почему воздух такой горячий? Я ощущаю на себе лучи солнца, красного солнца!

— Кто открыл окно?! — кричу я, как безумный.

— Это... это... я.

— Закрой сейчас же! — Я кричу так громко, что даже пугаюсь собственного голоса.

— Слу... слушаюсь.

— Быстро! — Мало-помалу я успокаиваюсь. Из моих глаз текут слезы, капают на руки. Я громко плачу, о, как я ненавижу темноту! Я ненавижу солнечный свет! Я — слепой.

Тишину нарушают только мои всхлипывания.

— Луфань, ты обиделась? — спрашиваю я, перестав наконец плакать.

— Нет, ничуть. Я... только боюсь.

Мы оба долго молчим. Потом я говорю ей:

— Открой все окна.

Солнечные лучи врываются в комнату, теплые, очень теплые. Я так давно не грелся на солнышке и сейчас улыбаюсь теплу.

6

За несколько дней мы успели с Луфань подружиться. В свободное от хлопот время Луфань беседует со мной и вяжет.

— Ты любишь читать? — спрашиваю я ее.

— Люблю. Особенно Гомера. Произведения его так интересно читать! А еще я люблю Гейне. — Она сделала новую петлю.

— Ты очень хорошо разбираешься в книгах.

— Я люблю читать про любовь, — со смехом го-

ворит Луфань.— А ты как читаешь?— с любопытством спрашивает она.

— На ощупь,— отвечаю я едва слышно. Я не люблю говорить о своем несчастье с другими...

— Как читают в школе слепых?

— Угу.— Я опускаю голову.

— Почему ты опустил голову? Как бы ты ни читал — это прекрасно, правда!

Я несмело поднимаю голову.

— Неважно, каким способом. Ты читаешь, и это главное.

— Гм...— Я не в силах произнести ни слова.

— Ты любишь слушать стихи?— вдруг спрашивает Луфань.

— Очень люблю!

— Хочешь, я почитаю?

— С удовольствием.— Мне действительно очень хочется послушать стихи.

Луфань начинает читать:

Хотел бы в единое слово
Я слить мою грусть и печаль
И бросить то слово на ветер,
Чтоб ветер унес его вдаль.

— Слышишь, как дует ветерок?

— Ветерок?

— Слышишь?

— Слышу. Легкий такой ветерок.

— Побольше читай, Сувэнь, ты можешь воспринимать книги сердцем,— тихо добавляет Луфань.

Снова порыв легкого ветерка.

7

По утрам всегда очень тепло. Это Луфань открывает окна. Я знаю, но не мешаю ей. Я полюбил тепло.

— Пойдешь со мной в горы?— спрашивает Луфань. Я отрицательно качаю головой.— Там лес, тутовая роща!

— Нет, я не пойду гулять. Это грустное занятие для слепого. Слепому нет дела до окружающей красоты.

— Сувэнь, ты возьмешь с собой свое сердце, хорошо?— Наконец я соглашаюсь, и Луфань ведет меня к дверям. Собаку Луфань с собой не берет, только гитару, и струны ее непрестанно звенят.

Меня ласкает теплый ветер.

— Солнце яркое?— спрашиваю я у Луфань.— Здесь, наверно, очень красиво, да?

— Ты сам это чувствуешь, Сувэнь.

— Как обидно, что я ничего не вижу и никогда не увижу! При мысли об этом охватывает такая тоска!

— Но ты ведь знаешь, что солнце яркое, что здесь очень красиво, правда?— Она отдает мне гитару.— Присядь, Сувэнь, мы добрались до вершины холма.

Я молча сажусь. Земля мягкая, податливая. Это луг. Здесь пахнет травой и глиной. Я люблю эти запахи. Эти невидимые мне валуны, травы, листья — все они приветствуют меня. Я их не вижу, но ощущаю.

— Я слышу дыхание гор! Здесь так прекрасно!

— Спой что-нибудь, Сувэнь.

— Я очень давно не пел, наверно, голос пропал.

— Попробуй передать в песне всю эту красоту!

И я запел. Луфань мне вторила. Наши голоса звучали, как лютня и колокольчик.

От голоса Луфань, казалось, пробудились листья. Вдруг я перестал петь.

— Почему же ты не спел первый куплет? Он такой забавный.— Луфань, кажется, считает листочки.

— Я знаю только этот куплет. Надеюсь, ты научишь меня петь и остальные.

— Сувэнь, передай струнам все, что ты сейчас чувствуешь. Вырази в песне дыхание весны.

Я молча опускаю голову, не смея даже попытаться выполнить ее просьбу.

— У тебя есть руки, есть сердце. Попробуй!— Своей горячей рукой Луфань берет меня за руку и легонько касается струн. Вслед за ее рукой двигается и моя.

— А где твоя свирель?— Мне очень хочется послушать, как она играет на свирели.

— Не захватила.— Луфань отпускает мою руку.— Давай еще раз попробуем,— настойчиво, но в то же время очень мягко говорит она. Я продолжаю молчать, припоминая всякие веселые мелодии. Долго припоминаю, прислушиваюсь к журчанию реки, радостному, живому. Раздолье! И вот под моими пальцами рождается мелодия: это песня, которой меня только что научила Луфань, и песня реки...

Бежит река, танцует солнце,
Смеются листья, радуясь весне.
Утри свой мокрый нос, дитя,
Речной водой умой лицо.
Рассмейся! Посмотри — смеется солнце.
И я смеюсь с ним вместе.

Я играю и пою. Луфань смеется. Но вот я кончил петь.

— Ну как?— спрашиваю я робея.

— Прекрасно! «Смеются листья...»— Луфань снова смеется.

— Почему ты смеешься?— Я невольно улыбаюсь.— Разве не могут листья смеяться?

Вокруг такая удивительная тишина. И мы оба вдруг тоже притихли. Но тут же расхохотались. Давно я не смеялся, но сегодня мне радостно...

Мы спустились с горы и идем вдоль песчаной отмели. Идем, держась за руки. Я слышу, как плещутся волны о прибрежные камни и шуршат песком. Очень тепло. Это солнце так щедро греет. Как хорошо, как тепло! Но тут я подумал, что у воды может быть прохладно, и спросил:

— Ты взяла с собой что-нибудь теплое, Луфань?

— Нет.

Мы гуляем по песчаной отмели. Песок набивается между пальцев ног. Какой он горячий, думаю я. Некоторое время мы оба молчим. Первым нарушаю молчание я:

— Луфань, я, наверно, скоро тебе надоем?

— Почему ты так думаешь?

— Потому что я слепой.

— Ну и что?— Луфань стискивает мою руку.

Мы идем, разбрасывая ногами песок.

— А где твои родители, Луфань?— спрашиваю я.

— Они умерли.— Голос у нее тихий, но взволнованный.— Пять лет тому назад — мне было одиннадцать — отец умер в плавании: он работал на корабле.— Луфань еще крепче стискивает мою руку.— После смерти отца мы с мамой стали искать работу и занимались мелкой торговлей при школе, тем и жили...

— А потом?— спрашиваю я.

— Потом... однажды после полудня — было очень жарко — мама ушла в больницу и больше, больше...

Луфань заплакала, слезы мешали ей говорить.

— Не надо, Луфань, не рассказывай.— Я протянул ей носовой платок.

— Мама умерла. Она кашляла кровью, сильно кашляла. Доктор сказал, что она отравилась газом, угарным газом.

— Луфань, не плачь.— Я успокаивал ее, как мог.

— Потом я узнала, мама... покончила с собой...

Она взяла у меня платок и разрыдалась.

— Оставила меня одну. Они оба ушли, Сувэнь, ушли навеки.

— Разве не ты, Луфань, говорила, что в жизни приходится многое преодолевать. Ты очень мужественная, Луфань, ты доказала это.

Теперь я крепко стиснул ее руку.

— Я люблю трудиться, люблю жизнь, потому и осталась жива.

Луфань перестала плакать.

— Тебе семнадцать лет, Луфань, вся жизнь у тебя еще впереди. Ты будешь счастлива.

— Мы вместе пойдем по жизни, Сувэнь. Только ты ничего не бойся.

Мы с Луфань разные по характеру. Но теперь эта разница совсем не ощущается. Я исцелил ее? Нет. Это она исцелила меня! Не знаю почему, но рядом с Луфань мне всегда радостно и светло. Она — мои глаза, она — нить, связывающая меня с миром...

В тот день мы побывали и на берегу реки, и на берегу моря. Я ничего не знаю об окружающем меня мире, знаю лишь, что вода шумит.

Постоянная спутница моя — темнота. Поэтому я замкнут и молчалив...

— Сувэнь, вон там темно-желтая птичка,— радостно сообщает Луфань,— она такая шустрая.

— Правда?— Мне кажется, будто во мраке мелькнул желтый свет.

— Она летает почти над самой землей,— продолжает Луфань.

Так ведь это же воробей, подумал я. Он всегда летает над самой землей. Я по-прежнему ничего не вижу, но постепенно начинаю представлять себе всю окружающую меня красоту!

— Сувэнь, скорей! Она перелетает через речку. Ой! Вот схватила в клюв маленькую рыбку!— Луфань радостно хлопает в ладоши.

— Скажи, Луфань, эта птичка желтая с коричневыми крапинками, да?— тихо спрашиваю я, будто вижу эту маленькую птичку.

— Верно! Сувэнь, ты... Откуда ты знаешь?— кричит удивленная Луфань и хватает меня за руку.

— Тогда это не воробей, а удильщик,— говорю я ей.— В детстве я любил ловить их.

Луфань притихла.

— Сувэнь, у тебя прекрасное воображение.

— Правда?

— В твоем воображении наверняка запечатлены прекрасные картины, верно?

— Верно. По-моему, эта река очень мелкая. А вода в ней чистая и быстрая.

— Верно! Все верно!

— Все это в моем воображении, Луфань. Ты сама об этом только что сказала, уже забыла?

— Нет,— отвечает Луфань. Я знаю, что она сейчас улыбается.

— Я следую твоему совету: стараюсь все представлять себе,— говорю я.— Без тебя, Луфань, я не смог бы этого сделать.

Я очень благодарен Луфань. За все, за все. Это благодаря Луфань я познал природу, познал мир.

— Луфань, я всегда буду благодарен тебе!

Луфань мне сказала, что на левом берегу реки тутовая роща. А тутовые деревья так хорошо пахнут. Я люблю деревья, но еще больше люблю саму рощу, ее естественную прелесть и тишину.

Мы идем, взявшись за руки. Идем по сухим желтым листьям, устилающим землю.

Роща! Земля! Горы! Мы о многом говорим, о многом мечтаем. Мы почти не расстаемся.

8

С приездом Луфань жизнь моя стала радостнее и светлее. Луфань говорит, что у нее длинные волосы. В детстве я читал про красивых девушек с длинными волосами. Это так прекрасно!

— Давно ты их отпускаешь?— спрашиваю я.

— Я с детства не стригусь.

Я провожу рукой по ее волосам. Какие они мягкие! Я взволнован.

— Луфань, ты очень хорошая,— говорю я после некоторого молчания.— Ты заботишься обо мне, ухаживаешь... к тому же...

— Что к тому же?— спрашивает Луфань.

— К тому же терпеливо относишься к моим капризам.

— Каким капризам?

— Я часто бываю несправедлив, злюсь без причины.

— Это когда у тебя плохое настроение. Я понимаю.

— Ты многое понимаешь, Луфань.

— Я внимательно присматриваюсь к тебе.

— Зачем?

— Чтобы помочь тебе стать лучше. Я тоже должна стать лучше.

— Как же ты собираешься помочь мне?

— Любовью.

— Любовью?

— Да, любовью. Это самое лучшее средство.

— Ты слишком многое понимаешь для своих семнадцати лет.

— Тебе недоставало любви, Сувэнь.

— И ты хочешь отдать мне свою любовь?

— А ты не примешь ее?— Луфань не выпускает моей руки из своей.

— Я... не смею!— Ток пробежал по моему телу, и я высвободил руку...

Я иду по берегу.

— Сувэнь... Сувэнь!— зовет меня Луфань.

9

— Это невозможно! Не-воз-можно!— Я иду прямо к воде. По лицу текут слезы.— Я не вижу! Я слепой! Моя вечная спутница — темнота!

Горечь змеей впивается в сердце, сосет кровь! Я как безумный. Я ненавижу темноту. Она неотступно следует за мной. Я хватаю ее и бросаю в воду... Я прозрел! Я все вижу! Я вижу Луфань, вижу... Но почему так болит голова? Словно после удара...

Оказывается, я потерял сознание и упал прямо на песчаную отмель, зажав в руке горсть песка. Вдруг до меня донесся плач.

— Сувэнь, Сувэнь!

Земля подо мной закружилась, и снова все успокоилось.

— Сувэнь... Очнись же!

Это Луфань. Я молчу.

— Выпей воды, Сувэнь.— Луфань, плача, подает мне воду.

— Ты плачешь... Что случилось? Ты сердишься, Луфань?

— Нет, Сувэнь. Давай вернемся домой. Скоро стемнеет.

— Я виноват...— Луфань зажимает мне рот ладонью.

— Молчи, ты болен.

— Луфань, я...

Мы входим в ворота, и Луфань протягивает мне полотенце.

— Оботрись.

Меня бьет дрожь. Я насквозь промок.

— Луфань!

— Молчи, Сувэнь.— Она плачет.— Я уже высушила твою одежду.

— Луфань!— Сердце мое ноет от боли.

— Я пойду за врачом,— говорит Луфань.

Я слышу, как поднимается лифт.

— Луфань! Луфань! Луфань!— Я зову ее и плачу.

Какой ужасный у меня голос! Ни у кого такого нет. Удивительно...

Холодно. Я весь дрожу, словно воздух превратился в ледяной туман. Так было до приезда Луфань... Но сейчас мне еще холоднее. И еще страшнее. Мир почти перестал существовать для меня.

Я на ощупь прохожу к письменному столу, сажусь на стул. Я ничего не вижу. Ничего, кроме темноты! Мне хочется кричать, кричать так, как я кричал, когда ослеп. Помню, тогда мне хотелось покончить с собой. Я не ел, я хотел уморить себя! Время нельзя повернуть вспять, но я снова стал таким, каким был тогда. И в отчаянии я снова кричу. Кричу что есть силы. Я ненавижу этот мир! Ненавижу темноту! Ненавижу самого себя!

10

Дует вечерний ветер. Руки у меня дрожат, холодно. Я слышу, как Луфань принесла ужин. Но я

не иду к ней, не зову ее. Словно обреченный, я одиноко сижу у окна, подставив себя ветру. Холодно. Очень холодно. Я слышу голос Луфань, в нем — отчаяние и слезы.

— Сувэнь, пора ужинать.— Ее голос дрожит, как падающий лист.— Сувэнь.

— Уходи! Уезжай! Я не хочу, чтобы ты была здесь!— кричу я в ярости.

— Сувэнь.— Луфань приближается ко мне.

— Уходи, я недостоин тебя, уходи!

— Сувэнь.— Она берет мою руку в свою.— Зачем ты терзаешь себя? Разве ты не познал природу и мир? Ты должен быть мужественным. Ответь мне, Сувэнь...

Она плачет, плачет. Ее слезы капают мне на руку, горячие слезы. Я молчу. Луфань тоже молчит. Ничто не нарушает тишины. Я думаю о том, что Луфань для меня все равно что компас для заблудившегося. Но вокруг черная пелена, и не хватает смелости идти по компасу... Меня охватывает отчаяние, боль. Я отталкиваю Луфань.

— Сувэнь...

— Уходи! Я не хочу причинять тебе зла!

— Сувэнь...

— Уходи! Я... я... калека, слепой калека...

— Сувэнь, ты можешь все воспринимать сердцем. Ты знаешь себя, знаешь солнце, знаешь деревья. Ты знаешь мир! Ты все познал, все, хотя глаза твои не видят. Почему же ты отталкиваешь меня?

— Я слепой,— выдохнул я.

— У тебя есть сердце.

— Нет, Луфань, будь счастлива, я не хочу ломать тебе жизнь. Уходи, Луфань, уходи!

— Сувэнь...— Она плачет.

— Уходи. Я всегда буду благодарен тебе!

Луфань плача выбегает из комнаты и спускает-

ся вниз. Я нанес рану ее нежному сердцу. Как я все ненавижу! Почему я калека? Почему?! Почему я должен отказываться от любви Луфань? Почему должен гасить в себе пламя любви?

— Луфань, прости меня!

11

Тихо вокруг. Слезы непрестанно льются из моих глаз и катятся по щекам. Я чувствую себя каким-то потерянным, ослабевшим.

Я знаю, что солнце красное, яркое и очень горячее. Это мне сказала Луфань. Но сейчас очень холодно: солнце зашло. Я точно знаю, что наступил сумрачный, холодный вечер.

Тихо вокруг. Я сижу за столом, сижу долго-долго... Я вижу только темноту, исполненную скорби темноту. Она отняла у меня все, эта темнота. Сделала меня одиноким навеки... Лишила надежды...

Но тут открывается дверь. Я быстро поворачиваюсь на стуле: не хочу, чтобы Луфань видела мои слезы.

— Это... это я, Луфань.— Луфань плачет.

— Спасибо тебе, Луфань. Но пожалуйста, оставь меня. Уходи. Я... не хочу... Мне тяжело говорить.

— Сувэнь, мир не потерял для тебя своей прелести. Ты можешь знать его так же, как я.

Я молчу.

— Сувэнь, у меня нет больше сил нести свет в твою черную башню!

Надо попросить у Луфань прощения.

— Скажи хоть что-нибудь, Сувэнь. Ты ненавидишь меня, да? Я полюбила, но ты оттолкнул меня. Я тоже могу возненавидеть...

— Луфань...— Я не в силах произнести ни слова, только плачу. Какая нестерпимая боль! Я все теряю...

— Сувэнь, ты... хочешь, чтобы я уш...ла. Сейчас уйду.— Плач ее слышится все слабее, шаги затихают.

Вот она повернула ключ в замке, этот звук болью отозвался в моем сердце. Нет, я не могу так вдруг расстаться с Луфань! Разлука убьет меня. Я вскакиваю и бросаюсь к двери. Хватаю Луфань за руки. Я ничего не могу сказать, только плачу.

— Сувэнь!

— Выслушай меня, Луфань!— Я сжимаю ее руку. Ее тепло вселяет в меня надежду.

Нет, я не могу потерять Луфань!

— Луфань, останься со мной. Не покидай меня! Не покидай!

— Я не покину тебя, Сувэнь.

— Луфань!..

Чжао Жун

ПРАЗДНИК

1

Его разбудили громкие звуки граммофона из кофейни напротив. Граммофон играл какую-то иностранную «Песню певицы», которая давно сквозь сон раздражала Хэ своей вульгарной и тупой мелодией. Но ему все-таки не хотелось вставать, хотя свирепое солнце уже било в выцветшую занавеску, а дети встали и успели умыться. Ему хотелось еще полежать, потому что впереди предстоял длинный бессмысленный день и неизвестно было, куда от него деваться. Он тщетно попробовал уснуть снова.

Сегодня был праздник середины осени, когда люди уже с утра готовят все для пиршества, посылают друг другу лунные пряники и разноцветные фонарики, а посылать их полагается именно с утра, в крайнем случае до обеда. Затем идут на базар — покупать кур, уток, свинину, бататы, помелоны [1] и прочее; разводят огонь, жарят принесенную живность, раскладывают все на тарелки и ставят перед изображениями духов. Хэ, как хозяин дома, конечно, не забыл про этот праздник, да и не мог забыть, даже если бы захотел. Раньше ему не приходилось ни о чем заботиться, так как его хозяйственная и великолепно стряпавшая жена сама знала, что приготовить, никогда не забывала она и об ароматных древесных грибах с жареными устрицами, которые он

[1] Разновидность грейпфрута.

любил больше всего. Теперь все было иначе — с тех пор как она умерла от чахотки, оставив ему кучу детей. Правда, не такую уж большую кучу — четверых; однако старшей было всего тринадцать лет, а младший еще лежал в колыбели. Если бы небо обрушилось на землю, Хэ и то, наверное, было бы легче!

Но это еще не все. Скромный банковский служащий, он усердно трудился целых десять лет и вдруг из-за «изменившейся конъюнктуры», как ему объяснили, оказался на улице. Ни он, ни его родственники и друзья даже предполагать не могли такой напасти, это просто не укладывалось у них в голове. Вот уж воистину беда никогда не приходит одна!. С тех пор как он потерял работу, долги следовали за ним тенью, семья его совсем обнищала, а сам он день ото дня худел и становился печальнее. Но жизнь продолжала беспощадно давить на него: то праздник начала лета, то праздник середины лета, то какая-нибудь свадьба, от которой нельзя отвертеться, то похороны, на которые нельзя не пойти. Эти непредвиденные расходы заставили его заложить и продать все, что можно, а тут еще подоспел новый праздник!

Скрипнула лестница — это вернулась домой жена соседа Лао Чжоу, ходившая на рынок за продуктами. Держа за ноги живого петуха, она показывала его мужу, который по случаю праздника не пошел на работу:

— Смотри, хвост прямо золотой! Куры сегодня по два доллара за фунт, а свинина — по два с лишним. Такая дороговизна, что купить ничего нельзя...

Петух, висевший вниз головой, беспокойно закукарекал.

— Эх, удивила! А когда было дешево? Бандиты и есть бандиты, других торговцев не бывает!

Хэ часто слышал из-за стенки ворчание Лао Чжоу и его жены, но сейчас оно было ему особенно неприятно. В раздражении он встал с постели, сел на стул и задумался.

— Па, сегодня для Яси нет молока! — чуть не плача сказала ему старшая дочь, Даюй, увидев, что отец проснулся.

Он горестно хмыкнул, нащупал в кармане единственный доллар и протянул его дочери:

— На, купи банку молока и еще чего-нибудь на сдачу!

Девочка взяла доллар и поспешно спустилась с лестницы.

Он бросил взгляд на Яси, тихо лежавшего в колыбели, и немного успокоился. Молока не было еще вчера, он прекрасно знал это, но был вынужден смириться, так как сидел без гроша. Лишь поздно вечером он раздобыл один доллар. Хорошо еще, что дочка покладиста и сообразительна — догадалась дважды напоить ребенка подслащенной водой. Раньше, при жизни жены, у них и дюжину банок молока можно было найти в доме, даже на десять дюжин денег хватило бы. А сейчас из-за одной банки такая мука! Взрослые еще могут поголодать, но дети... Он впервые до конца ощутил, как тяжело быть отцом, и горечь, смешанная со стыдом, волнами поплыла у него перед глазами. Не в силах больше размышлять, он резко поднялся и вышел во дворик умыться.

Когда он оделся и уже хотел выйти из дому, к нему подлетели два средних сына — Явэнь и Ямин.

— Папа! — начал жалобно ластиться Явэнь. — Ты обещал купить мне цветной фонарик, а все не покупаешь! Нашему соседу Яцзи мама купила большой фонарь, похожий на бабочку!

В глазах мальчика светилась надежда.

— А ты погляди туда... Видишь, какой красивый?— отец показал на фонарь из помелона, висевший в окне. Эту игрушку он сделал вчера, помня о своем обещании, ведь он не мог купить разноцветный фонарь, стоивший минимум два доллара. Без кур, уток, лунных пряников и прочего еще можно как-то обойтись, но без фонаря и праздник не праздник. Разве он имеет право в такой день огорчать детей — как им все объяснишь? Вот он и придумал хитроумный способ: купил помелон, осторожно снял с него кожуру, вырезал на ней иероглифы «Во время праздника середины осени луна самая яркая» и повесил свой самодельный фонарь на окно. Помелон еще можно съесть, но до чего жалко детишек, которые должны встречать праздник в такой нищете!

— Не, не хочу смотреть, мне не нравится!— разочарованно протянул мальчик.— Я люблю фонари в виде персиков бессмертия...

— Па, я тоже хочу цветной фонарик, и еще лунный пряник, чтобы на нем был нарисован поросенок!— перебил Ямин, прижимаясь к отцу.

— Нет, нет. Все «купи» да «купи»... А где я вам денег возьму? Вы лучше слушайтесь отца да сестру и не бегайте где попало. Поняли? Вот...

Он обнял одного сынишку, погладил по голове другого и сказал только что вернувшейся с покупками Даюй:

— Вечером разделите между собой помелон!

Тем временем соседки — жена Лао Чжоу и мать Яцзи — поспешно разделывали петуха, чтобы принести его в жертву духам, а затем съесть.

3

Он вышел на улицу — по случаю праздника она, разумеется, выглядела совсем иначе, чем обычно.

Солнце уже убрало свои свирепые лучи, жара сменилась прохладой. Число лотков на улице заметно увеличилось. Здесь торговали и помелонами, и лунными пряниками, и овощами... Между лотков, стоявших рядами, ходили люди, явно озабоченные своими праздничными проблемами. Всюду висело множество цветных фонарей, особенно в дверях и окнах лавок.

— Покупайте помелоны из Гуанси, сладкие-пресладкие!

— Купите курицу, господин! Жирная и нежная!

— Покупайте лунные пряники, не пожалеете! Смотрите, какие они ровные да красивые!

В ответ на эти зазывания он только мотал головой и проходил мимо. Ему не хотелось ничем любоваться, все это было как будто отгорожено от него, а другие тем временем выбирали и торговались.

Вскоре он добрался до своего землячества и вошел в него, чтобы посидеть в читальне. Обычно здесь бывало немало народу, но сегодня не было ни души. Он даже удивился, а потом сообразил, что все готовятся к празднику и только такой горемыка, как он, может сейчас думать о чтении. Впрочем, это тоже неплохо, по крайней мере удастся избежать праздничной суеты и спокойно посидеть в тихом месте. Безработному даже четверть часа некуда девать, особенно в такое радостное для всех время.

Он начал читать газету — с первой страницы до последней, не пропуская ни одной заметки, ни одного объявления. Обстановка становилась все хуже, это уже давно не удивляло его, но одна деталь все-таки больно кольнула: объявлений с предложениями своих услуг сегодня было особенно много. Один, окончивший среднюю школу, предлагал услуги учителя; другой, обладавший большим опытом в торгов-

ле и знанием нескольких языков, искал хоть какую-нибудь должность... Господи, сколько у него в этом городе товарищей по несчастью! Притаившаяся было тоска снова всколыхнулась. Ведь неполный месяц тому назад он тоже публиковал в разных газетах объявления, предлагая свои силы и знания. Ни одного ответа он так и не получил, это было страшным разочарованием.

Когда он вышел из читальни, приближалось время ужина. На улицах стало намного тише, потому что все разошлись по домам и молились. Кое-где на земле виднелись кучки пепла от сожженных ароматных палочек и лужицы застывшего воска от свеч. Он вспомнил народное двустишие:

В августе празднуется середина осени.
Одним радость, другим — печаль.

Только сейчас он до конца ощутил горький вкус этих строк. Действительно, люди слишком неравны. Всюду преграды между силой и слабостью, весельем и печалью, счастьем и горем!

Выйдя на большую улицу, он пошел вперед без всякой цели, словно бездомный бродяга. Внезапно его кто-то окликнул:

— Господин Хэ, куда вы? Загляните к нам, поужинайте с нами!

Голос был очень знакомым. Хэ оглянулся и увидел в дверях одного из домов жену своего бывшего сослуживца, которая махала ему рукой. Он очень смутился и поспешно ответил:

— Большое спасибо, госпожа Цянь, но не могу. Спешу домой, к детям!

Чтобы не передумать, он торопливо двинулся вперед, отгоняя от себя всякие мысли. Если бы он снова побывал в этой милой и радушной семье, ему стало бы еще труднее. Но сразу возвращаться в свой жалкий дом и видеть печальные лица детей было тоже

невыносимо. Лучше уж еще побродить по улицам.

В этот праздничный вечер, когда принято поклоняться луне, люди несли знаменитые лунные пряники с надписями: «Ветер и луна над рекой», «Осенняя луна над озерной гладью», «Отражение луны в трех пучинах». Люди победнее тоже покупали лунные пряники, хотя и с менее изысканными надписями. Дети, сбившись в кучки, зажигали свои фонари и, довольные, носили их от дома к дому. Фонари были в виде карпов, стрекоз, бабочек, дурианов, персиков, гранатов и даже в виде самолетов. Яркие разноцветные огоньки двигались во все стороны, то поднимаясь, то опускаясь. В дверях лавок висели и вращались большие фонари, внутри которых мелькали фигурки скачущих всадников с мечами и копьями. Возле этих фонарей зачарованно стояли группы женщин с детьми. Словом, праздник середины осени был даже красивее и оживленнее, чем Новый год.

Народу на улицах стало еще больше. Многие уже раскраснелись от выпитого вина и, пробираясь сквозь толпу, дышали в лица встречных винным перегаром. Только Хэ чувствовал себя совсем одиноким. Он по-прежнему шел бесцельно, как бездомный бродяга. В желудке у него пусто, и ему не хотелось больше смотреть на всю эту праздничную суету.

Из каждого уголка улицы на него надвигались гадатели с подносами, на которых между двумя курящимися ароматными палочками грудами лежали таблички с предсказаниями.

Попытайте свое счастье,
И вы найдете своего духа!
Гадая под лунным светом,
Вы встретите благородного человека! —

нараспев произносили они. Многие не жалели двух

монеток и покупали гадательную табличку, чтобы узнать свою судьбу. По древнему поверью, гадание в эту ночь считается самым верным.

Неожиданно для самого себя Хэ на последние деньги тоже купил такую табличку, но не стал ее рассматривать, а, сунув в карман, побрел домой. Лицо его обдувал теплый вечерний ветер.

Когда он вернулся, стенные часы пробили десять. Явэнь и Ямин уже сладко сопели, только старшая дочь, Даюй, не спала, качая колыбель с малышом. На фонаре из помелона светились иероглифы: «Во время праздника середины осени луна самая яркая». В общем, семья более или менее благополучно миновала этот праздник. Даюй сказала отцу, что ребятишки целый день веселились, надеясь, что он принесет фонари и лунные пряники, а потом зажгли фонарик из помелона и заплакали перед ним. Она уж успокаивала их, успокаивала — все без толку. Потом, слава богу, уморились и задремали.

Стыд полоснул его, как безжалостная плеть. С болью в сердце он посмотрел на нежные лица детей, погладил их и, отойдя к окну, вытащил гадательную табличку. На ней значилось: «Парчовый путь после поста». Вот оно что! Оказывается, ему суждено сначала поститься, а потом объедаться. Но когда же кончится этот затянувшийся пост?

Не осмелившись читать дальше, он поднял голову и взглянул на ослепительно-белую луну. Она спокойно плыла в небесах, окруженная лишь несколькими облаками, похожими на клочки ваты. Его запыленное лицо, все усталое тело разом потянулись к лунному свету, омылись в нем, и ему постепенно полегчало.

Даюй, эта смышленая и мужественная девочка, затянула колыбельную песню. Ее голос звучал печально, но тепло:

Воробей
Понес бамбуковую веточку,
Понес на холм к тетушке.
Его тетушка причесалась,
Украсила головку красным цветком.
Ах, как красиво!

Малыш снова заплакал. Девочка попыталась успокоить его и завела новую песню:

Лунный свет
Землю озаряет.
Мне уж скоро тридцать.
Рву плоды арека,
Арек ароматен.
У меня невеста есть,
Да вот беда —
Волосы у нее коротки...

Тут ее голос стал прерываться. Хэ вгляделся внимательнее: девочка безостановочно качала люльку, но в ее черных блестящих глазах стояли слезы.

ЛОТЕРЕЯ

В последнее время ночи ей казались особенно длинными — наверное, оттого, что ей снилось много снов. Но она любила долгие ночные часы, а сны доставляли ей радость.

Каждый день у нее начинался одинаково. Встав утром с постели, Ядэ, не умываясь, сразу же бежала к соседке, тетушке Чэнь Мин, и подробно расспрашивала ее о том, какие нынче выпали цифры в лотерее «Двенадцать веток». Узнав эти новости, она возвращалась к себе и только тогда умывалась, потом шла за покупками, стряпала обед или делала что-нибудь по хозяйству.

Но сегодня Ядэ, проснувшись, не встала, как

обычно, а продолжала лежать в постели, с тревогой ожидая, когда соседка сама придет к ней и сообщит о последних новостях. Услышав стук деревянных туфель, она поспешно вскочила с кровати.

— Ну как?— с тревогой спросила она соседку, едва та появилась на пороге.— Какие выпали цифры?

Прическа Ядэ напоминала птичье гнездо.

— Две пятерки, дьявол их побери! Опять не повезло.

— Значит, снова проиграли!— огорченно проговорила Ядэ, хотя предчувствовала, что лотерейные билеты, купленные вчера, все равно не выиграют. А ведь она купила их на целых десять долларов.

Несколько дней назад кто-то из соседок сказал, что ей обязательно надо сходить в храм на Горе Долголетия — Ваньшоушань,— потому что тамошние боги, мол, отличаются особенным могуществом. Всякий, кто их хорошенько попросит, обязательно выигрывает, иногда много: тысячи две, а то и больше. Но перед гаданьем надо непременно попоститься — яснее проявлять сокровенные желания души. Иначе проку не будет.

Она подробно расспросила женщину, на каком автобусе надо добираться до района Пасир-Панханг и как найти Гору Долголетия. Совершив положенное омовение и попостившись, она понаряднее оделась, купила цветов и фруктов, свечей и бумажных денег [1] и отправилась в храм на моленье. На это ушло почти полдня. В храме она пожертвовала два доллара на благовонное масло, что вместе с другими расходами составило изрядную сумму: целых пять долларов.

---

[1] Ритуальные деньги, которые сжигаются в храме во время моленья.

Гаданье подсказало ей числа пять и восемь, она старательно записала их на листке бумаги. Чтобы не произошла какая-нибудь досадная ошибка, она купила билеты с магическими знаками, да не один, а сразу несколько, и на каждом написала цифру: десять долларов. Теперь она была уверена, что все непременно обернется самым лучшим образом и она обязательно выиграет. Если цифры сойдутся, ей достанется не меньше двухсот или трехсот долларов, а если особенно повезет — полтысячи. Во время гаданья она обещала духам, что если выиграет, то непременно поднесет им щедрые дары. Но, увы, ее снова настигла неудача, чего она никак не предполагала.

— Тетушка Мин! Нынче ночью мне приснился сон, чудной такой сон! — Ядэ стала рассказывать его соседке с таким жаром, что забыла привести себя в порядок.— Вижу — возле меня вертится черная собака, туда метнется, сюда, а сама головой крутит, хвостом вертит и лает на все четыре стороны. Я гоню ее прочь, а она не уходит. И вдруг вижу — ползет большущая желтая змея. Собака испугалась и бросилась прочь, но потом вернулась, подбежала ко мне и — цап за палец. Я испугалась и проснулась... Как по-твоему, к чему этот сон? Какие цифры нужно загадать?

Ядэ и раньше одолевали сны. То ей приснится диковинная птица, то привидится чудесное дерево. Особенно странные сны она помнила, остальные забывала. С тех пор как она пристрастилась к лотерее, снов стало особенно много — то ли от смутных надежд на удачу или боязни проигрыша, то ли по другим причинам. Сны были удивительные, а порой настолько причудливые, что пересказывать их было совсем непросто. В каждом сне ей чудилось знаменье или загадка, и, чтобы их уразуметь, она

бежала вниз, к сяньшэну[1], который занимался составлением писем, но брался и за гаданье. Она думала: раз сяньшэн умеет читать книги, значит, может и гадать. Две недели она советовалась с ним, но так ни разу и не выиграла. Потеряв кучу денег, Ядэ разочаровалась в гадателе: писака не умеет толковать сны, поэтому ее преследуют неудачи.

Когда умерла ее родная тетка, кто-то надоумил Ядэ загадать цифры во время похорон. Загадала — и выиграла: целых триста долларов! Эта удача несколько ослабила горечь предыдущих проигрышей. На следующий день ей опять не повезло. Какая досада, что в тот счастливый день она не купила билетов побольше — хотя бы на несколько десятков долларов. Тогда бы она могла выиграть несколько тысяч. Как было бы здорово! Вот почему Ядэ и рассказала сегодняшний сон соседке Чэнь Мин и попросила растолковать его.

— Сдается мне, что черная собака — посланец на вороном коне, то есть «восьмерка», а желтая змея — красный сановник, значит, «десятка». Поэтому надо купить билеты с этими цифрами! — неуверенно предположила соседка и вздохнула: — Чудной, конечно, сон, непонятный, но попытать счастья можно. К тому же эти цифры ты раньше не загадывала. И я рискну — тоже куплю билетов на несколько долларов!

— А под каким девизом нынче выпустили билеты?— спросила Ядэ с беспокойством.

— Будто бы поговорка: «Ехать верхом и любоваться цветами»[2]. Вот я и думаю, что «конь» с

---

[1] Учитель, наставник. Почтительное обращение к старшему по возрасту.

[2] Старая китайская поговорка, означает поверхностное отношение к чему-либо.

«сановником» выпадут точно! — В голосе соседки послышалась сейчас твердая уверенность человека, обладающего большим опытом.

— Эх, была не была! Поставлю на них несколько долларов! — воскликнула Ядэ, зараженная уверенностью соседки.

В это утро она проболтала с соседкой больше часа и не успела умыться.

Характер у Ядэ, как и у ее мужа Чжан Миндэ, был простой и открытый. С детства они усвоили одну неоспоримую истину: в этом безрадостном и жестоком мире преуспевают лишь люди с железной волей. Они очень подходили друг другу, может быть, поэтому в доме всегда царило согласие. Приятели и друзья в один голос говорили, что они — идеальная супружеская пара и все им должны завидовать.

Одно лишь огорчало: женаты уже три года, а детей нет. В дом порой закрадывалось уныние и даже тоска. Ядэ особенно начала тосковать с тех пор, как муж стал матросом и проводил в море месяц, а порой и два. Побудет дома денек-другой и снова уходит в плаванье.

Ядэ никогда не знала дурных привычек. Добрая и покладистая, она была образцовой женой и несомненно стала бы хорошей матерью. Правда, от безделья она любила поболтать, иногда больше чем следует, особенно с тетушкой Чэнь — давней поклонницей лотереи «Двенадцать веток», которая на протяжении десяти лет стала в жизни пожилой женщины самым важным делом. Кажется, не было дня, чтобы соседка не покупала лотерейных билетов. Иногда она выигрывала, и тогда в доме царило необычайное веселье. Но чаще тетушка Чэнь проигрывала, порой всю наличность, не оставалось даже мелочи, чтобы купить хоть немного овощей для трех

ребятишек; в такие дни приходилось довольствоваться одним рисом. На тетушку находила хандра, и она по любому поводу начинала браниться. Она становилась невероятно скупой — как тот железный петух, из которого не выдернешь ни одного перышка. Обычно проигрыш тетушки составлял небольшую сумму, выигрыши тоже не бывали большими.

Ежедневная болтовня женщин в конце концов переходила на лотерею. Ядэ живо интересовалась, выиграла соседка нынче или проиграла, выказывая при этом большое внимание и сочувствие. Вот так Ядэ и пристрастилась к проклятой игре. Наверное, это произошло оттого, что на душе у нее было тоскливо и ей хотелось чем-нибудь развлечься. Мало-помалу игра в «Двенадцать веток» захватила все ее существо и поработила.

Падение Ядэ произошло столь стремительно, что первое время никто этому не верил. Такая добродетельная женщина, и вдруг — что выкинула! Некоторые соседи не верили слухам. Но Ядэ как-то заметили в игорном зале, а потом видели ее там постоянно.

Сначала она играла по тридцать — пятьдесят центов и никогда не повышала ставки до доллара. Она считала, что если и проиграет, то самую малость, и не видела в этом ничего дурного. Все женщины, сидящие дома, как и она, обязательно во что-нибудь играют: в мацзян, в «три листика»[1] — или покупают билеты лотереи «Двенадцать веток». Мацзян требует усидчивости и терпения, эта игра была ей не по душе. Другое дело — «Двенадцать веток»! Лотерея сразу пришлась ей по вкусу. Почти месяц она играла и не проигрывала, но и не выигрывала. Словом, оставалась при своих. Вот тогда и появились тревожные мысли. Неужели у нее такая

[1] Карточная игра.

несчастливая судьба? Она отправилась к ворожее, которая обычно сидела на их улице, разложив прямо на тротуаре незамысловатые принадлежности для предсказания судьбы. Вытащив из банки заклинанье, Ядэ ждала, что скажут ей триграммы: будет удача или нет? Бумажка предрекла: в мае следует ждать богатства — не слишком большого, но и не малого. Она решила, что восемьдесят или сто тысяч ей, конечно, не выиграть, а тысяча-другая достанется непременно. И никто этому не может помешать! Мысль о выигрыше околдовала ее. С этого самого дня она стала видеть особенно много снов, причем, как мы сказали, были они один другого удивительнее.

Ядэ рассказывала сны гадателям и просила объяснения. Внимательно запомнив все знаки и цифры, которые выпадали при гаданье, она, не колеблясь, покупала лотерейные билеты, и не как раньше, на мелочь, а долларов на десять и больше. На первых порах это не представляло затруднений, так как в доме были кое-какие сбережения. Вскоре жажда разбогатеть превратилась в пагубную страсть. Она думала: если другие выигрывают по две или три тысячи долларов, почему она, Ядэ, должна отказываться от своего счастья? К тому же оно само плывет в руки. И она стала покупать лотерейные билеты на крупные суммы. Она проиграла еще несколько раз подряд в течение одной недели. Но проигрыши ее не остановили. Она и глазом не моргнула и продолжала играть, твердо веруя в тысячный выигрыш, который покроет все ее проигрыши. И с прежним упрямством покупала лотерейные билеты.

Частые проигрыши Ядэ в конце концов обеспокоили тетушку Чэнь, и она сказала об этом молодой женщине, но Ядэ пропустила мимо ушей это предупреждение.

«Наверное, время мое еще не наступило!» — думала она.

Минула еще неделя, а счастье не приходило. В конце концов она проиграла все сбережения, которые они с мужем накопили за три года,— пятьсот долларов! Только сейчас она поняла, что произошло, и сердце ее сдавило горе. А тут еще одна печальная новость: умерла ее родная тетка. Как говорится, беда не приходит одна. Новое горе было тяжелее проигрыша. О скорбном событии проведала всезнающая Чэнь Мин, и у нее сразу же возникла прекрасная мысль:

— Вот счастливый случай!— воскликнула она.— Надо живей погадать, пока страдающая душа покойной еще не удалилась... В нынешнем году у моей двоюродной сестры померла свекровь. Сестра, помолившись перед гробом, загадала цифры. И что же ты думала? Выиграла пять тысяч! Разумеется, перед этим она усердно молилась и два дня постилась. Попробуй и ты.

Ядэ кивнула головой. Мысль показалась ей дельной. Заложив золотую цепочку, она накупила свечей и поминальных даров. Затем запечатала в конверт десятидолларовую ассигнацию и опустилась в храме предков на колени.

— Тетушка!— почти беззвучно шептала она, стараясь вложить в слова мольбы всю полноту своих чувств.— Спаси меня и надоумь выбрать счастливые цифры. Обещаю тебе, если отыграюсь, то приглашу монахов и велю им два дня свершать молебен, чтобы твоя душа беспрепятственно отправилась на Западное Небо[1]. Пожалей меня, горемычную, помоги мне выиграть...

---

[1] Западное Небо и Западные края в китайской мифологии — загробный мир.

Так она молилась, не обращая внимания на укоризненные и насмешливые взгляды посторонних.

И что же? Ей действительно повезло. Она выиграла триста долларов! Неожиданное счастье! Жалко, что у нее было мало денег, иначе можно выиграть и тысячи три, а то и все пять. Вот была бы радость! Довольная, как дитя, она решила погадать еще раз, а потом снова сыграть. Но на другой день счастье от нее отвернулось: она проиграла пятьдесят долларов. Однако бесовское наваждение уже завладело ее душой. Как в поговорке: пока не дошел до Хуанхэ, душа не успокоится. Так произошло и с Ядэ. Проводив гроб старухи на кладбище и бросив на него горсть сырой земли, она снова загадала цифры. Но, увы, судьба снова стегнула ее своей плетью — ударила больно, будто по самому сердцу. От прошлого выигрыша у нее осталась жалкая сотня долларов, часть денег она отдала за моленье, остальные проиграла.

С тех пор о ней и пошла слава как об азартном и отчаянном игроке в «Двенадцать веток»...

После обеда она тщательно обдумала совет тетушки Чэнь, и он показался ей весьма дельным. Это укрепило ее решимость и она, уже не колеблясь, выложила сразу пятьдесят долларов. Ядэ рискнула сделать такую крупную ставку, боясь повторить ошибку, которую она совершила в прошлый раз, когда она так непростительно просчиталась. Подобной ошибки не должно больше повториться! Чудной сон, который ей приснился, предсказывал большое богатство.

Ожидание показалось ей вечностью: секунды не бежали, а тянулись медленно и нудно. Миновал день, наступили сумерки, пришел вечер, она мучительно ожидала рассвета. Сердце бешено колотилось, а в груди как-то странно покалывало, точь-в-точь как в

тот вечер, когда она стала женой Миндэ. Она пыталась заставить себя успокоиться, но никак не могла совладать со своим волнением и тревогой. Рассудок отказывался ей служить. Сон убегал, хотя глаза слипались от усталости. Измученная, будто претерпев лютую пытку, Ядэ едва дождалась рассвета. Быть может, он принесет исполнение ее давнишней мечты!

Тетушка Чэнь волновалась ничуть не меньше. Ведь она тоже накупила лотерейных билетов, чтобы поддержать соседку. Рано утром она побежала узнать результаты тиража и вскоре вернулась. По выражению ее лица и удрученному виду можно было догадаться о неудаче. Ядэ охватил внезапный озноб.

— Что, не выиграли?— как обычно, спросила она, сдерживая забившееся тревогой сердце.

— Проиграли! Выпали две пятерки!..— Соседка покачала головой и горько улыбнулась.

Слова старухи ударили, словно обухом по голове. Ничего не сказав, Ядэ вернулась к себе и легла на постель, даже не умывшись, чего раньше с ней никогда не случалось.

Несмотря на многократные удары злой судьбы, она не впала в отчаяние. Страстное желание выиграть не исчезло, оно продолжало гореть жарким пламенем в ее груди.

Можно ли утверждать, что человек никогда не спотыкается в своей жизни? А если споткнется, разве не захочет вновь встать на ноги? Простая, ничем не примечательная женщина, Ядэ обладала сильной волей и большим упрямством. Споткнувшись, она старалась снова встать на ноги — изо всех сил старалась отыграться. Наличные деньги кончились, но оставались еще кое-какие украшения и ценные безделушки, их можно заложить или продать.

Почти каждый день играя в лотерею, она превзошла в специальных познаниях тетушку Чэнь, а

вскоре снискала уважение всех местных игроков-профессионалов. Она познала многие тонкости игры и, казалось, постигла все ее тайны. Поначалу она ходила гадать лишь в район Нючэшуй, но вскоре пагубная страсть погнала ее в другие уголки Сингапура: к Малому склону, в Катонг, Гэйланд, Чанги, Дальнюю Гавань, Букит-Тимах, Танжонг-Пагар, Пасир-Панханг — словом, туда, где находились храмы, кумирни, монастыри и обители монахов. Под древними деревьями на склонах холмов, перед нагромождениями диковинных камней она зажигала свечу и принималась за гаданье, тщательно запоминая выпадавшие цифры и подсчитывая будущие выигрыши. Она гадала исступленно, а молилась с таким жаром, что ей могли позавидовать даже монахи. Но выигрывала она по-прежнему редко, горькие неудачи преследовали ее. Она узнала многие легенды и чудесные истории о тех местах, где приходилось гадать. К примеру, то древнее дерево считалось волшебным, а тот диковинный камень явил чудесное знаменье. На вершине того холма вдруг появился горный дух. Она узнала, что в одном месте повесился человек и его обиженная душа теперь мстит людям. А гаданье в другом месте принесло большое богатство, и счастливчик на выигранные деньги построил настоящий дворец. А есть и несчастливые места: сколько там ни молись, удачи не будет...

Она испробовала все старые способы гаданья и стала искать новые. Самым интересным ей показалось гадание, называвшееся «Цзян Тайгун[1] поддел на крючок рыбу». На двенадцати полосках бумаги

---

[1] Персонаж древнекитайских сказаний. Цзян был простым рыбаком, но на склоне лет по воле государя стал его советником и полководцем.

надо было написать знаки и цифры. Свернув бумажки в трубочку, их следовало положить на блюдце, после чего возжечь благовонную свечу, к которой привязана нитка. При таком гаданьи важно очистить душу от дурных помыслов и освободить голову от суетных мыслей. Держа свечу обеими руками, надо склониться над блюдцем с бумажными трубочками, как это делает рыбак во время уженья, и прошептать: «Ловись рыба крупная, не ловись мелкая! Ловись рыба крупная...» Нитка, привязанная к свече, чудесным образом зацепляла трубочку, и та поднималась кверху. С помощью такого гаданья Ядэ сумела выиграть два раза, но потом почему-то ворожба потеряла силу. Порой ее «уженье» затягивалось на многие часы, однако ей так и не удавалось вытянуть счастливые цифры.

Существовал еще один способ гаданья под названием «Дитя держит в руках благой знак», который, по слухам, тоже мог явить счастливые цифры. Она испробовала и его, но безуспешно. Кто-то поведал ей еще об одном приеме, совсем удивительном. Надо пойти ночью в заброшенный храм и, загадав сон, проспать там всю ночь. Ядэ была не из робкого десятка, но все же не отважилась испытать этот способ гаданья — она очень боялась темноты и нечистой силы, а также других неожиданностей, которые могут произойти ночью в диком месте. Кто-то из соседей однажды посоветовал ей, дождавшись мужа, испробовать еще один способ, по слухам самый лучший. Когда муж уснет, надо прикрыть его лицо бумажной жертвенной деньгой, зажечь свечу и приступить к гаданью. Одна женщина будто бы уже испробовала такой способ, мигом разбогатела, но, увы, потеряла своего мужа. Ядэ не отважилась прибегнуть к такому гаданью, хотя его и расхваливали.

«Дело опасное,— подумала она.— Как бы не случилось чего-нибудь плохого».

Но была и другая причина ее опасения. Муж до сих пор ничего не знал о ее страсти. Если она случайно раскроет ему свой секрет, наверняка произойдет размолвка, а этого она боялась пуще всего.

Как-то в конце июля вернулся из плавания муж. В тот же день он решил пройтись подышать свежим воздухом. Понятно, ему захотелось поприличней одеться. В шкафу стояла небольшая шкатулка, в которой хранились ценные вещицы. Он открыл ее — там пусто. Спросил у жены, куда, мол, девались все ценные вещи, а было их немало — тысячи на две долларов, не меньше. Испуганная Ядэ пробормотала, что спрятала их у матери, боялась, как бы в дом не забрались воры. Такое объяснение успокоило мужа. Да и какие у него могли возникнуть сомнения, если они с Ядэ доверяли друг другу! Он по-прежнему верил ей, хотя и уходил в долгие плавания.

Ему показалось, что, пока он был в море, жена будто бы осунулась и поблекла. А раньше была такая розовощекая, светлокожая... Спросил, уж не экономила ли на еде — так и здоровье недолго подорвать. Она ответила мужу, что сильно болела, а после выздоровления случилась новая беда — умерла тетка. Надо было помочь дядюшке Линю с похоронами, пришлось хлопотать, нервничать, поэтому и выглядит плохо. Муж посочувствовал и посоветовал беречь себя и принимать укрепляющие лекарства, деньги на это он ей переведет.

К счастью, Миндэ пробыл дома недолго. Поживи он еще три-четыре дня, до него наверняка дошли бы дурные слухи и тогда не миновать бы грозы. Он не перенес бы известия о том, что его жена пристрастилась к игре в «Двенадцать веток» и не только проиграла все их сбережения, но и продала все цен-

ные вещи, наделала долгов, причем довольно крупных. Но самое скверное: о Ядэ стали поговаривать, будто она завлекает мужчин и берет с них деньги. Какими глазами она посмотрит на своего Миндэ, когда эти слухи дойдут до его ушей? Вся жизнь будет исковеркана!

На следующее утро муж снова уходит в море. Когда его крепко сбитая фигура должна была вот-вот исчезнуть за поворотом, на ее глаза навернулись слезы, а в носу защипало. Она заплакала, охваченная отчаянием. Слезы текли по щекам и скатывались на платье. Боль и раскаяние разрывали ее душу. В голове пронеслась мысль, что сейчас, возможно, они расстались навсегда. Как странно! Прожить вместе три года, и вдруг всему конец! Ядэ понимала, что она совершила непростительную ошибку. Так-то она отплатила Миндэ за его доброту! Своими собственными руками она развеяла счастье, которое было и могло еще быть в их жизни. Она обманула честного и открытого Миндэ, бороздящего моря... Ядэ вдруг представила себе его горе, нет — он просто был бы убит, узнав, что его любимая Ядэ погрязла в позорной трясине. Сколько глупостей наделала она за это время. И самое страшное — ничего уже нельзя изменить. Ничто ее уже не спасет. Конец!

От рыданий глаза ее покраснели и опухли. Она почувствовала вдруг слабость, все поплыло у нее перед глазами. Она лишилась сознания.

— Спасите! На помощь!— раздались крики тетушки Чэнь, которая заметила лежавшую на земле молодую женщину.— С нашей Ядэ приключилась беда!

Тетушка выбежала из дома, забыв даже надеть свои деревянные туфли. Она бросилась к Ядэ, обхватила ее руками, стараясь приподнять.

Поднялся переполох. Из дверей высыпали соседи. Встревоженные криками тетушки Чэнь, они устремились к лежавшей на земле Ядэ. Кто-то помог ей подняться, кто-то сбегал за нашатырем. Сознание постепенно возвращалось к молодой женщине, она пришла в себя. Две соседки повели ее в дом.

К вечеру пришла тетка Ядэ, Чжума, по прозвищу Свиная туша. Она поинтересовалась, почему Ядэ не пришла к ней вчера. Заставила напрасно ждать почтенных и богатых гостей. Они будто сказали тетке Чжуме, что другие девушки их не интересуют, а Ядэ им приглянулась. Жирный Лим — коммерсант из экспортно-импортной конторы — прямо заявил, что готов выложить целую кучу денег, чтобы немного позабавиться с такой красоткой, как Ядэ. Покладистая и нежная, она очень ему пришлась по душе. Редкие в наши дни, сказал он, эти качества в женщине. Тетка, весьма обрадованная таким поворотом дел, принялась расхваливать себя. Все, мол, знают тетушку Чжуму и все ее почитают за большой жизненный опыт, ведь она занимается сводничеством уже свыше двадцати лет.

Свиной туше пришлось затратить немало усилий, чтобы заманить в свое логово молодую женщину. И она гордилась своим подвигом, так как знала, что у других владелиц притонов такого «свеженького товара» нет. Сводня надеялась неплохо заработать на этом «товаре». Жирный Лим ей сказал напрямик, что готов хоть сейчас нанять красотку на весь месяц. Жаль, что вчера он впустую потратил вечер... Ну да ладно! Все равно нынче вечером снова явится и будет ждать Ядэ в надежде, что сегодня ему непременно удастся «облегчить душу».

Ядэ сразу представила себе этого блудливого кота — жирного Лима, от которого всегда исходил

омерзительный запах. Перед ее глазами всплыло его лицо, похожее на свиное рыло с широкой пастью, наполненной гнилыми зубами. Молодая женщина почувствовала тошноту и вновь едва не потеряла сознание. Этот мерзкий делец старается изо всех сил заполучить ее и даже «нанять на весь месяц». Жирная жаба, задумавшая полакомиться лебединым мясом!

«Если бы случайно не оступилась, не попала бы курочка в лисьи лапы!» — подумала Ядэ с огорчением. В ней поднималась волна гнева, но она сдержала себя, потому что боялась сводни. Свиная туша снабжала ее деньгами...

Проиграв несколько раз подряд в «Двенадцать веток», Ядэ обратилась за помощью к тетушке Чэнь, а та свела ее со Свиной тушей. Долги молодой женщины постепенно росли, и в один прекрасный день перевалили за тысячу долларов, не считая мелких долгов соседям. Через некоторое время сводня потребовала возвратить долг и стала ей угрожать. Потом в ход были пущены обещания, посулы. А однажды Свиная туша сказала, что если Ядэ согласна посетить ее «благоуханное гнездышко», то сможет немного подработать, причем ни одна живая душа об этом не узнает, так как своих клиентов Ядэ будет встречать не на тротуаре, а в приличном доме. Словом, ее репутация, мол, нисколько не пострадает. Если она согласна, то ее долги можно на время отсрочить и тем самым она избежит опасности...

Вот так Ядэ пришлось заняться постыдным ремеслом. И все из-за этих проклятых денег! Она вынуждена была дать согласие и стала тайком ходить к сводне, объясняя соседям, что отправляется навестить мать. Но уже недели через две поползли слухи, а однажды она случайно услышала о себе

такое, что у нее захолонуло сердце и щеки покрылись краской стыда.

Ядэ объяснила сводне, что не пришла вчера потому, что вернулся муж, а нынче утром она внезапно заболела и вечером тоже не придет. Пусть уж ее извинят.

— Как это так?— Лицо гостьи сразу стало суровым, а в голосе послышались стальные нотки.— Господин Лим слишком известный человек, чтобы его можно было обижать. Посидит впустую один вечер, посидит второй, а там, глядишь, этот бог богатства от меня отвернется. Нет, так дело не пойдет! Эка невидаль — захворала!

Молодая женщина поняла, что ей не отвертеться.

— Ну ладно!— подумав, сказала она.— Только мне нечем себя приукрасить... сама знаешь, сижу на мели. Если ссудишь мне долларов пятьсот, тогда другой разговор!

— По рукам! Вечером придешь, получишь и деньги, и украшенья! Только приходи пораньше, иначе толстяк затоскует!

Сводня подняла со стула свое расплывшееся тело и направилась к выходу.

Вечером Ядэ надела длинное модное платье из красноватого шелка, наложила на лицо густой слой пудры и вышла из дому. Было темно, и ей показалось, что она погрузилась в глубокий колодец.

Эту ночь она провела в «гнездышке» Свиной туши.

3

Она вернулась домой на велорикше лишь на рассвете. Ее нарядное платье, тщательно отглаженное накануне, измялось и было как жеваное. Стран-

но, она не только не устала, но, наоборот, чувствовала необыкновенный прилив сил. Войдя в комнату, она не подумала о сне или даже о коротком отдыхе. Переодевшись, она тут же выскочила за дверь. В ее груди теплилась последняя надежда. На Дамалу[1] она взяла такси и поехала к Храму Бирюзовой Горы — Бишаньтин, где находилось кладбище. Возле Седьмого участка она велела шоферу свернуть в сторону и остановиться близ старого вяза. В этот ранний час на кладбище стояла тишина. Листья деревьев были покрыты молочно-белой росой. В паутине, сотканной земляными паучками, трепетали капли росы, готовые вот-вот скатиться вниз. Старый вяз стоял, как могучий бог Куйсин[2], изготовившийся к схватке. Издали он действительно напоминал фигуру человека, готового ринуться в бой. Его кряжистый загрубевший ствол, покрытый бурыми наростами, переплетенный, будто волосами, какими-то нитями, напоминал гигантскую ногу.

Ядэ вспомнила рассказ о том, что на суку могучего дерева нашли свою смерть многие люди. Их души все время появляются здесь глубокой ночью, бродят вокруг и водят хороводы в холодном тумане. Бездомные и обиженные, они беспрерывно оглашают воздух своими скорбными воплями и стонами, приводящими людей в трепет. Иногда на шероховатом стволе или сучьях старого вяза появляются цветной шнур или просто веревка — свидетельство того, что еще один горемыка попал в коварную западню старого гиганта.

Под деревом лежит громадный коричневый с кирпичным оттенком камень, неизвестно как здесь очу-

---

[1] Одна из центральных улиц города.

[2] В китайской мифологии название звезды и божества — покровителя словесности и искусств.

тившийся. Его поверхность, гладкая и блестящая, словно отполированная, похожа на стол. С одной стороны камень приподнимается и напоминает диковинный утес. На плоской поверхности камня устроен небольшой алтарь с навесом, под которым торжественно восседает Дабогун[1]. Говорят, алтарь воздвигли неожиданно разбогатевшие почитатели божества.

Ядэ с трудом поднялась к старому вязу. На ее ногах белели нити разорванной паутины, на которой кое-где сверкали бусинки утренней росы. Женщина испытывала чувство радости и умиротворения. Она думала сейчас о том, что старый вяз, по всеобщему признанию, обладает чудесным даром, потому что прячет где-то внутри себя души обиженных, которые помогают таким же неудачникам, как и она. Женщина принялась гадать, моля богов о заступничестве и помощи. Гадание открыло ей цифры: двойку и четверку.

В том же такси она отправилась на Четвертый участок кладбища. Машина катилась по узкой, как баранья кишка, дороге, которая петляла в зарослях Дальней Гавани — Хоугана. Из высокой, в рост человека, травы доносилось бормотанье куропаток. Эти звуки словно отдаляли ее от мира людей и приобщали к первозданной природе. С большим трудом машина преодолела шаткий мостик, сложенный из пальмовых стволов и перекинутый через речку. Сразу за мостом, на берегу, стояла кумирня, построенная в честь какой-то девицы, о ней люди тоже сложили легенду...

Лет двадцать назад одним дождливым вечером здесь оказалась девушка — создание юное и без-

---

[1] Божество, которому поклоняются сингапурские китайцы и малайцы. Дабогун считается покровителем города.

защитное,— которую хорошо знали в этих краях. Никто толком не помнит, как это произошло, но она упала в реку и утонула. С тех пор каждой ночью слышится ее плач и жалобные стоны, поэтому окрестные жители даже светлым днем стараются обходить это место стороной. И вот однажды какой-то отчаявшийся горемыка, набравшись храбрости, пришел сюда попросить у духа заступничества и помощи. Он молил о том, чтобы дух помог ему заработать побольше денег и разбогатеть. Во время гаданья он обещал в случае удачи выстроить кумирню и тем самым умилостивить обиженную и тоскующую душу. Все свершилось так, как просил человек, и он, благодарный, воздвиг эту кумирню. С тех пор по ночам никто не слышал печальных криков, и жители стали безбоязненно появляться в этих местах. После этого случая сюда зачастили богомольцы. Одни просили богатства, другие молили дать им детей, третьи — даровать хоть немного удачи. Словом, просьбы были самые различные, но шли они из глубин сердец. Слава местного божества росла, о чем говорили красные лоскуты со словами благодарности, которыми была увешана кумирня.

Ядэ тоже пришла сюда молить божество о заступничестве. Она чувствовала, что подошла к последней черте, и надеялась на помощь божества. Женщина опустилась на колени прямо в грязь и принялась исступленно молиться. Потом стала гадать, и гаданье определило ей цифры: тройку и шестерку. Закончив это важное дело, она вернулась домой. На ее лице лежало выражение суровой торжественности и напряженности, за которым угадывалось большое внутреннее удовлетворение. На лотерейных билетах она старательно вывела пары цифр, определившиеся при гаданье.

«Возможно, в последний раз!» — подумала она.

Затем на каждом из шести билетов, помеченных магическими знаками, она решительно написала цифру — тридцать долларов. При этом рука ее дрожала, как у той ученицы, которая пишет в первый раз в своей жизни. Написав общую сумму — сто восемьдесят долларов, она облегченно вздохнула, словно сбросила тяжелую ношу. А потом она уснула, и ее сон был спокойным, безмятежным.

Поздно вечером она вышла из дому, как делала всегда в последнее время. Только сегодня она не знала, куда пойдет. В этот вечер к ней домой несколько раз прибегала Свиная туша, вся кипевшая от злости. Она кляла Ядэ за строптивый нрав. Эта девка снова заставила ждать почтенных и влиятельных клиентов!

Ядэ вернулась домой лишь в полночь. Соседка сообщила, что за ней уже несколько раз приходили. Но молодая женщина ничего не ответила, только усмехнулась и пошла к себе. Она легла в постель и стала ждать рассвета, который должен был принести ей нечто радостное, чудесное.

И вот оно наконец наступило — долгожданное утро. Как всегда, к ней пришла тетушка Чэнь с новостями: нынче выиграли две тройки. Для Ядэ слова соседки прогремели словно гром среди ясного неба. Она вскрикнула, а потом вдруг оцепенела. Через какое-то время она пришла в себя и бросилась к шкафу с одеждой. Перерыв в нем все сверху донизу, она что-то нашла.

— Теперь я стала рыбой...— зашептала она.— Сейчас я поплыву вслед за тобой!

Она стремительно выбежала из дому, забыв запереть дверь.

Прошел день и наступил вечер, а она не возвращалась. Кто-то из соседей предположил, что она, наверное, рехнулась. А утром следующего дня отку-

да-то прибежала тетушка Чэнь. Запыхавшись от быстрого бега, она сообщила страшную весть. В Танжонг-Пагаре возле Четвертого склада море прибило к берегу тело женщины. Это была Ядэ, которая, по всей видимости, покончила с собой. Ее волосы были всклокочены, лицо искажено гримасой страдания. На нем лежала печать того горя, которое ей довелось испытать в своей жизни. При утопленнице нашли фотографию, на которой она была изображена вместе с мужем в день свадьбы.

Чжоу Цань

НЕВЕСТА

Цяоцзяо — самая младшая из моих сестер, еще незамужняя. Всего нас у матери пять дочерей, «пять золотых цветков», как называют нас родные и знакомые.

Всю жизнь мать мечтала родить сына, продолжателя рода, но мечта ее так и не сбылась. Когда родилась третья дочь, мать плакала навзрыд вместе с новорожденной, а когда пятая — даже в обморок падала.

«Так уж, видно, нам с тобой на роду написано,— сказал отец матери.— И детей больше заводить не стоит». А через год он умер.

Первыми выдали замуж меня и третью сестру. Мне было девятнадцать, ей — двадцать один. Вторая и четвертая вышли замуж в двадцать пять лет. А пятая все еще невеста, хотя ей тридцать два стукнуло.

Причин тому немало.

Во-первых, она самая младшая, а выдать замуж прежде всего стараются старших. Когда третьей сестре сделали предложение, мать с трудом согласилась, потому что вторая была еще не замужем. Во-вторых, мать не хотела оставаться одна, а четыре дочери уже вылетели из гнездышка. Пусть еще походит в невестах, думала мать, ничего страшного.

Была еще третья причина, почему Цяоцзяо не выходила замуж. С самого рождения она часто болела, и при выборе жениха мать была чересчур придирчивой. Отдать дочь в многодетную семью — об

этом она и слышать не хотела, отказывала также женихам, которые жили в родительском доме. «Попадется злая свекровь, изведет Цяоцзяо».

Время летело быстро, и Цяоцзяо засиделась в невестах.

Здоровье у нее стало как будто получше, голова не кружилась, сердцебиения не мучили.

Исчезло и еще одно препятствие на пути к замужеству: матери не угрожало больше одиночество — к ней переехала четвертая сестра с мужем.

Словом, ничто не мешало теперь Цяоцзяо выйти замуж. И не выходила она только из-за нашей драгоценной тетушки.

Несколько лет назад та переехала в Сингапур и зачастила к нам. Никто в семье, кроме матери, не любил ее, даже наши дети. Бывало, спросишь их: «Хотите к бабушке в гости?» А они в ответ: «Хотим, только боимся бабушкиной сестры».

А боялись они ее потому, что она вечно им выговаривала, ничего не спускала, не то что моя мать. Мать могла не заметить, что внук обратился к ней без должного почтения, тетка же сразу поднимала шум и припоминала ребенку все его проступки. (Кстати говоря, дети у меня вполне воспитанные, неиспорченные, хотя и чуточку озорные.)

«Уж очень любит она совать нос в чужие дела»,— часто говорили мы матери. Но мать тут же вступалась за сестру: «Как у вас только язык поворачивается! Ведь никого из близких у вашей матери, кроме сестры, не осталось. С кем мне, кроме нее, поделиться? А советы она дает для нашей же пользы. И все говорит справедливо».

Мне безразлично, справедливо говорит тетка или несправедливо. Думаю только, что, если бы она не лезла к матери со своими советами, не вертелась возле нее целыми днями и не наставляла на путь

истинный, Цяоцзяо давным-давно вышла бы замуж.

Мать и без того была суеверной, сверялась с календарями, ходила к гадалкам. А с появлением тетки стала еще суеверней, особенно когда речь шла о замужестве дочери.

Еще в прошлом году мой муж нашел для Цяоцзяо жениха, счетовода из магазина, с жалованьем в сто с лишним долларов, да еще дома он подрабатывал. Худо-бедно, долларов триста в месяц у него набегало. Ему было за сорок, поговаривали, будто в Таншане у него осталась жена, которая вышла замуж вторично, так и не дождавшись мужа.

Человек он был положительный. Не пил, не курил, а уж об азартных играх и говорить нечего.

Муж мой и говорит матери:

— Цяоцзяо уже не молоденькая, а годы летят. Жених вполне подходящий. Что вы на это скажете?

— Чего тут говорить,— ответила мать,— как выдам Цяоцзяо замуж, так буду считать свой материнский долг выполненным. А то засиделась она. Раз уж ты так нахваливаешь этого счетовода, неси поскорей его гороскоп.

Мать посмотрела гороскоп — жених вполне подходящий, казалось бы, проблем больше нет. Все мы очень обрадовались, а мать велела моему мужу устроить с женихом встречу, чтобы можно было с ним познакомиться.

Такие встречи обычно устраивали в ресторанчике под вывеской «Гусь», где фирменным блюдом были крабы. Но тетушка решительно воспротивилась:

— Идти в такое заведение? Ни в коем случае, я против! У этих крабов не счесть ног и рук... Они все время ползают — туда-сюда, туда-сюда, покоя не знают... Что же вы, хотите, чтобы у девочки не было ни одного спокойного дня в замужестве?

Доводы тетушки были просто нелепы, но мать не осмелилась ей перечить и спросила:

— Сестрица, куда же нам пойти?

— В ресторан «Канлэтин»— «Беседку процветания и радости»,— не задумываясь ответила та.— Само название сулит счастье. Но дело было вовсе не в названии, просто в этом ресторане познакомился со своей невестой теткин сын.

И вот настал день знакомства. Конечно же, все мы, сестры, участвовали в этом важном событии. Мать сказала, что лишняя пара глаз не помешает: понравится жених всем — и вопрос можно считать решенным.

Само собой разумеется, тетка отправилась с нами: не взять с собой «любимую родственницу» значило нажить себе в ее лице смертельного врага.

В шесть часов, когда зной уже немного спал, сын тетки на машине, взятой у приятеля, привез нас к пруду с фонтаном, что возле «Беседки процветания и радости».

Мы выбрали столик и заказали чай. А вскоре мой муж привел жениха и представил его нам. С этой минуты он стал предметом всеобщего внимания. Больше всех таращила на него глаза тетка, от усердия у нее, казалось, шея стала длиннее.

Жених выглядел куда моложе своих сорока: ни лысины, ни седины, ладный такой, крепкий. «Недурен!»— подумала я и посмотрела на мать — та как раз переглядывалась с тетушкой, и обе довольно улыбались.

— Да вы не церемоньтесь,— говорил мой муж жениху,— держитесь посвободней, погуляйте с Цяоцзяо, поболтайте.

Не успели они последовать его совету, как мы, сестры, усевшись потесней, принялись обмениваться

впечатлениями. Оказалось, мнение у всех одно: «Хорош, тут и говорить нечего!»

Что думала невеста, не имело ни малейшего значения. Да и зачем ей думать? Стоит матери сказать «да», она и слова наперекор не скажет. А мать, конечно, принялась советоваться с теткой. Вопреки нашим опасениям тетка одобрила выбор, и мать сказала: «Да!»

Итак, сватовство как будто шло к своему благополучному завершению, как вдруг поднялся сильный ветер, закружил в воздухе песок и листья и забарабанили крупные, как бобы, дождевые капли. Все бросились под навес спасаться от дождя, а он припустил еще сильней.

Мать в полной растерянности то и дело дергала тетку за подол:

— Где же Ацяо? Где Ацяо?

Тут в пелене дождя показались Цяоцзяо и ее жених, промокшие насквозь. Наша меньшая выглядела жалко: прически, на которую она потратила целых пять долларов, как не бывало, пудру с лица смыло начисто. Цяоцзяо была похожа на мышь, с трудом выбравшуюся из кастрюли с варевом.

Мать упала духом и покачала головой:

— Кто мог подумать, такая хорошая была погода!

Тут тетка придвинулась вплотную к ней и зашептала:

— Сама подумай, сестрица: толком еще не познакомились, а боги их уже своими слезами окропили... Дурное предзнаменование, хуже и не придумаешь! Послушай моего совета: ради будущего Цяоцзяо знакомству этому лучше положить конец. Я много в жизни повидала и знаю...

Мать ничего не отвечала, только охала, видно не зная, как ей поступить.

Ливень наконец прошел, и муж мой обратился к матери:

— Вот дождь и кончился, может, посидим еще, поговорим?

Но мать, мрачнее тучи, отрезала:

— Нет уж, сейчас домой поедем, в другой раз как-нибудь поговорим!

Однако другого раза не было. Так Цяоцзяо опять не вышла замуж.

Спустя некоторое время в роли свата выступил давнишний друг покойного отца дядюшка Линь, который изредка наведывался к нам. Не раз заговаривал он с матерью о Цяоцзяо: дочь, мол, уже взрослая, давно пора ей замуж. «Я потому так откровенно говорю, что Цяоцзяо на моих глазах выросла»,— обычно начинал он разговор, на что мать ему отвечала: «Присмотрели бы вы для нашей Ацяо подходящего жениха, познакомили бы. Ведь вы везде бываете, с разными людьми встречаетесь, не то что я, вдова,— целыми днями сижу дома, никого и не вижу». «Ваши заботы — мои заботы,— говорил дядюшка Линь,— непременно постараюсь найти Цяоцзяо хорошего жениха».

И он действительно нашел. Коротко расскажу, как это произошло. Сначала Линь принес матери фотографию жениха. Жених ей понравился с первого взгляда.

— Солидный мужчина! А уши какие длинные! Значит, жизнь у него будет долгая![1]

Тетушке он тоже понравился, что было особенно важно. По возрасту он был моложе предыдущего — всего тридцать пять. Вел небольшую торговлю,

---

[1] По старым китайским поверьям длинные уши и крупное квадратное лицо — признаки благородного происхождения.

имел хорошую квартиру, автомобиль. К тому же был одинок — словом, жил в достатке.

Состоялось знакомство. Обе стороны остались довольны, и мать сразу же решила:

— Надо узнать друг друга поближе. Давайте выберем день и пригласим господина Се — так звали жениха — в гости.

Все, казалось, шло как по маслу, но случилось непредвиденное.

Когда господин Се пришел, мать усадила его в гостиной и велела моей старшей дочери подать кофе. Гость потянулся за чашкой и ненароком задел стоявшую на чайном столике фарфоровую вазу. Я как раз сидела рядом, но вазу подхватить не успела. Послышался звон, и от вазы осталась жалкая кучка осколков.

Гость стал красным как кумач и едва слышно, почти шепотом произнес:

— Я так неловок, простите...

— Пустяки,— отозвалась мать, хотя выражение ее лица в этот момент вряд ли можно было назвать любезным.

О чем после этого разговаривали мать с гостем, я толком не помню, только он посидел еще с полчаса и поспешил распрощаться.

— Какой нескладный! Познакомиться не успели, а он уже оплошал.— Мать была раздосадована.

А тут еще тетка, узнав о случившемся, подлила масла в огонь:

— Ты не обижайся, сестрица, на мою откровенность. Такой уж я человек — если что знаю, ни за что не смолчу. Надо же, только вошел — и тут же вазу расколотил. Нечего сказать, хорош подарочек. Конечно, Цяоцзяо пора замуж, но против судьбы не пойдешь. Выберет кого не надо, потом всю жизнь мучиться будет.

Мать ловила каждое ее слово. Тут в разговор вмешалась вторая сестра:

— Какая же ты все-таки суеверная, мама! Цяоцзяо и так засиделась, а ты по-прежнему всем отказываешь! Подумаешь — вазу разбил, с кем не бывает?

— Ты-то что понимаешь.— Тетка не дала матери и рта раскрыть.— Кого учить вздумала? Чего только я в жизни не испытала!

Тетка часто хвалилась: «Я все могу, все умею. Даже через голову кувыркаться! Кто в моем возрасте может такое?» И чтобы никто не усомнился в правдивости ее слов, она тут же садилась на пол и, треща костями, переворачивалась через голову. Мать в таких случаях обычно говорила, сдерживая смех: «Какая же ты ловкая, сестрица... Я бы так не смогла...»

Рассказывать о тетке можно до бесконечности. Итак Цяоцзяо снова не удалось выйти замуж. После этого больше полугода никто не заговаривал о ее замужестве.

А в прошлом месяце в Сингапур по торговым делам приехал из Гонконга названый брат матери по фамилии Хуан. Мать пригласила его в гости. Когда речь зашла о наших семейных делах, она рассказала, что четверо дочерей замужем, а вот пятая — самая младшая — все еще невеста.

Хуан подумал минутку и спросил:

— Сколько же вашей младшей лет?

Мать нахмурила брови:

— Тридцать два.

— Н-да, не молода... Но раз уж такое дело — есть у меня здесь на примете один человек.

— Что за человек?

— Мой секретарь, господин Пань. По годам он подходит, но... боюсь не подойдет он вам.

— Почему не подойдет? Вы уж договаривайте!

— Женат был,— пояснил дядя.— Правда, несколько лет как овдовел, но есть сын, только-только в школу пошел. Я ему очень советую жениться, будет кому сына растить, он тоже не против, только никак не найдет подходящей невесты. Человек он хороший, скромный. Мы давно работаем вместе, и я хорошо его знаю.

То, что Пань был женат, подействовало на мать как ледяной душ.

— Что и говорить,— сказал дядя,— какой девушке хочется выходить за вдовца... Но поймите, Цяоцзяо не молоденькая и ровесники ее почти все женаты.— Дядя умолк, огляделся и, убедившись, что Цяоцзяо поблизости нет, добавил, понизив голос: — Пусть выходит, если не хочет век в старых девах сидеть...

— Пожалуй, ты прав,— тяжко вздохнув ответила мать.— Такая ей, видно, судьба.

Дядя Хуан зачастил к нам и развил кипучую деятельность. Но все мы не очень-то верили в эту затею: те двое, получше Паня, и то не понравились матери, что же тогда говорить о вдовце, да еще с ребенком!

И все же дело как будто продвигалось успешно: не прошло и двух недель, как мать и дядя засуетились с помолвкой. И мы в глубине души надеялись, что на этот раз Цяоцзяо выйдет наконец замуж.

Главное, чтобы накануне помолвки чего-нибудь не случилось, иначе все усилия пропадут даром, как и в прошлые разы.

В день, когда жених с невестой должны были обменяться обручальными кольцами, в доме началась суматоха. Пришли все сестры, вторая и третья с мужьями, которые отпросились с работы, чтобы помочь. Ребятишек тоже привели, их было больше,

чем взрослых. Они носились из комнаты в комнату, и я все время следила за ними, боясь, как бы они не испортили дело, не перебили посуду.

После завтрака заявилась тетушка с невесткой и сыном. Не было лишь господина Паня. Мать, беседовавшая в гостиной с тетушкой, вдруг спохватилась:

— Ай-я-яй, сестрица, я до того закрутилась, что даже чаем вас не угостила.

— А мы дома перед самым уходом пили,— ответила тетушка.

— Ну тогда фруктов поешьте! Вот цзиньшаньские апельсины, яблоки.

Мимо как раз проходила четвертая сестра, и мать велела ей отнести фрукты на кухню и там разрезать на дольки. Затем они с теткой стали советоваться, в каком магазине лучше купить обручальные кольца.

— Ой-ой-ой!— донесся из кухни крик, который заставил всех вздрогнуть. Мать помрачнела, вскочила со стула и побежала на кухню.

— Что случилось? Что случилось? — Голос у нее дрожал. Остальные бросились вслед за матерью.

Оказалось, что четвертая сестра порезала палец.

— Резала яблоко... Зазевалась, и вот...— чуть не плача жаловалась сестра. Все засуетились вокруг нее.

— Скорее давайте китовый жир, скорее же!— истошным голосом вопила тетушка.

— Нет у нас китового жира,— откликнулась я.

Кто-то сказал:

— Нет жира — давайте молотый кофе.

Мать тотчас же набрала ложку кофе из банки и стала присыпать рану. Руки у нее дрожали, и порошок разлетелся во все стороны.

К счастью, кофе помог и кровь перестала капать.

— Подумать только! — сказала четвертая сестра. — Этот нож как раз наточили сегодня утром. Ох, как это некстати...

И в самом деле некстати. Такой знаменательный день, и вдруг — кровь! Опять все может расстроиться.

Бедняжка Цяоцзяо! Она была чуть жива:

— Больше всего на свете боюсь крови. Как посмотрела — так сердце зашлось... И голова кружится, и слабость во всем теле... — Она ушла в комнату.

Я с ужасом ждала, что скажет тетка, но, к моему изумлению, она не сказала ни слова.

Тетка долго молчала: видно, ждала, когда все соберутся в гостиной. А потом елейным голоском осведомилась:

— Ну что, сестрица, пойдем мы покупать кольца?

Вопрос был коварный, не без тайного умысла. Я стояла рядом и с нескрываемой ненавистью в упор смотрела на тетку. От страха за Цяоцзяо меня даже пот прошиб.

Но тут снова произошло непредвиденное.

— Разумеется, пойдем, — ответила мать ледяным тоном.

Тетушка не отставала:

— Но ведь только что...

— Знаю, — перебила мать, не глядя на сестру. — Но я твердо решила: не откладывать больше замужество Цяоцзяо!

Цзянь Жэнь

СЕКРЕТЫ ПРЕДКОВ

Оглушительные удары в гонг. Бом! Бом! Дон! Дон!

— Уважаемые братья!...— Бом!.. Дон!

— Почтенные сестры!..— Бом!.. Дон!

— Сегодня я пришел сюда...— Бом!.. Дон!

— Чтобы миру помочь и людей спасти...— Бом! Дон!

— Былую славу предков возродить...

— Ваш младший брат не за наживой пришел...

— Не корысти ради...

— Явился я в ваши края...

— Чтобы друзей себе отыскать...

— А вам Драконью-Тигриную мазь показать...

— Знаю я секреты старых людей...

— Они давно хранятся в семье моей...

— Вот и хочу я вам о них поведать...

— А ну взгляните!.. А ну подходите!.. Вот снадобье мое!— Бом!.. Дон!..

Толстый Хуан кончил выступление, и звуки гонга затихли. С толстяка градом катился пот. Отерев лицо полотенцем, которое лежало на столе, Хуан потянулся к чайнику и стал жадно тянуть воду. Утолив жажду, Хуан снова продолжал:

— Почтенные мужи! Уважаемые братья! Сестрицы-девицы! Пришел я сюда, а места мне совсем незнакомые. Друзей у меня здесь нет. Думаю я торговлю открыть, чтобы миру помочь, людей спасти, былую славу леченья возродить... Может быть, кто-ни-

будь из вас сомневается: «А ну-ка, мол, братец, что это ты за пилюли-зелье продаешь? От каких болезней да недугов лечишь?» Отвечу тому: знаю я секреты пяти поколений. Они-то и помогли сделать эту мазь Драконью-Тигриную по прозванию «Догоняющая Ветер». Кроме нее, есть у меня и другие снадобья: вот от ударов и ушибов, а вот порошок «Возвращающий душу», мазь под названием «Дух Пяти Тигров», пилюли для почек — силу их укрепляют. Все эти снадобья да зелья, порошки да пилюли лечат от самых разных недугов: когда в пояснице нудит и кости ломит, когда тело раздулось от яда или все пять болезней тебя охватили, когда почки ослабли, а ноги обмякли, голова гудит, а в глазах цветы или круги разбегаются, желудок стонет, дух захватило, не хочется пить, не хочется есть... Когда не знал в утехах ты меры и силы мужские поистрепались. Во всех этих случаях мое снадобье покажет чудесные свойства. При самых тяжких недугах польза будет через пять дней, при мелких болезнях — еще быстрее. Почтенные братья! Если не верите мне, могу тут же показать вам их действие. А ну подходи, мигом помогу. Покупай сколько хочешь! Желаешь одну склянку? Получай одну. Хочешь побольше? Бери две или три. Ну, подлетай! Если сомневаетесь в моих порошках, пилюлях и мазях, готов я пойти на убыток — даром отдам свою Драконью-Тигриную мазь. А все потому, что пришел не ради наживы, а ради славы да имени старого зелья. А ну подходи, посмотри да пробуй! Только хорошенько запомните марку «Силач». Запомнили? Это чтобы кто другой маркой не прикрылся... Еще вот что я хочу сказать. Другие торговцы только и думают, как бы побольше денег урвать да нажиться. Толстый Хуан не таков. Я продаю лекарства, чтобы поднять их славу. Поняли?.. А теперь ответьте: есть

ли кто среди вас, кто скажет, что я занимаюсь обманом и шарлатанством?..

Хуан стукнул себя кулаком в грудь. Лицо его приняло серьезное выражение.

— Кто осмелится утверждать, что Толстый Хуан сбывает дерьмо? А ну, вылезай!— рявкнул он. Толстый Хуан входил в раж.— Ну-ну, вылезай! Ткни в меня пальцем и крикни: «Мать твою, Толстый Хуан, ты дерьмо продаешь и травишь людей!» Пожалте, скажу, проверяйте. Вот вам табличка — свидетельство!— Он схватил деревянную дощечку с надписью: *Толстый Хуан. Тайны предков. Знаменитое лекарство марки «Силач». Чудесное исцеление для пользы мира и спасения людей.* Подняв табличку над головой, он сделал вид, что собирается швырнуть ее на землю.— «Чтоб тебя разнесло!»— Лицо его перекосилось и приняло свирепое выражение.— «Сейчас мы, Хуан, твою вывеску бах!— и вдребезги!..» Нет, уважаемые! Толстый Хуан человек не такой. Он справедливый и честный. Хуан не станет продавать дерьмо. Подходите и проверяйте: верная штука или подделка. Сами убедитесь, есть ли в снадобьях сила... Эй ты, парень!— Обращение относилось к напарнику Хуана, который стоял с гонгом возле стола.— А ну вдарь по тарелкам!— Бом!.. Дон!.. Бом!..

Хуан сделал большой глоток из чайника. Выпятив грудь, он принял позу бойца. Стоявшие в толпе смотрели на него будто завороженные, а одна старуха прошептала:

— Ай-я! Видно, это зелье и впрямь имеет чудесную силу!

Хуан проделал несколько быстрых движений. Лицо его покрылось испариной, дышал он тяжело, словно буйвол. Но хотя он затратил много усилий и сильно устал, его вид выражал большое удовлетворение.

Тем временем мальчишка-напарник поставил на стол чашку с чистой водой. Толстый Хуан приготовился демонстрировать чудесные свойства лекарств. Подняв баночку с зельем, «сделанным собственноручно по секретам предков», он показал ее всем и сказал:

— Вот это и есть Драконья-Тигриная мазь. Она изгоняет простуды и оживляет кровь. Помогает, когда ломит в суставах и костях или когда конечности теряют силу. Если есть какой-то другой недуг, она излечит и от него. А коли нет никаких болезней, тоже не повредит. Ваш младший брат готовил эту мазь на тибетских кореньях и травах, варил ее семь раз по семь дней — сорок девять суток. Вот какая это Драконья-Тигриная мазь «Догоняющая Ветер»! Сейчас я покажу вам ее свойства! Сами убедитесь, хороша она или нет, настоящая или поддельная. Если мазь настоящая, она должна вначале плавать в воде, не сбиваясь в шарики. Когда воду немного взболтаешь, капельки опустятся на дно и слипнутся в комочек. Если не верите, убедитесь сами.

— Эй, парень! Стукни-ка в гонг!— Бом!.. Бом!.. Дон!..

Толпа становилась все гуще. Всем хотелось увидеть чудесные свойства лекарства под названием «Силач». Толстый Хуан открыл банку и протянул ее зрителям, чтобы понюхали. От резкого, неприятного запаха носы у многих сморщились.

— Вот здорово! Ну и смердит!— раздался чей-то восторженный возглас.

Хуан поднял баночку и стряхнул несколько капель густой тягучей жидкости в чашечку с водой, после чего помешал бамбуковой палочкой. Все заметили, что красные шарики вдруг слиплись вместе.

— Ну как, почтенные, теперь убедились собственными глазами,— оживился он.— Что я говорил?

Толстый Хуан болтать зря не станет!— Он бросил быстрый взгляд по сторонам и с еще большим подъемом продолжал:

— Уважаемые зрители! Моя Драконья-Тигриная мазь обладает еще одним свойством — она способна пройти сквозь тело. А ну, протяни кто-нибудь руку. Я капну несколько капель на ладонь. Теперь понюхайте тыльную сторону. Чуете запах? Значит, зелье прошло сквозь тело. Вот в чем его секрет. Ну а теперь дело за вами. Покупайте мою мазь! Продам ее вам по-дружески, по-приятельски, всего по 20 центов за банку. Ну, кому? Одну или две?.. Хотите посмотреть? Давайте руку... Ну что, прошла сквозь тело? Хороша? Я старье сбывать не стану!..

Четыре-пять человек из толпы протянули руку, другие, не менее довольные, спрашивали, каков результат. Толстый Хуан, крепко схватив руку одного из зрителей, мазал его ладонь и заставлял других нюхать тыльную сторону руки. Поверив в чудесные свойства зелья, многие обменивались репликами, выражая свое восхищение.

В толпе стоял высокий китаец. Толстый Хуан не знал его, между тем в маленьком горном кампонге этот человек был хорошо известен даже пятилетним мальчишкам. Звали его Длинным Шанхайцем, а то и просто Дылдой. Он стоял среди тех зрителей, которые хотели на себе испытать силу зелья. Но когда Толстый Хуан попытался схватить его руку, Длинный Шанхаец вдруг резко отдернул ее и на ломаном гуандунском наречии сказал:

— Извини, братец! Ладонь мою мазью помажь, только не хватай своей рукой!

Толстый Хуан немного опешил, но как человек бывалый и привыкший ко всяким передрягам (ведь на жизнь приходилось добывать разными способами) он быстро совладал с собой и, улыбаясь, проговорил:

— Хорошо, хорошо, старший брат! Давай ладонь, я держать твою руку не буду. Ну, протягивай свою уважаемую длань!

Длинный Шанхаец протянул руку.

— Сам хочу убедиться,— тихо проговорил он.

Толстый Хуан помазал ладонь и спросил:

— Ну как, есть запах? Понюхай тыльную сторону!

Шанхаец потянул носом и, ничего не ответив, рассмеялся.

Хуан продолжал расхваливать свой товар. Баночки со снадобьем быстро расходились, и, хотя содержимого в них было до обидного мало, все покупатели остались довольны. Только Длинный Шанхаец, кажется, не собирался покупать, но и не уходил.

Выручка Толстого Хуана оказалась неплохой — больше десяти долларов. Толпа стала редеть. Однако Шанхаец все стоял и продолжал наблюдать. Толстый Хуан обменялся с напарником несколькими фразами и стал натягивать куртку.

— Эй, старший брат!— обратился он к Длинному Шанхайцу, почтительно сложив руки.— Благодарю тебя за поддержку. Не выпьешь ли со мной кофе?

— Ну что ж, пошли, посидим в кофейне, ведь ты, наверное, притомился...

И они, дружески беседуя, пошли в сторону лавок.

Толстый Хуан уже более десяти лет занимался своим ремеслом, но лишь сегодня впервые столкнулся с человеком, который решил его испытать. «Кто же он такой?— думал Хуан.— Понимает что-нибудь или нет? Ах ты, проклятье!»

— Как зовут уважаемого брата?— почтительно спросил он.

Шанхаец хмыкнул и странно округлил глаза.

— Меня зовут Гао. А тебя?

— Моя низкая фамилия Хуан, а имя Лунху — Дракон-Тигр.

— Позволю полюбопытствовать, а кто твой наставник?— Гао употребил слово, которого Толстый Хуан не знал.

— О чем это ты?

Гао рассмеялся и не ответил. Они вошли в лавку, сели за стол и заказали кофе.

— Так вот, уважаемый брат,— проговорил Гао, и на стол легли два увесистых кулака,— я спросил, кто твой наставник. Уж если ты занимаешься своим ремеслом, тебе должны быть известны правила Пяти Озер и Четырех Морей. Знаешь их?.. Я ведь тоже врачую, и довольно давно. Эти места занял я. Но вот нынче я сюда пришел, а торговля что-то не идет. Оказалось, ты мое место захватил. Что ж, придется тебя проучить!— Длинный Шанхаец поднялся и поставил ногу на лавку. Всей своей воинственной позой он говорил, что собирается дать конкуренту взбучку. Толстый Хуан заметно струхнул. Кажется, снадобье, дающее великие силы, вдруг потеряло свои чудесные свойства. Он уже понял, что Длинный Шанхаец человек бывалый и в своих делах мастак. Толстый Хуан тоже был не промах, но сейчас он растерялся — ведь он и правда никогда не слыхивал о том, что сказал ему Шанхаец, хотя вначале и сделал вид, что просто не понял собеседника. Однако терять свою марку Толстому Хуану не хотелось. Боясь снова опростоволоситься, он с вызовом спросил:

— Ты что же, думаешь, мое лекарство поддельное?

Длинный Шанхаец сразу смекнул, что скрывается за этим вопросом. Он уже давно раскусил Хуана и сейчас ждал, что последует дальше.

— Ну что ты! Разве уважаемый брат станет сбывать поддельное лекарство?— с издевкой проговорил

он.— Но только я знаю, что на Театральной улице в Сингапуре продают мазь под названием «Красные цветы», по полтора доллара за большую банку. В твоих склянках наверняка эта мазь и есть. Но это уже твое дело, оно меня не касается... Что до твоего фокуса, на который я чуть было не попался... Объяснить его? В одной руке у тебя банка, другой ты хватаешь руку, а сам норовишь коснуться тем пальцем, что в мази. На, мол, понюхай, болван!.. Баста! Больше я тебе дурачить людей не позволю! И так тебя уважил! Разговоры в сторону! Перейдем к делу! Гони свою выручку на стол и полтора доллара за закуску, а завтра чтобы духу твоего здесь не было! Фьюить! Понял? Если снова появишься в наших краях, будем куш делить поровну! Выручка пополам, иначе...— Длинный Шанхаец стукнул изо всех сил кулаком по столу. Трах! Кофе выплеснулся из чашек и залил стол.— Или померимся силой? Может быть, мазь «Силач» поможет меня одолеть? Ну как? Если победишь ты, завтра меня не будет в этих местах. Идет?

Лицо Толстого Хуана пошло красными пятнами, а потом странно позеленело. Противник, стоявший перед ним, был высок и, наверное, очень силен — настоящий северянин со здоровенными ручищами и кулаками точно молоты. «Вот невезение!— подумал Хуан.— Правильно говорится: бог богатства нарвался на духа несчастья! Придется раскошеливаться!» Он уже понял, что сегодня ему не повезло. Хоть и говорят, что герой не дает промаху, однако нынче произошла осечка — нарвался-таки на своего злого духа. Он полез в карман и с болью сердца вытащил пачку бумажек и серебряную мелочь.

— Забирай, вон здесь сколько! Извини, почтенный, мне некогда. Пока!— буркнул он.

Длинный Шанхаец никак не выразил своей при-

знательности. Когда Толстый Хуан удалился, он стал считать выручку: девять бумажек по доллару и больше сорока серебряных гривенников.

«Подфартило!— довольно ухмыльнулся он. Заплатив тридцать центов за кофе, он закурил сигарету и вышел.— Этот парень отправился, как говорится, с пустым багажом,— подумал он.— А все оттого, что не поставил свечку в храме местного бога. Бедняга! Вот нынче и нарвался на духа зла! Да, не повезло ему!»

Напарник Толстого Хуана уже давно сложил незамысловатый скарб и сидел на коробе в ожидании хозяина. Они собирались пойти на базар закусить. Показался Толстый Хуан.

— Уходим отсюда, пошли!

У парня от голода сводило живот, но расспрашивать хозяина он не решался. Вскинул коромысло с коробами на плечо, и они тронулись в путь. Толстый Хуан взглянул на черную лакированную табличку с золотыми иероглифами: *Тайны предков. Знаменитое лекарство марки «Силач». Чудесное исцеление для пользы мира и спасения людей* — и со злостью выругался.

Юй Мово

БЕДА

— О предки,— причитала мать Наньши, вытирая потную спину дочери.— Сама ведь накликала беду.— Висевший под потолком электрический вентилятор мерно покачивался, словно выражая этим свое сочувствие.

Шум разбудил бабушку, которая обычно сладко спала перед обедом, и она, с трудом продрав глаза, неуверенным шагом подошла к двери узнать, что случилось.

— В чем дело? Наньши, ты...

Услышав голос бабушки, девочка словно замерла, потом надула губы и заплакала. Лицо у нее было скорбное, точь-в-точь как у трагической киноактрисы.

— Вы только посмотрите, как она вспотела. Вся спина мокрая!— сказала мать Наньши.

— А вы еще и вентилятор включили. Выключите его поскорее. Ну, скорее же! Ох, грех-то какой!

Старуха окончательно проснулась, и руки ее, привыкшие к четкам, пришли в движение, будто она собиралась дирижировать.

— Афэн, принеси бабушке четки,— велела слуге мать Наньши, а сама спросила:— Не хотите ли бульону из женьшеня? Он уже готов

Но старуха, видно, забыла в этот момент о том, что женьшень — это эликсир жизни, и без конца твердила, указывая на вентилятор·

— Выключите его скорее, выключите!

— Нет, нет, не надо,— захныкала Наньши.—

И так жарко.— Девочка уткнулась лицом в плечо матери, и полотенце, которое та держала, упало на пол. Бабушка наступила на него.

Вся спина Наньши была покрыта капельками пота, очень напоминавшими капли, образующиеся на стене от пара. Нейлоновая кофточка липла к телу и не пропускала воздуха, как бумага, которой заклеивают окна. И в то же время она была такой прозрачной, что сквозь нее просвечивал бюстгальтер. Наньши было не больше пятнадцати лет, но она выглядела взрослой девушкой и уже привлекала внимание мужчин.

Пришел Афэн, но принес не четки, а воду со льдом, о которой так мечтала Наньши.

— Ох, грех! Грех!— увидев это, запричитала бабушка, нервно теребя пуговку шерстяной кофты и кусая губы. Затем сказала дрожащим голосом:— Когда разгорячишься, нельзя пить воду со льдом. Тебе что, жизнь надоела?!

— Жарко мне, холодненького хочется! Никак не напьюсь, бабушка.— Наньши вдруг стала приплясывать, держа в руке стакан, который опорожнила быстрее, чем слезы выступают на глазах.

— Грех. Вот уж действительно — от поколения к поколению все хуже,— сказала бабушка и, помолчав, добавила:— Афэн, негодник, ты смотри у меня...

Она с решительным видом уселась на диван, закрыла глаза и откинулась на спинку. На мгновение старуха даже забыла про вентилятор. Она сидела насупившись, шамкая беззубым ртом, чем очень напоминала зайца, который что-то жует. Недаром говорят старики, что единственный способ утолить жажду в знойный день после дальней дороги — это выпить горячего чаю и вытереть пот полотенцем: тогда ни за что не простудишься. Ну, а нынешние

молодые люди что делают? Включают вентилятор, пьют ледяную воду...

— Грех, грех. Просто ума не приложу, что нынче происходит.

Вскоре бабушка приоткрыла глаза, продолжая теребить пуговицу своей шерстяной кофты. Вот перед нею всеобщая любимица — Наньши. Чего ей недостает? Ест, сколько хочет, ездит на машине. Все ей прислуга делает. Вот и располнела, хоть совсем еще юная. Впрочем, полнота — признак преуспеяния и богатства. Почему девочку назвали Наньши, а не Сиши, по имени знаменитой красавицы, или хотя бы Дунши, изо всех сил старавшейся подражать Сиши? Дунши — редкое имя. А может, и правильно, что ее назвали Наньши[1]? Ведь девочка родилась в Юго-Восточной Азии. К тому же она была первым ребенком в семье. А ведь юг как раз и стоит первым среди четырех сторон света, а уже потом идет север, восток, запад. Вообще бабушка считала, что ей не повезло. У нее не было внучки-красавицы, такой, как Сиши, которая могла бы служить подлинным украшением семьи. Не было у нее и внука, который мог бы стать наследником. Но слово «нань» по-китайски значит еще и «мальчик». И бабушка берегла внучку, как редчайшую драгоценность. Когда же ей говорили, что Наньши — это видоизмененное имя Нэнси, что оно европейское, бабушка делала вид, что не слышит.

— Оказывается, и имя европейское. Грех.— Она медленно открыла глаза. Ей вдруг представилась Наньши в черных, плотно облегающих ноги джинсах. Она подумала, что, окажись она с Наньши в зоопарке, она могла бы принять ноги внучки за ноги лошади или оленя. А надень Наньши красные или зеленые

[1] Нань — по китайски «юг».

джинсы, какой-нибудь пьяный старикашка непременно ухватился бы за ее ноги, приняв их за разукрашенные по-праздничному столбы.

— Ох, грех. Грех.— Бабушку била дрожь, и она вся съежилась — даже шерстяная кофточка ее не грела.— Выключите вентилятор! Ну, хотя бы ради меня!

Наньши отошла от матери и с недовольным видом уставилась на бабушку.

— Бабушка, ты целыми днями твердишь «напилась», «напилась»[1]. Да разве ты можешь напиться? Вот папа, тот каждый вечер напивается. Мама говорит, что еще ни разу не вернулся домой трезвый. У пьяных так нехорошо пахнет изо рта. Тебе не надоело напиваться?..

Между тем в гостиной начали собираться знатные дамы, партнерши матери по игре в мацзян. Они собирались каждую субботу в определенное время и с азартом играли до полуночи, поднимая невообразимый шум. Бабушка негодовала, но не решалась ничего сказать, чтобы не обидеть приятельниц матери. Бывало, что приятельницы заходили и среди недели. Бабушка едва с ними здоровалась, а то и вовсе не удостаивала вниманием.

— Я говорю о грехе,— сказала бабушка прищурившись.— А ты что выдумала? «Напилась»...— в это время бабушка сделала рукой движение, словно пробовала распознать на ощупь игральные кости.

— Вы только посмотрите!— развеселилась Наньши, едва сдерживая смех.— Бабушка без вина опьянела. Без конца твердит «напилась», «напилась». От одного запаха опьянела. Видите, щурится совсем как пьяная...

[1] Слова «грех» и «напиваться» по-китайски звучат одинаково.

— Замолчи, Наньши. Ты...— осторожно одернула мать девочку.

А бабушка тяжело вздохнула, привлекла к себе Наньши и спросила:

— Что же ты натворила? Расскажи бабушке, Наньши!

— Натворила она дел. О, боже. Пыталась ездить в автобусе.

Все с испугом уставились на Наньши, а она принялась рассказывать о том, что с ней произошло.

— Все из-за этого Амо, все из-за Амо.— Наньши снова начала всхлипывать.— В субботу занятия в школе кончаются рано. И мы решили сразу же после уроков поехать на пикник: пикник — это здорово! Я сменила форму на платье, которое взяла у одной девочки, и по-английски попросила Амо отвезти нас после обеда за город. Амо, видимо, не понял меня. Тогда я обратилась к нему по-малайски. Но по-малайски я говорю плохо и пришлось объяснять ему жестами. Все из-за этого Амо...

— Грех, грех... Выходит, это Амо надоумил тебя ехать автобусом?

Одна из дам покачала головой и заерзала на стуле.

— Ай-я! Грех-то какой! Автобус не для тебя.— Бабушка бросила взгляд на присутствующих, которые с интересом слушали Наньши.

— Ну что ты, бабушка. В автобусе очень интересно! Когда он трогается с места или водитель тормозит, сердце замирает, как бывает, когда снится, будто, оступившись, ты с огромной высоты падаешь вниз. Меня от страха даже в пот бросило. Я уже хотела звать на помощь. До сих пор вся дрожу, а сердце колотится: тук-тук, тук-тук!

— Представляю, как ты испугалась!

— Вовсе нет. В автобусе очень забавно — так

трясет, так трясет. А на остановках все валятся друг на друга, начинается толкотня. Очень здорово!

Неожиданно в разговор вступила одна из дам, видимо не разделявшая восторга Наньши.

— Фу, как мерзко!— заметила она презрительно.

— Кто не ездил в автобусе, бабушка, тот не видел ничего интересного. Ученикам полагается льгота, так что мы платили только две трети стоимости билета. В салоне висит табличка, на которой написано: «42 сидячих места для взрослых, 14 стоячих мест, всего —56». Но поскольку на двух взрослых приходится три ученика, нас набилось в автобусе человек семьдесят — восемьдесят. Ничего страшного, по крайней мере упасть некуда, когда водитель тормозит.

— И что в этом интересного,— сказала бабушка.— Грех один.

Тут вмешалась в разговор еще одна дама, перебив бабушку:

— Выходит, пассажиры в автобусе все равно что сардины в банке.

— Ха-ха! На насест и то не посадишь кур больше, чем положено. Нет, это настоящее издевательство.

— В том-то и грех...— кивнула головой бабушка, не обидевшись, что ее перебивают.— Нет, в автобусе нельзя возить людей.

— Что верно, то верно,— сказала третья дама.— Я ездила однажды и зареклась садиться в автобус: такая давка, все толкаются. Неудобно и противно. Я, когда ехала, была в китайском халате с высоким разрезом сбоку и чувствовала, как все трутся о мою ногу, так противно...

— Хватит, хватит. Слушать стыдно!— сказала дама, прервавшая рассказ Наньши замечанием «Фу, как мерзко!».— Впрочем, тебе что, ты уже немоло-

дая. А вот старшая дочка Лаосаня однажды ехала в автобусе, так на ней было платье с большим вырезом, все напоказ... Вот это — срам! Будь она моей дочерью, я бы ей всыпала пятьдесят плетей и строго-настрого запретила ездить в автобусах, чтобы не срамила себя и все восемнадцать поколений своих предков...

— Значит, по-вашему, автобус не для людей,— сказала Наньши.

Бабушка даже рот раскрыла от удивления.

Тут робко заговорила мать Наньши:

— Но ведь люди все разные. Те, что ездят в автобусах, Наньши, совсем другие, не такие, как мы...

Дама, которая зареклась ездить в автобусах, замахала рукой и прервала мать Наньши:

— Вы говорите: сардины в банке, куры на насесте... Все это теперь в порядке вещей. Всего насмотрелись: и учеников по утрам и вечерам, и тех, кто толкается в автобусах, добираясь на работу и с работы. Как рыбы в сети. В автобусе даже на подножках висят...

— Ох, грех-то какой! Вы совершенно правы. Автобусы совсем для других людей, не таких, как мы. А ты, Наньши, слушай, что говорят старшие.

Почтенные дамы одобрительно закивали головами, как бы подтверждая, что они люди особого сорта.

— Афэн, дай мне попить, умираю от жары!— обратилась Наньши к слуге и повернулась к бабушке.— Бабушка, я в школу на автобусе поеду, ладно?

— Тебе жизнь надоела? Грех, грех. Ведь я не велела тебе пить холодную воду. А этот Афэн все назло делает. Если ты сегодня опять будешь... Грех, грех. Говорю тебе, слушайся старших. Но если ты снова будешь...

Наньши со смиренным видом ответила:

— Бабушка, я не выношу жары. Меня все время

мучает эта жара. Разреши мне хоть глоточек выпить. Учитель говорит, что я толстая. Толстая... потому что езжу на автомобиле, мало двигаюсь и не потею. Не потею и потому толстая...

Почтенные дамы засмеялись. Они смотрели на девочку так, как смотрят зрители на лошадь, сорвавшуюся с узды.

— Хм, ты с ума сошла. Грех, грех. Что ты говоришь?

— Все это, бабушка, ребячьи шутки, не сердитесь. Пусть попьет воды.

— Нет, нет. Это совсем не шутки. Вот, мама, ты говоришь, что люди все разные, что они делятся. А я... к каким людям я отношусь? Я сдавала зачет. Не сдала. Учитель сказал, что я чересчур толстая, мало занимаюсь спортом, мало получаю баллов...

— Значит, ты хочешь ездить в автобусе?! Не боишься осрамить себя? Не боишься опорочить имя своего отца? А если знакомых встретишь, сразу пойдут разговоры, что, мол, дочка такого-то ездит в автобусе. Ведь это будет настоящий скандал! Ну не позор это? Сама посуди! Так недолго всех предков осрамить...

— Но самое страшное то, что...— заговорила мать Наньши глухим голосом.— Знаете, чего я боюсь, почтенная бабушка? Что Наньши похитят. В городе много дурных людей. Наньши, а вдруг тебя похитят, ты же из почтенной семьи, а собираешься ездить в автобусах!

— Ма-а! Если захотят похитить — непременно похитят, если даже я буду ездить на машине. Приставят дуло пистолета к виску Амо. Ха-ха! Это очень просто делается.

Все рассмеялись. Одна бабушка оставалась серьезной.

— Грех, грех. Думаешь, ездить в автобусе —

значит двигаться и потеть? Думаешь, это полезно? В автобусе — духота и толкотня, а это вредно для здоровья. Право, грех. Но если бы даже я разрешила тебе ездить в автобусе, отец все равно запретил бы.

— А мне достаточно маминого разрешения.

— Что там отец! Он каждый вечер пьет. Разве может пьяный трезво рассуждать?

— Ай-я! От поколения к поколению все хуже. Грех! — Бабушка шумно вздохнула и представила себе, как Наньши будет толкаться в автобусе... Подумала о ее облегающем тело платье, о ее европейском имени... Бабушке и всему ее поколению это было чуждо. А что поделаешь? Она так любит Наньши...

Вдруг любимая Наньши стала чихать и сморкаться.

— Ой-ой! Голова болит, спать хочется.

— Простудилась, — сказала одна из дам.

— Из-за перемены температуры, — добавила другая.

Третья дама почесала в затылке, мать Наньши тоже почесала в затылке, но обе промолчали.

— Все из-за этих автобусов! Давка, духота! Кто может это вынести? И все из-за того, что Амо не исполняет своих обязанностей. И еще этот Афэн с ледяной водой. Одна беда от этой воды, одна беда! Грех! Прямо погибель!..

— Я пойду лягу, голова болит.

— Пойди поспи, деточка. Завтра бабушка скажет отцу, чтобы выгнал этого негодного Амо. А не выгонит, я сама — пусть умру, но... Еще этот негодяй Афэн... Чтоб духу их здесь не было! Умру, но добьюсь своего! Грех! Грех! Не будет им прощения за то, что подбили тебя ехать в автобусе.

Со скорбным выражением лица Наньши отправилась спать в комнату, где под потолком висел вентилятор.

Янь Чэнь

ДНЕВНИК ПОДНЕВОЛЬНОГО

21-е...

Вчера я работал в ночную, с двух. Простоял у станка добрых четыре часа, глаза стали слипаться — как еще руку в колесо не сунул?— все тело перепачкано резиновым соком. Наконец вышел из грязного, смрадного цеха на улицу. Повеяло утренним ветерком, и, хотя стынь такая, что мурашки по коже, надо еще идти в душ, смывать с себя пот и вонючую жижу.

Ополоснулся и, только протиснулся на свое место на нарах, сразу размяк, а тело будто чужое — не шевельнешься. Работали сдельно: работы больше вдвое, а денег — на треть меньше.

Открываю глаза — уже одиннадцать. Позавтракал, сел на постель передохнуть — слышу, мастер говорит: «Еще три дня, и кончится каучук», а хозяин сказал, что кончится каучук — вообще закроет фабрику. Эх-ма! Пять дней проработал, и стоп; смеется, что ли, хозяин над рабочими?!

Оглянуться не успел — бьет двенадцать; скоро опять запрягаться на четыре часа.

В полдень жара нестерпимая, от испарений дыхнуть нечем — как в печке; машины ревут. Я стою у станка, и, хотя из трубки, которая приделана сверху, на руки и на ноги брызжет вода, в груди все горит, пот льется ручьями. Судорожно вертится огромное колесо станка, на него наматывается кожаный ремень, поднимая легкий ветерок. Но этому ветерку не осушить моего пота.

Я должен брать куски каучука, которые обрезает

первый станок, и спрессовывать их в полосы, да еще следить, чтоб поровну было белых кусков и черных. Рабочие из сил выбиваются, чтобы сделать больше и быстрее, угодить старшему подрядчику. Каждый «замыкающий» станок в среднем за пять минут обрабатывает по две полосы, длина полосы — примерно один чжан[1]. На мой же, второй станок приходится три «замыкающих», тут не до цвета, едва успеваешь спрессовывать да передавать на «замыкающий».

Наверное, я чересчур увлекся сортировкой и замедлил работу; подбежал мастер да как заорет в самое ухо: «Быстрее! Чтоб каждый раз на полу лежало не меньше трех полос!» Черт возьми! За пять минут шесть полос, и все мало? Сделал полосу, передал на «замыкающий» и можно вытаскивать: куда же еще быстрее?

Я все же смекнул, как надо поступать: не разбираю, белая ли, черная ли, хватаю, что под руку подвернется — есть полоса, и ладно. Не удивительно, что через пятнадцать минут, помимо той полосы, что шла на «замыкающий», на полу оставалось еще две; я наконец разогнул спину.

Перед станком горкой лежат каучуковые полосы, пожалуй, их больше сотни; а часы на стене показывают всего четыре с четвертью. За два часа три «замыкающих» обработали сто полос; и правда вдвое быстрее, чем раньше, да и полосы намного длиннее.

«Эй! Чересчур много черных!» — стараясь перекричать рев машин, орет на меня очкастый табельщик. Побоялся, видно, что я не услышу, подошел к станку и, тыча в лежавшую на полу черную полосу, сказал: «Черных поменьше», затем встал на мое место, поднял кусок каучука, затолкал в колесо —

---

[1] Мера длины, равная 3,2 м.

решил, видимо, уменье свое показать. Еще разок затолкал — и каучука перед «замыкающим» станком как не бывало; а рабочий у «замыкающего» стоит, ждет.

Вдруг здоровенный кусок каучука в одном из первых станков выстрелил вонючей, грязно-коричневой жижей; табельщик отскочил и спрятался за мою спину, я для него — как щит.

«Вытащи,— приказал он и, повернувшись к ожидающему Я Дуну, крикнул:— Быстрее поворачиваться, быстрее!»

Ему и на «замыкающем» захотелось показать класс. Одной рукой принял у меня каучук и затолкал в станок Я Дуна; Я Дун отошел в сторонку. Табельщик подождал, пока машина прожует этот кусок, наклонился, вытащил из лежавшего внизу мешка еще один, сложил его вчетверо — и опять в колесо. Но четыре слоя слишком много: колесо давится и, рыгнув, выплевывает здоровенный кусок: вместо полосы — какие-то огрызки. Табельщик отупело ждет, пока машина прокашляется, берет еще кусок, складывает на этот раз вдвое, сует в колесо, снова кричит Я Дуну: «Живее!»— и не оборачиваясь уходит.

Я работаю так, как показал табельщик,— десять минут, пятнадцать...

«Слишком много белых, черных побольше».—Это говорит мастер, который только что появился. Тьфу! Один так, другой этак; кого же слушать?

Прошли наконец и эти четыре часа каторжного труда, отмучился.

После ужина я подумал, что пора бы съездить домой, сменить одежду, и пошел к мастеру отпрашиваться. Вместе со мной пришли отпрашиваться еще несколько рабочих, в том числе и Я Дун. Но мастер отпустил только меня и Я Дуна, и я тотчас же двинулся в путь.

22-е...

Утром, только я вернулся на фабрику, товарищ по смене Цзинь Фу шепотом сообщил мне, что накануне вечером мастер не нашел мне замены, рвал и метал, говорил, что я самовольно отлучился с работы, и, видимо, сегодня припомнит мне это.

Что же это получается, думал я, ведь он сам меня отпустил, меня и Я Дуна. А теперь на попятную? Как же так?

Пока я размышлял, сидя на постели, проснулся Я Дун и сказал:

— Шуан Ши собирается свести с тобой счеты.

— За что? Ведь он сам меня отпустил, ты же слышал!

— Ты не знаешь, сколько пота и крови пролил Шуан Ши, выслуживаясь перед старшим подрядчиком, пока получил место мастера,— вот и хочет теперь показать свою власть. К тому же на его стороне тайное общество, в котором заправляет старший подрядчик, поэтому он может творить что ему вздумается.— Я Дун достал сигарету из-под подушки, закурил.

— Вчера вечером их «братья» по обществу решили повеселиться и не вернулись; идти на работу некому, а на «братьев» не больно-то покричишь. Вот он...

— Но должна же быть справедливость,— перебил я Я Дуна, снимая куртку.— Я ничуть не боюсь.

И все же мастер разыскал меня и, тараща глаза, заорал:

— Ты почему вчера бросил работу, кто тебе разрешил?

— Ты сам меня отпустил. Я Дун слышал, и другие тоже.

— Вранье!

— Не надо ругаться, Я Дун подтвердит.— Я дернул Я Дуна за руку.

Но Я Дун испугался, как бы его не впутали в эту историю, и ответил уклончиво:

— Ну что ссориться из-за пустяков?

Видя нерешительность Я Дуна, мастер еще больше обнаглел.

— Я запретил тебе оставлять работу,— крикнул он.

— Ха! В гробу я тебя видал! Кричи на кого-нибудь другого!— не сдавался я. Тут мастер так разъярился, что двинул кулаком по нарам и шагнул ко мне. Я тоже встал и приготовился достойно его встретить.

— Ладно, нечего вам из-за пустяков...

— Хватит кричать, кончайте...

— Если надо, разберитесь спокойно...

Сбежался народ со всего общежития, нас стали разнимать, кто-то схватил меня за руку, кто-то вытолкнул Шуан Ши во двор.

— Гад! На дружков надеешься! Какой храбрый выискался! Но я тебе спуску не дам!

23-е...

Только было рабочие десятичасовой смены приготовились к выходу, как в общежитии появился очкастый табельщик и объявил, что каучук кончился и на работу идти не надо. Затем пришел старший подрядчик, приказал собирать одежду, а после обеда брать расчет.

Черт! Поработали неделю, а теперь иди куда знаешь. Мы для хозяина голодные котята, которых он дразнит кусочком колбасы.

Помню, шестнадцатого числа, когда я нанимался на эту фабрику, мастер потребовал с меня две фотокарточки; пришлось идти к другу, владельцу фотографии, и тот в долг отшлепал мне полдюжины. Старший подрядчик взял еще две и предупредил,

что на работе надо быть смирным, не бунтовать. До чего же я радовался, что нашел наконец работу. Она была для меня все равно что живительная влага после долгой засухи. Кто же знал, что через семь дней выгонят.

Рабочие засуетились, как муравьи на раскаленном котле.

Три часа. Старший подрядчик объявил, что можно идти в кассу.

А какой заработок за семь дней? Вмиг истратишь. Рабочие выходили по двое, по трое; через пятнадцать минут на фабрике стало тихо, как на кладбище.

Вышел и я, вышел с тяжелым сердцем.

СОДЕРЖАНИЕ

« ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Вышла в свет

СОВРЕМЕННАЯ ИРАНСКАЯ НОВЕЛЛА: 60—70-е годы. Сборник. *Пер. с перс.*

В книге собраны лучшие рассказы 60—70-х гг., принадлежащие перу известных иранских писателей Голамхосейна Саэди, Фаридуна Тонкабони, Ибрагима Голестана, Хошанга Гольшири и др.

Рассказы с остросоциальной тематикой, лирические новеллы, бытовые и юмористические зарисовки дают читателям возможность ближе познакомиться с жизнью предреволюционного Ирана, с проблемами, волнующими народ этой страны, с разными направлениями в творчестве нового поколения прозаиков, уверенно занявших ведущее место в современной иранской литературе.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Вышла в свет

НОВЫЕ РАССКАЗЫ ЮЖНЫХ МОРЕЙ: Современная новелла Океании. Сборник. *Пер. с англ.*

Литература Океании родилась в середине 1960-х гг. и с самых первых шагов заявила о себе как литература многообразная и истинно национальная, корнями своими уходящая в многовековую историю устного народного творчества. Именно в это время и создаются первые произведения авторов из Западного Самоа, Папуа Новой Гвинеи, островов Фиджи, островов Кука и аборигенов Австралии и Новой Зеландии.

В сборник входит повесть К. Джонсон «Падение дикой кошки», рассказывающая о судьбе аборигена в современной Австралии, рассказы В. Ихимаэра, А. Вендта и другие произведения.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Готовится к печати

СОВРЕМЕННЫЕ ЯПОНСКИЕ ПОВЕСТИ: Сборник. *Пер. с япон.*

В сборник включено несколько повестей японских писателей разных поколений. Произведения отличаются широтой охвата жизненного материала, актуальностью поставленных в них проблем: одиночество человека в современном буржуазном обществе, распад традиционного семейного уклада, возрождение японского милитаризма, ответственность каждого человека за судьбы мира.

Книга отражает основные тенденции развития современной японской прозы.

Сингапурская мозаика

Составитель
Дмитрий Николаевич Воскресенский

ИБ № 7180

Редактор *Файнгар А.*

Художник *Алексеев В. Г.*

Художественный редактор *Купцов А. П.*

Технический редактор *Юдина И. А.*

Корректоры *Понкратова Е. П., Пунга Р. Х.*

Сдано в набор 13.07.79. Подписано в печать 13.02.80.
Формат 70Х100 1/32. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура обыкновенная - новая. Печать офсетная.
Условн. печ. л 12,9. Уч.-изд. л. 12,61. Тираж 50.000 экз.
Заказ № 346. Цена 1 руб. 50 коп.

Издательство „Прогресс"
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва 119021, Зубовский бульвар, 17.

Отпечатано на можайском полиграфкомбинате
Союзполиграфпрома при Государственном комитете
СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли.
Можайск, 143200, ул. Мира, 93.

1 р. 50 к.